БОЛЬШЕВИК

№ 1 № 1

15 ЯНВАРЯ

1926

МОСКВА

ИЗДАНИЕ ГАЗЕТЫ „ПРАВДА“

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

БОЛЬШЕВИК

№ 15 ЯНВАРЯ 1

ПОЛИТИКО-ЭКОНОМИЧЕСКИЙ
ДВУХНЕДЕЛЬНИК ЦК ВКП

1 9 2 6
МОСКВА
ИЗДАНИЕ ГАЗЕТЫ
«ПРАВДА»

Главлит № 52987. Москва. Тираж 40.000 экз.

Тип. изд-ва „Правда“ и „Беднота“. Яузский мост, Серебрянич. набер., д. 23а.

Ленинские заветы и с'езд партии.

Работы XIV с'езда нашей партии протекали перед второй годовщиной со дня смерти **В. И. Ленина.**

Вот уже в течение двух лет партия растет и крепнет, укрепляет диктатуру пролетариата и строит социализм без своего гениального вождя, без Ильича, но твердо идя по пути выполнения его заветов.

Только потому, что партия ни на шаг не сбивается с ленинских заветов, мы достигли тех крупных политических и хозяйственных успехов, которыми ознаменовались последние два года. Упрочилось наше международное положение, несмотря на затяжку революции в Европе; упрочилась и стоит непоколебимо диктатура пролетариата в нашей стране; произошел общий под'ем нашего народного хозяйства, рост производительных сил страны; вместе с тем, вырос и удельный вес социалистических элементов хозяйства во всей экономике страны; сильно выросли ряды партии за счет рабочих и т. д.

Это «мирное» строительство дается партии с огромными трудностями. В условиях нэпа, наш рост сопровождается также абсолютным (хотя и не относительным) ростом капитализма как в городе, так и в деревне, известным ростом классовых противоречий и некоторым усилением буржуазии.

В то же время и в среде нашей партии, единственной легальной партии в стране, в условиях мелко-буржуазного окружения, не могут от поры до времени не проявляться отдельные колебания, об'ективно отражающие собою давление этого социально чуждого пролетариату окружения. Это создает дополнительные, крайне серьезные трудности партии, вынуждая ее отдавать известные силы, время и внимание на борьбу с уклонами и извращениями ленинизма, отрывая эти силы, время и внимание от основных задач строительства социализма.

Такие дополнительные трудности, «накладные расходы» в деле строительства социализма в крестьянской стране встали и перед XIV с'ездом партии, который посвятил свои заседания почти исключительно борьбе с новой оппозицией.

В борьбе с этой оппозицией, представленной на с'езде исключительно ленинградскими делегатами, подавляющее боль-

шинство с'езда, как и подавляющее большинство всей партии, заняло последовательно-ленинскую позицию, отстаивая ленинские заветы против непонимания и искажения их оппозицией.

Крайне характерно при этом, что оппозиция проявила непонимание именно последних статей Ленина, которые вся партия рассматривает, как посмертные завещания Ильича партии («Как нам реорганизовать Рабкрин», «О кооперации» и др.). В этих посмертных статьях В. И. Ленин, несомненно, взвешивая каждое свое слово, формулировал перспективы нашего развития и основные задачи партии на целый период исторического развития.

Споры с оппозицией вращались прежде всего вокруг основного вопроса об оценке движущих сил революции.

Вот как перспектива развития классовых отношений в нашей стране рисовалась Владимиру Ильичу Ленину:

«Конечно, в нашей Советской Республике социальный строй основан на сотрудничестве двух классов: рабочих и крестьян, к которому теперь допущены на известных условиях и «нэпманы», т.-е. буржуазия. Если возникнут серьезные классовые разногласия между этими классами (т.-е. между двумя основными классами—рабочими и крестьянами. Ред.), тогда раскол будет неизбежен, но в нашем социальном строе не заложены с необходимостью основания такого раскола, и главная задача нашего ЦК и ЦКК, как и нашей партии в целом состоит в том, чтобы внимательно следить за обстоятельствами, из которых может вытечь раскол, и предупреждать их, ибо в последнем счете судьба нашей Республики будет зависеть от того—пойдет ли крестьянская масса с рабочим классом, сохраняя верность союзу с ним, или она даст «нэпманам», т.-е. новой буржуазии, раз'единить себя с рабочими, расколоть себя с ними. Чем яснее мы будем видеть перед собой этот двоякий исход, чем яснее будут понимать его все наши рабочие и крестьяне, тем больше шансов на то, что нам удастся избегнуть раскола, который был бы губителен для Советской республики» (Статья «Как нам реорганизовать Рабкрин». Собр. Соч., т. XVIII, ч. 2, стр. 115).

Каковы те два коренных, принципиальных положения, которые выдвигает здесь Ильич по вопросу об отношениях между рабочим классом и крестьянством, между этими двумя основными классами в нашей стране? Эти положения таковы:

1. Раскол между ними «был бы губителен для Советской Республики»,—вот первое положение. О том же говорят слова: «В последнем счете судьба нашей Республики будет зависеть от того—пойдет ли крестьянская масса с рабочим классом, сохраняя верность союзу с ним, или она даст «нэпманам», т.-е. новой буржуазии, раз'единить себя с рабочими, расколоть себя с ними». Отсюда, из этой первой главной мысли вытекает главная практическая директива, которую дает Ильич партии: «внимательно следить за обстоятельствами, из которых может вытечь раскол»,—укреплять союз рабочих и крестьян.

2. «Но в нашем социальном строе не заложены с необходимостью основания такого раскола» (т.-е. раскола между рабочими и крестьянами. Ред.),—говорит Ленин. Мы должны ясно видеть перед собой «двоякий исход».

Поскольку речь идет о внутренних движущих силах русской революции, Ленин исходит здесь из признания об'ективной возможности двух исходов классовой борьбы в России: рабочие, руководя крестьянами, построят социализм, или же буржуазия, обманув крестьян, восстановит капитализм. Это значит, что мы вполне можем,—внимательно следя за сохранением союза рабочих и крестьян, ведя правильную политику, не ошибаясь, или, по крайней мере, быстро поправляя те или иные ошибки, неизбежные при большой и трудной работе,—мы вполне можем избежать раскола между рабочим классом и крестьянством и строить социализм.

Чтобы в должной мере и степени оценить это второе кардинальное положение Ленина, отрицающее «неизбежность» раскола рабочих и крестьян в России, надо вспомнить как ставили и ставят этот вопрос меньшевики. Они видят не «двоякий исход», а один исход, они предрекают неминуемую гибель Советской власти от внутренних противоречий в нашей стране, считают переход крестьянства на сторону «нэпмановской» буржуазии об'ективно неизбежным и исходят в своих заключениях из основной посылки о технической и экономической отсталости России. Эта техническая и экономическая отсталость, при которой пролетариат составляет меньшинство населения, по прописям меньшевизма, делает абсолютно невозможным в нашей стране, на данной стадии ее развития, проведение социалистической революции; поэтому то, что мы имеем в России—не диктатура пролетариата, а «исторический казус»: то ли диктатура кучки захватчиков «над пролетариатом», то ли осуществление пролетариатом задач буржуазной (а не социалистической) революции; что это такое, мень-

шевики, впрочем, сами хорошенько не знают, и каждый толкует по своему.

Крестьянство покончит с советской властью неизбежно—такова оценка перспектив развития СССР меньшевиками, исходящая из догматического, упрощенного, якобы «марксистского» толкования отношений между «базисом» и «надстройкой», между техническим уровнем страны и ходом классовой борьбы в ней.

Если кто-нибудь глубоко понимал действительно огромные, необ'ятные трудности для диктатуры пролетариата и для строительства социализма в технически и экономически отсталой стране, то это был В. И. Ленин. Вся его деятельность в течение не одного десятка лет, вся выработанная им линия большевизма—союз пролетариата с крестьянством на всех этапах революции—говорит, как нельзя лучше, об учете им этой основной особенности исторического развития России.

Как же он решал вопрос о наших трудностях, вполне понимая их?

В заметках «О нашей революции» («По поводу записок Н. Суханова». 16 января 1923 г. Собр. Соч., т. XVIII, ч. 2, стр. 110—111) Ленин писал:

«Например, до бесконечия шаблонным является у них довод (у мелко-буржуазных демократов. Ред.), который они выучили наизусть во время развития западно-европейской социал-демократии и который состоит в том, что мы не доросли до социализма, что у нас нет, как выражаются разные «ученые» господа из них, об'ективных экономических предпосылок для социализма. И никому не приходит в голову спросить себя: а не мог ли народ, встретивший революционную ситуацию, такую, которая сложилась в первую империалистическую войну, не мог ли он под влиянием безвыходности своего положения броситься на такую борьбу, которая хоть какие-либо шансы открывала ему на завоевание для себя не совсем обычных условий для дальнейшего роста цивилизации».

«Россия не достигла такой высоты развития производительных сил, при которой возможен социализм». С этим положением все герои II Интернационала и, в том числе, конечно, Суханов, носятся, поистине, как с писаной торбой. Это бесспорное положение они пережевывают на тысячу ладов, а мне кажется, что оно же является решающим для оценки нашей революции».

«Ну, а что если своеобразие обстановки поставило Россию, во-первых, в мировую империалистическую войну, в которой замешаны все сколько-нибудь влиятельные западно-европейские страны, поставило ее развитие на грани начинающихся, и частично уже начавшихся, революций Востока в такие условия, когда мы могли осуществить именно тот союз «крестьянской войны» с рабочим движением, о котором, как об одной из возможных перспектив писал такой «марксист», как Маркс, в 56 году по отношению к Пруссии?»

«Что если полная безвыходность положения, удесятеряя тем силы рабочих и крестьян, открывала нам возможность иного перехода к созданию основных посылок цивилизации, чем во всех остальных западно-европейских государствах? Изменилась ли от этого общая линия развития мировой истории? Изменились ли от этого основные соотношения основных классов в каждом государстве, которое втягивается и втянуто в общий ход мировой истории?»

«Если для создания социализма требуется определенный уровень культуры (хотя никто не может сказать, каков этот определенный «уровень культуры»), то почему нам нельзя начать сначала с завоевания революционным путем предпосылок для этого определенного уровня, а потом уже, на основе рабоче-крестьянской власти и советского строя, двинуться догонять другие народы». (Соч. т. XVIII, ч. 2, стр. 118—119).

«Бесспорно положение», говорит Ленин, что Россия «не достигла» такой высоты развития производительных сил, культуры и цивилизации, при которой возможен социализм. Однако, мы можем «двинуться догонять другие народы» в этом отношении, потому что основные «предпосылки» для достижения необходимого уровня культуры мы завоевали в Октябре 1917 года.

В ленинской постановке вопроса даже и тени нет того утверждения, что внутренние противоречия в нашей стране для нас неразрешимы, что внутренние трудности неодолимы, что мы не сможем вылезти из современной технической и экономической отсталости. Наоборот, всякий, кто прочтет статью по поводу записок Суханова, скажет, что она проникнута твердой уверенностью в том, что мы вылезем, победим, «дорастем» до социализма, сумеем использовать те «шансы», которые дала нам в руки история.

В нынешний период затяжки международной революции, вопрос о внутренних движущих силах русской революции, всем ходом вещей ставится в порядок дня: частичное восстановление, стабилизация капитализма в мировом масштабе ставит перед нами вопрос: сумеем ли мы продержаться известный, может быть, долгий срок, до победы мировой рево-

люции? Куда пойдет кривая нашего развития за этот период: вперед — к социализму, или назад — к капитализму? Вынуждены ли мы будем, внутри страны, «отступать», или сможем и будем «наступать» на рельсах нэпа? Ускорим ли мы победу международного пролетариата наглядным фактом роста социализма в России, или деморализуем международную революционную армию фактом нашего распада, разложения и падения?

Яд сомнения в наличии об'ективных предпосылок внутри нашей страны для того, чтобы кривая нашего развития не повернула, в конечном счете, вниз, а шла неуклонно вверх,— этот яд сомнений в текущий тяжелый период мировой революции проникает и в ряды нашей партии.

Первая оппозиция, которую партия имела после ухода от нас Ильича, проявила эти сомнения, когда она пыталась воскресить в партии старую теорию троцкизма, которая гласила:

«Без прямой государственной поддержки европейского пролетариата рабочий класс России не сможет удержаться у власти и превратить свое временное господство в длительную социалистическую диктатуру».

В 1922 году (в предисловии к книге «1905») эта теория получила такую формулировку:

...«Для обеспечения своей победы, пролетарскому авангарду придется на первых же порах своего господства совершать глубочайшие вторжения не только в феодальную, но и в буржуазную собственность. При этом он придет во враждебное столкновение не только со всеми группировками буржуазии, которые поддерживали его на первых порах его революционной борьбы, но и с широкими массами крестьянства, при содействии которых он пришел к власти. Противоречия в положении рабочего правительства в отсталой стране, с подавляющим большинством крестьянского населения, смогут найти свое разрешение только в международном масштабе, на арене мировой революции пролетариата».

Раскол между пролетариатом и крестьянством неизбежен, основания для него «с необходимостью заложены» в нашем социальном строе, противоречия между рабочими и крестьянами России разрешит только международная революция, у нас нет об'ективной возможности их разрешить самим: как бы мы ни пытались «предупреждать раскол», кривая нашего развития неизбежно повернет вниз, нас взорвут внутренние силы, если нас не спасет международная революция,— такова эта позиция, в корне противоречащая ленинской позиции, ясно

видящей об'ективную возможность двух исходов классовой борьбы внутри России.

Новая оппозиция 1925 года в новой форме поставила тот же вопрос и обнаружила, по существу, ту же самую ошибку. Именно то же самое непонимание перспектив развития классовых отношений в Советской Республике содержится в той точке зрения, будто бы «мы не сможем справиться с внутренними трудностями из-за нашей технической и экономической отсталости, если только нас не спасет международная революция» [1]).

Разумеется, трудности, лежащие перед нами внутри страны, громадны, и всякая недооценка их, всякий «ура»-оптимизм со стороны правящей партии был бы губителен для диктатуры пролетариата. Выяснение действительных размеров трудностей, проистекающих в первую голову из нашей технической и экономической отсталости, заслуживает только приветствия со стороны партии, в особенности если бы оно сопровождалось предложением программы мер, способных двинуть вперед дело преодоления этих трудностей. Но есть глубокая разница между практическим указанием на эти трудности, тактически-политическим «ударением» на них (чтобы партия «не зазналась»), с одной стороной, и общей перспективой, которая внутри страны видит об'ективные основания к нашему падению («не справимся»), но не видит об'ективных предпосылок для иного, победоносного исхода,— с другой.

Это есть слепота на один глаз по отношению к внутренним движущим силам нашей революции, и партия, отдающая неустанной борьбе за эту победу все свои силы, не может такую слепоту принять.

Мы ведем политику развития социализма в нашей стране, исходя из убеждения, что об'ективные предпосылки для построения социализма есть, что они вызревают с укреплением диктатуры пролетариата, что технику мы можем развить, что нашу техническую и экономическую отсталость можем преодолеть. Поэтому, наша тактика, наша новая экономическая политика в ее основе, не есть тактика и политика отступательная. Ошибкой оппозиции была попытка видеть в отступлении — основную черту новой экономической политики. На рельсах нэпа мы и «отступали» (с 1921 года), и переходили от «отступления» к «перегруппировке сил» (начало 1922 г., см. речь Ленина об этом на XI с'езде партии) и «наступаем» сейчас в смысле увеличения доли и веса социалистических элементов в нашем хозяйстве.

---

[1]) См. об этом в «Ответе МК ВКП (б) на письмо ленинградской губпартконференции». «Правда», № 291 от 20 декабря 1925 года.

Скептицизм по отношению к перспективам и возможностям удержания власти и строительства социализма в нашей стране проявился у новой оппозиции также в крайне своеобразной форме, в невероятно-абстрактной, отвлеченной постановке вопроса о победе социализма в «одной» стране. Все сходились на том, что окончательная победа социализма в одной стране, в смысле закрепления победы и гарантий от возврата капитализма, невозможна без мировой победы пролетариата. Но представители оппозиции шли дальше, утверждая, что в «одной стране» возможно построение социализма «неполного», но не возможно построение «полного» социализма. Имелась в виду при этом, не отсталая страна, а страна «вообще», и не коммунизм (осуществление которого наступит, вероятно, не быстро даже и после победы мировой революции), а социализм, первая начальная стадия коммунизма,—обобществление всех средств производства, как залог уничтожения классов.

Вопрос был поставлен, повторяем, в нелепую плоскость гаданий и предсказаний о том, что «вообще» «может» быть. Мы знаем, как Маркс и Ленин презрительно отзывались о фантазерстве относительно сроков появления и форм будущего социалистического общества, устанавливая лишь основные тенденции общественного развития, формулируя лишь основные принципы будущего строя. Оппозиция не проявила понимания того, что вопрос о строительстве социализма в одной стране есть вопрос борьбы пролетариата в конкретных условиях, в конкретной обстановке и что пытаться заранее теоретически установить «предел» строительства социализма в одной стране «вообще», в капиталистическом окружении «вообще», пытаться здесь «развить» и «дополнить» учителей социализма—занятие мало-полезное и чисто-академическое. Академическое, чисто-профессорское это дело именно потому, что практически-то нам до «полного» социализма еще очень далеко и «бояться» (!), как бы мы его не осуществили «чересчур скоро», нет, положительно, никаких оснований,—к сожалению, конечно.

Практически же у нас стоит вопрос о том, как мы сейчас строим и будем строить социализм, где у нас сейчас уже имеется социализм, где его нет, а есть капитализм или еще до-капиталистические формы хозяйства. Вот в этом-то вопросе, более близком для нас, чем полный социализм, опять-таки, напутала оппозиция, попытавшись об'явить наши национализированные советские предприятия государственным капитализмом, а за одно этим же термином покрыть и весь наш хозяйственный строй, игнорируя ленинское определение госкапитализма, как одного из пяти имеющихся в нашем хозяйственном строе «общественных укладов» или элементов. В дискуссии была достаточно выяснена вредоносность такой путаницы понятий, в особенности с точки зрения воспитания молодежи и новых пластов рабочего класса, приходящих на нашу фабрику из деревни.

Довольно остро проявился скептицизм оппозиции в отношении перспектив социалистического развития страны в вопросе о кулаке.

Рост кулачества и рост дифференциации в деревне есть, действительно, одно из важнейших новых явлений за годы нэпа и за последний период в частности. Но размеры этого роста и кулацкая опасность были преувеличены и раздуты оппозицией подобно тому, как оппозиция 1923 года раздула размеры и опасности, идущие от частного торгового капитала.

Сосредоточивая внимание партии на факте количественного роста кулачества, оппозиция затушевывала роль середняка, как «центральной фигуры нашего земледелия» (Ленин), и тем самым впадала в неверный тон в вопросе о самом характере кулацкой опасности в настоящий момент и о методах ее преодоления.

Во-первых, не было проявлено достаточного понимания того, что центр тяжести политики партии в деревне лежит в том, чтобы, опираясь на бедноту, отвоевать на сторону пролетариата среднее крестьянство, что борьба с кулаком в настоящих условиях есть прежде всего борьба за влияние на середняка.

Во-вторых, вместо подчеркивания мер экономического регулирования и воздействия со стороны пролетарского города на деревенский капитализм, оппозиция напоминала партии о политике по отношению к кулакам времен 1918 года.

В-третьих, основное средство нашей борьбы с ростом капитализма в деревне,—средство «перегнуть» развитие производительных сил деревни на социалистические рельсы,—кооперацию — оппозиция в своих ответственнейших выступлениях отводила на задний план, либо трактовала ее исключительно как форму развития капитализма, подчеркивая в ней капиталистические тенденции и фактически проглядывая ту новую роль кооперации, которую она приобретает в условиях диктатуры пролетариата, роль, на которую указал т. Ленин.

Таковы основные политические черты уклона, наметившегося перед XIV с'ездом партии и развившего свою платформу на этом с'езде. Очень характерно, что наряду с «левыми» нотками, в новой оппозиции был представлен и правый уклон в лице т. Сокольникова, сторонника фактической отмены монополии внешней торговли и превращения наших государственных трестов в частно-хозяйственные организации. Такие выводы, пожалуй, наиболее последовательно согласованы с пессимисти-

ческой оценкой перспектив нашего развития, ибо если кривая его пойдет вниз, то почему бы, забежав вперед (или «назад»?), не сделать таких «уступок капиталу»?

Следует еще отметить тот характерный факт, что оппозиция, начав свои выступления (по вопросу об организационных выводах из дискуссии с т. Троцким) с якобы последовательной защиты ленинской идеи о монолитности партии, целиком и полностью отказалась от этой основной организационной идеи ленинизма, заговорив фактически о пресловутой «свободе группировок» внутри партии, забыв ленинский завет о единстве партии, об опасности фракционных группировок.

Логика положения показывает свою силу, а ленинизм— свое внутреннее единство, свою монистичность: отступлению от ленинизма в вопросах тактических соответствует отступление от него и в вопросах организационных.

Нет сомнений, что партия изживет и этот уклон, выйдет из борьбы с ним, в конце концов, еще более единой и окрепшей. Вопросы, поставленные в дискуссии,—коренные вопросы революции и ленинизма. Усвоение правильных ленинских взглядов на эти вопросы всей партией, каждым ее членом будет означать крупный идейный рост всей партии, рост, который будет иметь несомненные благоприятные последствия во всей нашей работе и борьбе.

На основе этого идейного роста партия укрепляет то коллективное руководство, без которого после Ленина невозможно мыслить себе нашу партию. Только такое коллективное руководство, руководство в лице выборных партийных органов, которым доверяет вся партия, ведет и поведет партию и революцию по ленинскому пути.

Трудности на нашем пути к социализму огромны, в частности—трудности внутренние, и в особенности—хозяйственные, вытекающие из технической и экономической отсталости страны. Но трудности эти никогда не должны приводить к утере перспектив нашего развития.

Хозяйственный рост нашей страны идет не по гладким рельсам, в нем неизбежны те или иные временные заминки, те или иные уклонения его от общей кривой,—они были и они будут. Подобная заминка была у нас в 1923 году («ножницы» и пр.). Тогдашняя оппозиция пыталась тогдашними трудностями обосновать неверные общие перспективы строительства социализма в нашей стране.

Как тогда поступила партия? Неправильные перспективы она отвергла, а трудности практически преодолела, подходя к ним по-ленински, и с точки зрения ленинской теории.

В 1925 году мы имели наш просчет в отношении плана хлебозаготовок, частичное нарушение экспортно-импортного плана и ряд явлений в хозяйственной жизни, связанных с этим. При этих симптомах хозяйственных затруднений, назревающих на фоне нашего хозяйственного роста, сопровождающих этот рост, новая оппозиция выступила так же, как и оппозиция 1923 года, с обоснованием неверных общих перспектив о непреодолимости внутренних трудностей и т. п.

Как поступила партия теперь? Она, опять-таки, отвергла неверную перспективу, способную только дезориентировать партию и сбить ее с правильного пути. А практические трудности, каковы бы они ни были, партия преодолеет тем легче, чем решительнее ею отвергнуты неверные общие перспективы нашего развития и чем тверже вся партия усвоит подлинно-ленинские взгляды на пути строительства социализма в нашей стране.

И. Жиров.

В чем партия усмотрела „ликвидаторское" безверие в социалистические пути нашего развития?

I.

В последней дискуссии был поднят вопрос о сущности ликвидаторства. Ликвидаторство—явление не новое в истории нашей партии. Кому неизвестно, что впервые это течение появилось в России после первой нашей революции, как результат поражения рабочего класса и крестьянства в их борьбе за буржуазно-демократический переворот? Но мы сделали бы серьезную ошибку, если бы сказали, что ликвидаторское течение того времени не имело исторических корней в прошлом. В действительности это ликвидаторство теснейшим образом связано с экономизмом, теоретическим выражением которого следует признать бернштейнианство, как отрицание борьбы за социализм вообще. Экономизм, меньшевизм, ликвидаторство, социал-шовинизм и, наконец, социал-демократический фашизм наших дней—все это, по сути дела, лишь конкретно-исторические выражения одного и того же явления, именно—бернштейнианства, как отрицания социалистической борьбы. Основная мысль бернштейнианства: «движение—все, конечная цель—ничто»—оставалась неизменной на всем протяжении эволюции оппортунизма вообще, меньшевизма—в частности.

В 1909 году Владимир Ильич, определяя понятие ликвидаторства, писал:

«Ликвидаторство в тесном смысле слова, ликвидаторство меньшевиков состоит идейно в отрицании **революционной классовой борьбы социалистического пролетариата вообще и в частности** в отрицании гегемонии пролетариата в нашей буржуазно-демократической революции»...

«Организационно—ликвидаторство есть отрицание необходимости нелегальной с.-д. партии и связанное с этим отречение от Р. С.-Д. Р. П., выход из нее, борьба против нее».

Как видно из подчеркнутых нами слов Ильича, он рассматривает ликвидаторство наших меньшевиков, как частность, как конкретно-историческое выражение их оппортунизма вообще, т.-е. как частную историческую форму бернштейнианства. Смысл его критики ликвидаторства был таков: «Вы отрицаете за пролетариатом роль гегемона в буржуазно-демократической революции; не вздумайте, однако, утверждать, что ваш грех только в этом и заключается. Нет, ваше отрицание идеи гегемонии пролетариата есть вместе с тем «отрицание классовой борьбы социалисти-

ческого пролетариата вообще», ибо путь к победе социализма идет через борьбу революционных сил нашего общества **под руководством рабочего класса** не только в социалистической революции, но и в революции буржуазно-демократической».

Вот почему, говоря о ликвидаторских настроениях наших дней, мы говорим о «ликвидаторском безверии в **социалистические** пути нашего развития».

Вопрос, следовательно, стоит так: кто в наше время выражает настроения, могущие довести до отрицания того единственно верного пути классовой борьбы пролетариата, который (путь) ведет к социализму?

Иные полагают, что ликвидаторские настроения современности имеют своим источником необузданный социалистический оптимизм. Они говорят, что «оптимисты от социализма», ложно оценивая возможности строительства социализма в национально-государственных границах, преувеличивая действительные достижения пролетарской революции в «национальной» фазе ее развития, сбиваются с верного пути движения к окончательной социалистической победе и тем самым вредят великому делу рабочего класса, т.-е. об'ективно вступают на ликвидаторский путь.

Вот как выражает это один из наиболее неумных, но зато более откровенных критиков линии ЦК.

«В настоящее время мы в праве были бы назвать ликвидаторскими такие взгляды, которые бы заявляли (!), что мы находимся сейчас уже в обстановке полноправного (!) социалистического хозяйства». («Ленинградск. Правда», 10 дек. 1925 г., ст. М. Цвибака).

Та же самая мысль высказана в письме Ленинградской Губпартконференции (см. **«Правду», за 20 декабря с. г.**). «Те «оптимисты»,—пишется в этом письме,—которые в противоположность «пессимисту - Ленину» доказывают, будто у нас уже кругом социализм, оказывают плохую услугу делу подлинного строительства социализма».

Оба эти утверждения, к счастью для партии, не имеют под собою никакой почвы. Такого течения в партии, которое бы имело своим источником социалистический оптимизм, не установить сейчас никаким исследованием, как бы тщательно оно ни было сделано. Никто, нигде до сих пор не утверждал еще, что наш союз—уже социалистический рай. Ведь нельзя же сказать, что товарищи, считающие вместе с Лениным наши госпредприятия «предприятиями последовательно-социалистического типа» и полагающие в соответствии с действительностью, что наша социалистическая госпромышленность начинает задавать тон всей нашей экономике,—являются «оптимистами-ликвидаторами». Поэтому мы в праве заявить, что, рассуждая об источнике современных ликвидаторских настроений, Цвибаки ни на шаг не выходят за пределы своей фантазии.

«Оптимистическое» ликвидаторство пока что голая выдумка. Ликвидаторские же настроения пессимистов—факт. Чтобы убедиться в этом, достаточно перечитать то, что писалось за последнее время, например, т.т. Залуцким, Саркисом, Сафаровым и многими другими. В своем ответе ленинградцам МК ВКП (б) устанавливает этот факт с полнейшей очевидностью. Для нас

вопрос сводится, таким образом, к тому, чтобы показать, что представляют собою современные ликвидаторские настроения, в чем состоит их идейное содержание. К разбору этих вопросов мы и переходим сейчас.

Коренной источник «ликвидаторских настроений» лежит в пессимизме. А пессимизм этот коренится в ложном понимании конкретного пути развития социалистической революции. Сущность этого ложного понимания состоит в ошибочной оценке соотношения национального и интернационального в пролетарской революции, а во-вторых, в непонимании отношения эволюционных методов к революционным после победы пролетариата над буржуазией. Разберемся сначала в первом из этих вопросов. Ясно, что в зависимости от того, как мы решим этот основной вопрос, будут решаться нами все вопросы политики и тактики нашей партии в переживаемую нами эпоху. Прежде всего мы должны спросить себя, как решал этот вопрос Ильич. В 1915 году он писал:

«Неравномерность экономического и политического развития есть безусловный закон капитализма. Отсюда следует, что возможна победа социализма первоначально в немногих или даже в одной, отдельно взятой, капиталистической стране. Победивший пролетариат этой страны, экспроприировав капиталистов и организовав у себя социалистическое производство, встал бы против других стран, поднимая в них восстание против капиталистов, выступая в случае необходимости даже с военной силой против эксплоататорских классов и их государств» [1]).

Это пророческое рассуждение Владимира Ильича замечательно в том отношении, что здесь возможность победы пролетариата в одной стране выводится в качестве следствия из внутреннего закона развития капитализма. Еще замечательней в этом рассуждении то, каким образом т. Ленин увязывал национальное в пролетарской революции с международным. Мало того, что он разрушил здесь с.-д. догму о том, что пролетарская революция должна вспыхнуть и победить сразу в ряде стран и, при этом стран наиболее развитых в капиталистическом отношении. Важно иметь в виду еще то, что пролетарская революция, протекающая в определенных национальных рамках, «организует у себя социалистическое производство» и всячески помогает пролетариям других стран, вовлекая их в борьбу с капиталистами.

Здесь перед нами возникает вопрос о возможности победы социализма в одной стране. Этот вопрос имеет две стороны. Во-первых, он может быть поставлен так: как далеко может пойти в своем социалистическом строительстве победивший в данной стране пролетариат? С точки зрения диалектики такой вопрос, т.-е. вопрос об априорном, если позволено будет так выразиться, установлении границ размаха революции нелеп. Но этот вопрос поднимался и именно в такой нелепой постановке не раз в истории нашей партии. Так же ставится этот вопрос некоторыми членами нашей партии сейчас. Кое-кто умудряется даже самым точным образом установить предел социалистического строительства в одной стране. Напомним, что Владимир

[1]) Н. Ленин. т. XIII, стр. 133.

Ильич издевался над меньшевиками в годы первой нашей революции, когда они ставили подобным образом вопросы революционной борьбы. Для Ильича всякое революционное завоевание было «дверью», но никогда не было «загородкой». И это потому, что он всегда был образцовым диалектиком. Чтобы не покатиться назад, борющийся класс должен итти вперед. Но если он вынужден отступать? Отступление не есть только отступление, но вместе с тем оно есть и наступление. Отступление есть наступление по новым путям, в новой форме, новыми методами. И это потому, что победа социализма неизбежна. И отступление, следовательно, есть «дверь», а не «загородка».

Во-вторых, наш вопрос может быть поставлен так: каковы общие условия победы социалистической революции? Совершенно ясно, что социализм может победить лишь при наличии определенных общих условий. Все имеет свою причину. Нет причины—нет следствия. Но общие условия являются предпосылкой для решения вопроса о возможности победы лишь в самом общем виде. Размах же победы определяется ими лишь посредственно, лишь в последнем счете. Общие условия, необходимые для успеха социалистической революции ничего не говорят еще о том, как велик этот успех может быть. Размах социалистического строительства определяется другими, частными условиями, учесть которые заранее совершенно нельзя.

В подтверждение правильности нашего понимания взглядов Ильича на возможность победы социализма в одной стране мы могли бы привести бесконечное количество цитат из статей, речей и книг самого Ильича. Но это едва ли необходимо, так как совершенно ясно, что Ленин-диалектик никогда не мог заниматься метафизическим, делаемым наперед, ограничением размаха социалистического строительства в одной стране. Отсюда следует, что, по Ленину, международная революция выступает сначала, как революция, совершающаяся в одной стране, как «национальная» революция. И выступая так, социалистическая страна одержит полную победу. Однако, какова бы ни была эта победа, она может быть сведена на-нет, если «национальная» социалистическая революция не набросит узду на мировую буржуазию. Гарантией того, что победа социализма, полная победа социализма в одной стране будет навсегда закреплена, является, таким образом, мировая революция. Огромную роль при этом играет союз с большинством крестьянства.

Необходимо отметить еще вот что. Так как победивший в данной стране пролетариат оказывает революционизирующее влияние на рабочих других стран, помогает им, будоражит и поднимает их, то тем самым он в значительной степени упрочивает свою победу, закрепляет ее. Национальное в пролетарской революции перерастает в силу этого и интернациональное.

Вот как решал проблему соотношения национального и интернационального в пролетарской революции Владимир Ильич. Вот почему он верил в социалистические пути нашего строительства и так бодро, убежденно заявлял: из России нэповской будет Россия социалистическая!

Не так ставится и разрешается этот вопрос некоторыми из членов нашей партии, принадлежащих к «новой оппозиции». Они смешивают указанные нами две стороны этого вопроса и

сводят последний к нелепой, недиалектической его форме. Вопрос об окончательной победе социализма эти товарищи понимают именно как вопрос о размахе социалистического творчества. Беря вопрос в таком смысле и отвечая на него, они устанавливают, что «обеспеченная возможность строить социализм может мыслиться и в рамках одной страны», но окончательное построение социализма в одной стране невозможно. Получается такое решение вопроса у этих товарищей потому, что они вульгаризируют интернационализм, извращают ленинизм. Им кажется, что раз социализм международен, то в национальных границах он может сделать лишь такое-то количество шагов, не больше. Им кажется, что подобную нелепость проповедывал Ильич.

Нас занимает не только теоретическая сторона этой ошибки, но и ее политический смысл. Что означает отрицание возможности, так сказать, бесконечно приближаться к окончательной победе социализма в одной стране? Что означает это отрицание политически? Утверждать то, что наш Союз может итти и притти к полной победе социализма, это значит признавать, что динамика мировой и нашей внутри-национальной классовой борьбы такова, что движение по пути к социализму у нас возможно, что эта динамика в основном нам на пользу. Политический же смысл отрицания движения нашего Союза к полной победе социализма состоит в ложной, пессимистической оценке этой динамики. Вот к чему привела теоретическая ошибка наших товарищей в вопросе о соотношении национального и интернационального в пролетарской революции. Вот почему они не верят в социалистические пути нашего строительства.

Основная идея современной оппозиции есть, следовательно, идея ложно-понятого интернационализма. Под эту идею подгоняют впавшие в «ликвидаторское безверие» товарищи оценку нашей нынешней экономической действительности. Им, может быть, кажется, что ничего подобного они вовсе и не делают. Они, быть может, полагают, что наша действительность лишь подтверждает их идею «интернационализма». В действительности же они насилуют факты, извращают ленинизм. Кому неизвестно, например, то, что Ильич смотрел на наши госпредприятия, как на «предприятия последовательно-социалистического типа»? Кто не знает сейчас, что наша économie госпромышленность начинает задавать тон всей нашей экономике? Чудаков, отрицающих это, мало. Но как относится к этим фактам тот, кто впал в «ликвидаторский» скепсис? Ясно, что он должен отрицать эти факты, ибо признание их есть признание возможности победы социализма в одной стране. И он отрицает их. Мы, говорит один из скептиков-пессимистов, «делаем только первые шаги к подходу превращения современного переходного предприятия «социалистического типа», но работающего еще на началах «государственного капитализма» в подлинно-социалистическое предприятие»[1]). Так извращается ленинизм в угоду «интернационализму», так «причесываются» факты ради сохранения «теории».

Хорошо еще, что автор только-что приведенной цитаты признает хоть «подход к подходу превращения» «социализма» в социализм. Правда, от этого признания последовательность

[1]) Залуцкий. Звеновые организаторы и их задачи, стр. 7.

автора этого «подхода к подходу» несколько пострадала. Все же утешительно: он хоть немного, да «верит».

Той же основной идее «интернационализма» подчинены взгляды нынешних оппозиционеров на нэп, кооперацию и т. д. Нэп, с точки зрения этих скептиков,—сплошное и непрерывное отступление под напором капиталистической стихии от социализма к госкапитализму, а кооперация—лишь винт госкапитализма. Нет нужды доказывать, что эти взгляды нисколько не соответствуют тому, что писалось и говорилось по этим вопросам Ильичем. Зато эти взгляды легко увязываются с идеей «интернационализма».

Если мы сопоставим оценку нашего строя, даваемую Сафаровым и К°, с соответствующей оценкой наших политических противников, то мы увидим, что обе оценки очень близки. Это является лучшим показателем того, откуда идет в наши дни опасность ликвидаторства. Но нам могут возразить следующим образом: враги рабочих говорят о «спуске на тормозах» к капитализму, а ведь, у нас, у нынешних скептиков, речь идет об отступлении к госкапитализму. Однако, ясно, что это возражение не основательно, ибо и меньшевики, и сменовеховцы, и т. д. прекрасно понимают, что наша государственная власть наложила свою руку на стихию капиталистического производства и обращения.

Что же получается у идеологов оппозиции в конечном счете? Получается у них то, что в России сейчас не диктатура пролетариата, а диктатура «нации», «бюрократии» и т. д., ибо ведь на данной стадии государственное строительство есть лишь строительство госкапитализма. Вот куда привела наших скептиков их идея «интернационализма».

II.

На об'единительном с'езде Р. С.-Д. Р. П., возражая против аграрного проекта т. Ленина, Плеханов завел речь об абсолютной гарантии против реставрации. Почему Плеханов выдвинул тогда этот вопрос? Потому, что он боялся крестьянской революции, не верил в нее. Такой ход мыслей, приводил, по сути дела, не только к муниципализации, а и к выводу о том, что Россия должна обождать, пока запылает Запад. Если вдуматься в сущность и в происхождение нынешних «ликвидаторских настроений», то в них можно найти нечто общее со старыми рассуждениями Плеханова. В самом деле, «нынешний скептик пришел к идее «интернационализма» пролетарской революции не только потому, что он не понял «национального» в этой революции, сделал теоретическую ошибку в этом вопросе, но и потому, что он испугался крестьянина-кулака. Это становится совершенно очевидным, когда вы выслушиваете «новейшее» об'яснение происхождения нэпа, особенно же об'яснение смысла решений XIV партконференции в отношении деревни. Мы отступили перед кулаком, скажет скептик. Кулак нас жмет, жмет тем сильней, чем больше он крепнет, растет. А при нэпе он будет постоянно расти. Его не «переваришь» в социалистическом котле,—грустно заявляет скептик. Отсюда бегство под крылышко «интернационализма».

Так связывается паника перед кулаком с основной идеей оппозиционеров. Перед нами встает вопрос о том, как разрешал

проблему «переварки» элементов капитализма в нашей экономике т. Ленин. Пока что ясно одно, именно то, что Ильич, признавая возможность победы социализма в одной стране, и обращаясь к помощи мировой революции, как к гарантии закрепления победы пролетариата в данной стране,—тем самым должен был допустить возможность преодоления внутренних для страны противоречий без помощи заграницы. И он делал это допущение. В его статье «О кооперации» имеются такие слова:

«Я готов сказать, что центр тяжести для нас переносится на культурничество, если бы не международные отношения... Но если это оставить в стороне и ограничиться внутренними экономическими отношениями, то у нас действительно, теперь центр тяжести работы сводится к культурничеству» [1]). Какой смысл вкладывал Ильич в понятие культурничества? Это ясно из таких его слов:

«Собственно говоря, нам осталось «только» одно: сделать наше население настолько «цивилизованным», чтобы оно поняло все выгоды от поголовного участия в кооперации и наладило это участие... Никакие другие премудрости нам не нужны теперь для того, чтобы перейти к социализму» [2]). Кооперация—вот важнейшее орудие «переварки». Так думал Ильич в 1923 году.

Современная оппозиция не поняла соотношения национального и интернационального в пролетарской революции. Этому в значительной степени помогло то обстоятельство, что она не уразумела другого важного вопроса ленинизма, именно: вопроса об отношении эволюции к революции в разные этапы социалистической борьбы.

Н. И. Бухарин так характеризует «историческое лицо» ленинизма. «Во-первых, это есть возврат к Марксовой эпохе, но не просто возврат, а возврат, обогащенный всем новым, т.-е. это есть синтез марксизма Маркса со всеми приобретениями на основе применения марксизма; мы можем его рассматривать, как марксистский анализ всего колоссального нового, которое дает нам новая эпоха. Это—во-первых. Во-вторых, это есть соединение и синтез теории и практики борющегося и побеждающего рабочего класса и, в-третьих, это есть синтез разрушительной и созидательной работы рабочего класса, при чем последнее обстоятельство мне кажется наиболее важным» [3]).

Мы целиком и полностью разделяем эту характеристику ленинского марксизма, признавая вместе с тем, что третий из моментов, характеризующих ленинизм, является наиболее важным. Этот момент имеет огромное и теоретическое и практическое значение с точки зрения классовой борьбы пролетариата. В марксизме этот момент дан лишь в отвлеченно-алгебраической форме. Маркс не был свидетелем пролетарской революции в ее кульминационной фазе, если не считать Парижской Коммуны, которая к тому же больше походила на революционно-демократическую диктатуру рабочих и мелкой буржуазии, чем на диктатуру пролетариата, как вполне справедливо полагал Владимир Ильич. Поэтому марксово учение оформилось, как теория разрушительной деятельности рабочего класса по пре-

[1]) Н. Ленин, т. XVIII, ч. 2, стр. 144-145.
[2]) Н. Ленин, тот же том, стр. 141.
[3]) Н. Бухарин, Ленин как марксист. Ленгиз 1925 г., стр. 15.

имуществу. Что же касается теории ленинизма, то она может быть правильно понята только в том случае, если будет рассматриваться нами, не только как теория разрушительной революционной деятельности рабочего класса, но и как теория построения социализма и как научное обобщение фактов созидательной работы пролетариата. Ленинизм, таким образом, пополняет, развивает марксизм.

В тесной связи с тем, что Маркс не имел возможности наблюдать и изучать факты социалистического строительства рабочего класса, он не мог в полной мере оценить значения методов «реформизма» в деле построения социалистического общества, хотя он и понимал, что наряду с задачами по завершению разрушения старого общества перед победившим буржуазию пролетариатом встанут задачи более или менее «мирного», эволюционного преодоления остатков этого старого общества. Тов. Ленин пишет по этому поводу следующее: «Отношение реформ к революции определено точно и правильно только марксизмом, причем Маркс мог видеть это отношение только с одной стороны, именно: в обстановке, предшествующей первой, сколько-нибудь прочной, сколько-нибудь длительной победе пролетариата, хотя бы в одной стране. В такой обстановке основой правильного отношения было: реформы есть побочный продукт революционной классовой борьбы пролетариата... После победы пролетариата хотя бы в одной стране является нечто новое в отношении реформ к революции» [1]). В чем состоит это «новое»? Полный ответ на этот вопрос мы находим в статье Владимира Ильича «О кооперации». В этой статье Ильич прямо заявляет, что «мы вынуждены признать коренную перемену всей точки зрения нашей на социализм. Эта коренная перемена состоит в том, что раньше мы центр тяжести клали и должны были класть на политическую борьбу, революцию, завоевание власти и т. д. Теперь же центр тяжести меняется до того, что переносится на мирную организационную «культурную» работу» [2]). Когда «раньше»? Очевидно в эпоху военного коммунизма и до этого. С введением же у нас новой экономической политики картина резко изменилась, теперь на первый план выдвигается «мирная организационная работа». С нэпом наше общество вступило на путь «эволюции» по преимуществу.

Значит ли это, что классовая борьба с нэпом прекратилась? Разумеется, нет. Больше того: она на первое время может даже обостряться. Но формы этой борьбы, ставшей теперь значительно более трудной, коренным образом изменились. На первую линию выдвинулась борьба в форме экономического соревнования, как заявил об этом Ильич на XI с'езде РКП.

Мы должны, говорил Ильич на этом с'езде, «показать и научиться тому, что мы умеем не хуже капиталистов установить смычку с крестьянским хозяйством, можем удовлетворить его потребности, помочь ему двинуться вперед. Вот в чем гвоздь новой экономической политики» [3]).

В годы военного коммунизма нами была сделана первая попытка «штурмом» решить проблему социализма в нашей стране. Это оказалось невозможным. Легко было смести помещиков и ка-

[1]) Н. Ленин, О значении золота и т. д., т. XVIII, ч. 1, стр. 414—415.
[2]) Н. Ленин, О кооперации, т. XVIII. ч. 2, стр. 144.
[3]) Н. Ленин, т. XVIII, ч. 2, стр. 31—32.

питалистов; отнять у капиталистов их предприятия не представляло тоже особой трудности; но обобществление сельско-хозяйственного труда, построение на началах социализма крестьянской экономики—дело невероятно тяжелое. Невозможность решения этой последней задачи только методами революционными превратилась для нашей партии в необходимость применения в этом деле методов «реформистских». Тем самым элементы социализма в нашей пестрой экономике призваны были выдержать испытание в соревновании с прочими ее элементами. Испытание это, как показывает опыт, оказалось по силам нашей социалистической госпромышленности. Она мало-по-малу подчиняет себе капиталистическую стихию; все классы и группы союзного населения мало-по-малу приковываются к коммунистической колеснице, несмотря на одновременный рост классовых противоречий, особенно в нашей деревне. В этом состоит основной смысл нашей эпохи, эпохи нэпа: старое «переваривается» на новый лад.

Идеологи осужденной оппозиции совершенно не поняли «изюминки» нашей эпохи, потому что один из главных элементов ленинизма остался для них за семью печатями. Вот почему они твердят на все лады о том, что кулака «не переваришь», что у нас сильно распространена недооценка кулака и т. д. На деле же они сами до такой степени ударились в панику, что, стремясь парализовать влияние кулака, приходят к выводам о необходимости почти-ликвидации партии. В самом деле, как понимать предложение, например, т. Саркиса о доведении процента рабочих в партии до цифры 90? На наш взгляд, здесь пахнет стиранием грани между партией и классом, т.-е. старыми антибольшевистскими тенденциями в организационном вопросе. Суб'ективные мотивы оппозиционеров нашего времени, конечно, иные, чем те, которые выдвигались в свое время меньшевиками. Но ведь дело не в мотивах, а в об'ективном смысле «предложений». Спорить против необходимости дальнейшего орабочения нашей партии никто не будет, но понятие «орабочить» не должно быть отождествляемо с понятием «угробить».

III.

Можно сказать, что новая оппозиция дала не только «систему» настроений, но и, как мы видели, некоторую систему идей. В основе этой системы идей лежит отрицание социалистического характера наших экономических командных высот. Эта система идей вытекает, с одной стороны, из ложного понимания соотношения между национальным и интернацональным в пролетарской революции, а с другой — из непонимания ленинизма, как синтеза разрушительной и созидательной работы пролетариата. Из этих двух ошибок вытекают все остальные положения нынешнего ликвидаторства.

То обстоятельство, что современное ликвидаторское «поветрие» претендует на то, чтобы противопоставить себя ленинизму, сугубо обязывает нас поставить вопрос об его судьбах. Для этого необходимо знать, на чем держатся современные ликвидаторские настроения и как прочна эта основа их.

На первый из этих вопросов мы уже дали ответ. Несомненно, что силу своего бессилия оппозиция черпает из источника тех противоречий, которые характеризуют советскую экономику. Начнись процесс преодоления этих противоречий под знаком самого энергичного подчинения капиталистической стихии нашим экономическим командным высотам—рыцари ликвидаторского безверия неизбежно сразу же сдадут свои идейные позиции. Но сейчас, когда наша госпромышленность, хотя и начинает задавать тон всей советской экономике, но еще недостаточно (недостаточно, главным образом, с точки зрения маловеров) энергично подчиняет ее своему руководству; когда рост классовых противоречий, особенно в деревне, все еще продолжается, углубляется, когда успехи нашего «культурничества» еще недостаточно велики,—сейчас эти настроения имеют под собою некоторую почву.

Нам нужно «переварить» старые силы, вызванные с нэпом к жизни. Это дело очень большое. Мы знаем, какие тяжелые трудности стоят на нашем пути. Кулак растет, его сила и его вес в деревне увеличиваются. Это так. Но не верно, что мы не сможем «переварить» кулака. Тот, кто это утверждает, должен отказаться от нэпа, от методов экономического соревнования и проповедывать возвращение к военному коммунизму в той или иной его форме. Это—отказ от ленинизма.

Трудности, стоящие на нашем пути, устранимы. В чем они состоят? Отвечая на этот вопрос, Владимир Ильич писал:

«Перед нами являются две главных задачи, составляющие эпоху. Это—задача переделки нашего аппарата... Вторая наша задача состоит в культурной работе для крестьянства...

«Для нас достаточно теперь этой культурной революции для того, чтобы оказаться вполне социалистической страной, но для нас эта культурная революция представляет неимоверные трудности и чисто-культурного свойства, (ибо мы безграмотны), и свойства материального (ибо для того, чтобы быть культурными, нужно известное развитие материальных средств производства, нужна известная материальная база») [1].

Наша «материальная база» развивается с каждым годом все быстрее и быстрее. Эту часть нашей задачи мы одолеваем с довольно-таки значительным успехом. С этой стороны корни ликвидаторских настроений подрезываются. Не подлежит сомнению и то, что «трудности чисто-культурного свойства» также преодолеваются нами. Мы идем вперед к социализму, и чем дальше, тем быстрее, ибо чем дальше, тем глубже развертывается культурная революция. Ильич не видел тех успехов, какие имела в последние два года наша промышленность и наше сельское хозяйство. Но он предвидел эти успехи. Заразившиеся «ликвидаторским безверием» товарищи—свидетели роста нашего хозяйства. И поэтому их ошибки можно об'яснить только паникой, растерянностью,—не больше.

Поднимай культуру, создавай строй «цивилизованных кооператоров», и ты победишь, «переваришь» нэпмана в городе, кулака в деревне. Так учил Ленин. Это нелегкое дело,—говорил он. Но это дело по силам пролетариату, совершающему социалистический переворот. По мере того, как будет крепнуть, расти и подчинять себе советскую экономику наша социалистическая госпромышленность, будет уничтожаться то, что порождает шатания в рядах некоторой части нашей партии. Пока же с этими шатаниями необходима дружная суровая борьба. Ошибающихся необходимо разоблачать, вскрывая их ошибки и указывая, куда эти ошибки ведут.

[1] Н. Ленин, т. XVIII, ч. 2, стр. 145.

Григ. Марецкий.

О новом походе на ленинскую теорию рабоче-крестьянской смычки.

Пролетарская диктатура опирается на союз рабочего класса и крестьянства. На протяжении всей революции задача нашей партии сводилась к тому, чтобы обеспечить этот союз, чтобы укрепить рабоче-крестьянский блок.

Если союз пролетариата и крестьянства представляет основную гарантию несокрушимости господства пролетариата в нашей стране, то, с другой стороны, именно стык этих классов есть наиболее уязвимое место фундамента, на котором держится рабочая диктатура. Поэтому все удары врагов нашей партии и рабочего класса, начиная с гигантов империализма и кончая их социал-предательскими шавками, были направлены в эту точку.

Наши противники, пытающиеся играть на наших затруднениях и ошибках, всегда стремились пробить хотя бы самую малую брешь в отношениях рабочего класса и крестьянства, дабы в дальнейшем обеспечить раскол основных классов советского общества. Вот почему всякие промахи, срывы, искажения в крестьянской политике партии представляют такую громадную опасность для судеб социалистического строительства в нашей стране, для перспектив мировой социалистической революции. Вот почему всякая тенденция к искривлению ленинской линии партии в крестьянском вопросе должна быть отмечена и преодолена в своем зародыше, если партия хочет продолжать свое продвижение к социализму.

В ходе революции отношения классов, отношения пролетариата и крестьянства изменялись не раз. И каждый раз в новой обстановке, по новому приходилось ставить вопрос о рабоче-крестьянском блоке. Изменения классовых соотношений вызывали изменения в нашей тактике, обусловливали повороты нашей политической линии.

Новая ориентировка не сразу давалась партии. Партия действует в мелкобуржуазном окружении. Напор мелко-собственнической стихии в моменты экономических затруднений увеличивается. Отдельные слои партии на время становятся жертвой антипартийных влияний. Они лишаются возможности осознать необходимость перемены политической установки, которая вызывается классовыми передвижками, происходящими в стране.

Поэтому вокруг каждого поворота завязывалась в партии борьба, поднимались теоретические споры. Эти споры, начиная с дискуссии 1918 г. и кончая второй дискуссией с троцкистами в 1924 г., иногда начинались с теоретических, казалось бы отвлеченных вопросов, но упирались, неизбежно в проблему рабоче-крестьянского блока.

И это совсем не случайно: проблема рабоче-крестьянского блока является основным вопросом пролетарской диктатуры. «Высший принцип диктатуры—это сохранение союза пролетариата и крестьянства, дабы пролетариат мог удержать руководящую роль и государственную власть» (Ленин).

И для всех внутрипартийных течений, осужденных партией, от левых коммунистов до троцкистов включительно, характерно непонимание учения о рабоче-крестьянском блоке, этой значительнейшей и своеобразной черты ленинизма.

Наметившееся перед XIV партс'ездом течение подвергало бешеному штурму партийную точку зрения, в вопросах о нэпе, кооперации, бедняке, кулаке, середняке и т. д. Сейчас уже вполне выяснилось, что за этими отдельными вопросами стоит один общий вопрос о рабоче-крестьянском блоке, о роли и значении рабоче-крестьянского блока в строительстве социализма.

На самом деле. Обратимся, прежде всего, к вопросу о нэпе.

Суть нэпа в том, что в его условиях связь города и деревни принимает форму обмена. Смычка между государственной, социалистической промышленностью и отдельными частными крестьянскими хозяйствами принимает форму товарно-денежных отношений. Связь городской индустрии и сельского хозяйства при нэпе есть торговая связь.

Ленин считал нэп («обмен хлеба на продукты промышленности, необходимые крестьянину») правильной хозяйственной политикой пролетарской диктатуры и утверждал, что «только такая продовольственная политика отвечает задачам пролетариата, только она способна укрепить основы социализма и привести к его полной победе» (Ленин, т. XVIII, стр. 214).

«Нэповская» форма отношений обеспечивает союз пролетариата и крестьянства на ближайшую эпоху вплоть до уничтожения классов. Рабоче-крестьянский блок есть основное условие переделки диктатурой пролетариата старых «экономических укладов» в новый социалистический уклад.

Нэп является, таким образом, рациональной политикой пролетариата в переходную эпоху. Отношения нэпа отомрут вместе с отмиранием классов

Из оппозиционного лагеря вышли две следующие формулы нэпа: 1) «Нэп это тактика пролетарской партии в крестьянской стране в условиях затяжки мировой революции». 2) «Союз рабочего класса и крестьянства—это всерьез, надолго, на всегда, вплоть до уничтожения классов вообще. Нэп, это всерьез и надолго, но не навсегда». Что вторая формула направлена против рабоче-крестьянского блока это видно с первого взгляда. В основе этого положения лежит непонимание того, что для сохранения политического союза между пролетариатом и крестьянством, нужен определенный экономический союз, нужна определенная экономическая политика.

Победивший пролетариат знает два вида экономической политики по отношению к крестьянству. 1) «Старая» экономическая политика, так называемая политика «военного коммунизма». 2) новая экономическая политика—«нэп». Если оппозиционеры в более или менее отдаленном будущем, но в пределах классового общества предлагают отказаться от нэпа («не навсегда»), то в пользу чего они делают свой отказ?

В пользу «военного коммунизма?»

Ильич так характеризовал «военный коммунизм»: «Военный коммунизм» был вынужден *войной и разорением*. Он *не мог* быть отвечающей хозяйственным задачам пролетариата политикой. Он был *временной мерой*» (Ленин, т. XVIII, стр. 214).

Мнение Ильича о нэпе, как «*правильной*», «отвечающей хозяйственным задачам пролетариата политике» уже было нами приведено.

Итак, или «нэп», или «военный коммунизм». Никакого третьего вида экономической политики в переходную эпоху ленинизм не знает. Его не могут указать и новые оппозиционеры, хотя некоторые из них и утверждают, что на пути к социализму пролетарская диктатура может *обеспечить рабоче-крестьянский блок без нэпа*, помимо нэпа, не через нэп.

Те, которые собираются раньше или позднее, но еще до осуществления социализма, при существовании классов (они не понимают, что нэп вызван именно классовым характером «переходного» общества, наличием в этом обществе частной собственности на средства производства и т. д.) «отменить» нэп, — те или проповедуют возврат к «военному коммунизму», или вообще не могут свести концы с концами.

И в том и в другом случае подобное «откровение» о нэпе вредно, потому оно имеет своей целью сбить партию с ее генерального политического курса на рабоче-крестьянский блок.

Первая «оппозиционная» формула о нэпе нисколько не лучше только что разобранной.

«Нэп—это тактика пролетарской партии... в условиях *затяжки мировой революции*» гласит эта первая формула. Отсюда следует, во-первых, что победа мировой революции избавляет нас от необходимости придерживаться нэпа, во-вторых, что нэп ни в какой степени не является обязательным для пролетариата, который победит в передовых странах. Первый вывод связан с предположением, что факт революции в передовых странах поведет к «моментальному» исчезновению классов в нашей стране. Несуразность подобного предположения бьет в глаза. Конечно, победа социалистической революции в передовых странах классов у нас сразу не уничтожит. Но с другой стороны, громадное влияние победы пролетариата в передовых странах мира на пути социалистического строительства первого Союза Советских Социалистических Республик не оставляет никаких сомнений. В чем же будет состоять это влияние? В том ли, что пролетарская победа в соседних странах «отменит» существующий путь строительства социализма в нашей стране, отменит наше продвижение к социализму на путях нэпа? Нет, мы и дальше будем итти вперед по дороге нэпа? Но дорога эта сократится, путь наш к социализму станет короче. Помощь победившего пролетариата обеспечивает более *быстрое* нарастание социалистических элементов в нашей экономике и *окончательную* победу социализма в нашей стране. Следовательно, эта помощь будет подгонять вперед все процессы, связанные с уничтожением классов. А чем скорее исчезнут классы, тем скорее исчезнет нэп, обусловленный наличием в нашем обществе класса мелких и мельчайших крестьян. Победа мировой революции, таким образом, ведет не к *отмене* нэпа, а к *сокращению* сроков нашего развития на рельсах нэпа. Кто этого не понимает, тот искажает перспективы нашего развития, тот бессознательно покушается на рабоче-крестьянский блок, так как политика нэпа обеспечивает союз пролетариата и крестьянства на весь переходный от капитализма к социализму период.

Теперь о втором выводе: о *необязательности* нэпа в передовых странах после победы в них социалистической революции. Русский пролетариат, одержавший победу в бывшей царской империи, проводит политику нэпа для того, чтобы укрепить блок с русским крестьянством, с одной стороны, и с крестьянством бывших царских колоний (Туркестан, Кавказ, Сибирь) с другой. Бывшая царская Россия существует ныне как Союз Советских Социалистических Республик. Организованный в государство пролетариат проводит определенную национальную и определенную экономическую политику. Политический и экономический союз русского пролетариата с инонациональным окраинным крестьянством, с крестьянством бывших царских колоний обеспечивается проведением новой экономической политики, обусловливается проведением нэпа.

Нет никаких сомнений в том, что, скажем, для английского пролетариата на другой день после победы встанет вопрос о привлечении к союзу с ним крестьянских колоний (Индии, Египта и т. д.). Для обеспечения условий строительства социализма английский пролетариат должен будет превратить Британскую империю в Союз Советских Социалистических Республик, что может быть достигнуто при соответствующей национальной и экономической политике британского рабочего государства. А такой экономической политикой может быть только нэп; только методами нэпа можно превратить классовое общество, в котором имеются громадные массы мелкого и мельчайшего крестьянства, в бесклассовую социалистическую организацию.

Отрицание нэпа как *правильной* политики пролетариата после победы мировой революции ведет к признанию ненужности рабоче-крестьянского блока после этой победы. А между тем именно после захвата власти мировому пролетариату особенно необходим союз с мировым крестьянством. Если представить себе нашу планету после мировой пролетарской победы, как одну страну, то это будет пролетарская диктатура в крестьянской стране. Мировой «пролетарский город» будет находиться в мировом мелко-буржуазном окружении. В таком положении строить социализм *против* или *помимо* громадных подавляющих масс человечества было бы безумием. Эти крестьянские массы должны быть вовлечены в строительство социализма. «Мировой» рабоче-крестьянский блок должен быть установлен. А этот блок может быть обеспечен только нэпом. Вот почему совершенно ясно, что «оппозиционные» взгляды на нэп стоят в коренном противоречии с ленинизмом и с оценкой нэпа Коминтерном. Обосновывая переход к нэпу, Ленин писал: «Мы на опыте убедились, что этого (восстановить крупное социалистическое производство. *Г. М.*) нельзя сделать сразу, и мы знаем, что после разорительной империалистической войны *даже самые богатые и передовые страны лишь в течение известного, довольно долгого ряда лет смогут решить такую задачу*. Значит, необходимо в известной мере помогать восстановлению *мелкой* промышленности, которая не требует машин, не требует ни государственных, ни крупных запасов сырья, топлива, продовольствия, которая может немедленно оказать известную по-

В пользу «военного коммунизма?»

Ильич так характеризовал «военный коммунизм»: «Военный коммунизм» был вынужден войной и разорением. Он не мог быть отвечающей хозяйственным задачам пролетариата политикой. Он был временной мерой» (Ленин, т. XVIII, стр. 214).

Мнение Ильича о нэпе, как «правильной», «отвечающей хозяйственным задачам пролетариата политике» уже было нами приведено.

Итак, или «нэп», или «военный коммунизм». Никакого третьего вида экономической политики в переходную эпоху ленинизм не знает. Его не могут указать и новые оппозиционеры, хотя некоторые из них и утверждают, что на пути к социализму пролетарская диктатура может обеспечить рабоче-крестьянский блок без нэпа, помимо нэпа, не через нэп.

Те, которые собираются раньше или позднее, по еще до осуществления социализма, при существовании классов (они не понимают, что нэп вызван именно классовым характером «переходного» общества, наличием в этом обществе частной собственности на средства производства и т. д.) «отменить» нэп,— те или проповедуют возврат к «военному коммунизму», или вообще не могут свести концы с концами.

И в том и в другом случае подобное «откровение» о нэпе вредно, потому оно имеет своей целью сбить партию с ее генерального политического курса на рабоче-крестьянский блок.

Первая «оппозиционная» формула о нэпе нисколько не лучше только что разобранной.

«Нэп—это тактика пролетарской партии... в условиях затяжки мировой революции»—гласит эта первая формула. Отсюда следует, во-первых, что победа мировой революции избавляет нас от необходимости придерживаться нэпа, во-вторых, что нэп ни в какой степени не является обязательным для пролетариата, который победит в передовых странах. Первый вывод связан с предположением, что факт революции в передовых странах поведет к «моментальному» исчезновению классов в нашей стране. Несуразность подобного предположения бьет в глаза. Конечно, победа социалистической революции в передовых странах классов у нас сразу не уничтожит. Но с другой стороны, громадное влияние победы пролетариата в передовых странах мира на пути социалистического строительства первого Союза Советских Социалистических Республик не оставляет никаких сомнений. В чем же будет состоять это влияние? В том ли, что пролетарская победа в соседних странах «отменит» существующий путь строительства социализма в нашей стране, отменит наше продвижение к социализму на путях нэпа? Нет, мы и дальше будем итти вперед по дороге нэпа? Но дорога эта сократится, путь наш к социализму станет короче. Помощь победившего пролетариата обеспечивает более быстрое нарастание социалистических элементов в нашей экономике и окончательную победу социализма в нашей стране. Следовательно, эта помощь будет подгонять вперед все процессы, связанные с уничтожением классов. А чем скорее исчезнут классы, тем скорее исчезнет нэп, обусловленный наличием в нашем обществе класса мелких и мельчайших крестьян. Победа мировой революции, таким образом, ведет не к отмене нэпа, а к сокращению сроков нашего развития на рельсах нэпа. Кто этого не понимает, тот искажает перспективы нашего развития, тот бессознательно покушается на рабоче-крестьянский блок, так как политика нэпа обеспечивает союз пролетариата и крестьянства на весь переходный от капитализма к социализму период.

Теперь о втором выводе: о необязательности нэпа в передовых странах после победы в них социалистической революции. Русский пролетариат, одержавший победу в бывшей царской империи, проводит политику нэпа для того, чтобы укрепить блок с русским крестьянством, с одной стороны, и с крестьянством бывших царских колоний (Туркестан, Кавказ, Сибирь) с другой. Бывшая царская Россия существует ныне как Союз Советских Социалистических Республик. Организованный в государство пролетариат проводит определенную национальную и определенную экономическую политику. Политический и экономический союз русского пролетариата с инонациональным окраинным крестьянством, с крестьянством бывших царских колоний обеспечивается проведением новой экономической политики, обусловливается проведением нэпа.

Нет никаких сомнений в том, что, скажем, для английского пролетариата на другой день после победы встанет вопрос о привлечении к союзу с ним крестьянских колоний (Индии, Египта и т. д.). Для обеспечения условий строительства социализма английский пролетариат должен будет превратить Британскую империю в Союз Советских Социалистических Республик, что может быть достигнуто при соответствующей национальной и экономической политике британского рабочего государства. А такой экономической политикой может быть только нэп; только методами нэпа можно превратить классовое общество, в котором имеются громадные массы мелкого и мельчайшего крестьянства, в бесклассовую социалистическую организацию.

Отрицание нэпа как правильной политики пролетариата после победы мировой революции ведет к признанию ненужности рабоче-крестьянского блока после этой победы. А между тем именно после захвата власти мировому пролетариату особенно необходим союз с мировым крестьянством. Если представить себе нашу планету после мировой пролетарской победы, как одну страну, то это будет пролетарская диктатура в крестьянской стране. Мировой «пролетарский город» будет находиться в мировом мелко-буржуазном окружении. В таком положении строить социализм против или помимо громадных подавляющих масс человечества было бы безумием. Эти крестьянские массы должны быть вовлечены в строительство социализма. «Мировой» рабоче-крестьянский блок должен быть установлен. А этот блок может быть обеспечен только нэпом. Вот почему совершенно ясно, что «оппозиционные» взгляды на нэп стоят в коренном противоречии с ленинизмом и с оценкой нэпа Коминтерном. Обосновывая переход к нэпу, Ленин писал: «Мы на опыте убедились, что этого (восстановить крупное социалистическое производство. *Г. М.*) нельзя сделать сразу, и мы знаем, что после разорительной империалистической войны даже самые богатые и передовые страны лишь в течение известного, довольно долгого ряда лет смогут решить такую задачу. Значит, необходимо в известной мере помогать восстановлению мелкой промышленности, которая не требует машин, не требует ни государственных, ни крупных запасов сырья, топлива, продовольствия, которая может немедленно оказать известную по-

мощь крестьянскому хозяйству и поднять его производительные силы.

Что же из этого получается?

Получается на основе известной (хотя бы только местной) свободы торговли возрождение мелкой буржуазии и капитализма» (Ленин, т. XVIII, 215). Из этого совершенно ясно, что Ленин, даже в «самых богатых и передовых странах» после пролетарской победы в течение «довольно долгого ряда лет» допускал существование свободы торговли, следовательно, допускал и считал необходимым нэп.

По предложению Ленина же Коминтерн внес положение о нэпе, как типической политике пролетарского государства, в программную часть Коминтерна.

Отрицание нэпа и связанное с этим непонимание значения рабоче-крестьянского блока в «мировом» строительстве социализма ведет к признанию невозможности построить социализм вообще—и в мировом масштабе.

Нэп, по мнению идеологов оппозиции, есть только отступление. На рельсах нэпа наступать к социализму нельзя. В лучшем случае нэп—бег на месте, прозябание, в ожидании мировой победы пролетариата. Отсюда вытекает непонимание значения рабоче-крестьянского союза в построении социализма. Рабоче-крестьянский блок рассматривается как очень кратковременная политическая комбинация, нужная нам для того, чтобы продержаться до победы социалистической революции. Сторонники теории нэпа, как сплошного и непрерывного отступления, не понимают, что пролетариат строит социализм вместе с крестьянством. Пролетариат вовлекает крестьянство в строительство социализма и руководит им в этом строительстве. На рельсах нэпа мы укрепляем наши командные социалистические высоты, увеличиваем удельный вес социалистических элементов в нашем хозяйстве. С одной стороны, рабоче-крестьянский блок есть условие социалистического строительства, с другой стороны, наше социалистическое строительство, опирающееся на пролетарско-крестьянский союз, является одним из важнейших факторов мировой социалистической революции. Успехи социализма в нашей стране играют крупнейшую роль в деле революционизирования международного пролетариата. Мы уже идем вперед к социализму, при чем наше движение вперед идет в форме нэпа, который обеспечивает рабоче-крестьянский блок в процессе социалистического строительства. А оппозиционеры, пытавшиеся под присягами ленинизму скрыть свое неверие в социалистические пути развития Советского Союза, изображают нэп, как какое-то жалкое топтание на месте. Этим самым они удостоверяют свою неспособность разобраться и в том, какую роль рабоче-крестьянский блок играет в деле наших социалистических успехов, и в том, как эти успехи, обусловленные политикой рабоче-крестьянского блока, влияют на процесс мировой социалистической революции.

Следующим вопросом, разрешение которого у новых критиков Ленина связано с ревизией теории рабоче-крестьянского блока, является вопрос о кооперации. Ими отрицается социалистическая роль кооперации после захвата власти пролетариатом и тем самым берется под сомнение идея о возможности некапиталистической эволюции мелкого крестьянского хозяйства при пролетарской диктатуре.

Уже трюизмом стало положение о том, что у нас имеются два основных рычага социалистического преобразования: это крупная индустрия в городе и кооперация в деревне. Эти рычаги, так сказать, не «равноценны». Кооперация лишь в том случае сможет выполнить свою роль социалистически-преобразующего фактора в деревне, если городская крупная индустрия будет развиваться. В этом заключается руководящая роль города по отношению к деревне в деле социалистической трансформации.

О вовлечении крестьянства в строительство социализма Ленин говорил не раз: «Только диктатура одного класса пролетариата может решить вопрос о борьбе с буржуазией за господство»...

«Однако, отсюда ни в коем случае не следует,—это было бы глубочайшей ошибкой, что и в дальнейшем строительстве коммунизма, когда буржуазия уже свергнута, когда политическая власть уже в руках пролетариата,—будто и дальше нам можно обойтись без участия средних промежуточных элементов» (Ленин, т. XVI, стр. 141).

Итак, Ленин отводил «промежуточным элементам», т.-е. крестьянству, определенную роль в строительстве коммунизма.

Рабоче-крестьянский блок, руководство крестьянством со стороны пролетариата в этом блоке нужно для того, чтобы втянуть крестьянство в строительство коммунизма, при чем формой, которая обеспечивает приобщение крестьянства к строительству социалистического общества, является кооперация. Крестьянин должен сделаться строителем социализма. Эту мысль Ленин определенно подчеркнул в статье «О кооперации». «Одно дело,—писал он,—фантазировать насчет всяческих рабочих об'единений для построения социализма, другое дело—научиться практически строить этот социализм так, чтобы всякий мелкий крестьянин мог участвовать в этом построении». (Ленин, т. XVIII, стр. 140).

Не признавать кооперации, как организационной формы движения крестьянства к социализму, значит не признавать союза пролетариата с крестьянством, как непременного условия строительства социализма. Недаром Ленин обосновывал союз с середняком необходимостью привлечь последнего к строительству коммунизма. А участие крестьянства в этом строительстве возможно только через посредство кооперации. Не видеть кооперации, как главного метода социалистического перевоспитания крестьянства, значит сдавать в архив политику рабоче-крестьянского блока при построении социализма.

Теперь замечание о кулаке.

Каждый знает, что сила кулака—не в его численности, а в том экономическом влиянии, которое он может оказывать и оказывает на остальную часть деревни. Кулак опасен тем, что он может увлечь за собою середняка. Лучший путь борьбы против кулака—это организация среднего крестьянства вокруг пролетариата и бедноты.

Основная предпосылка правильной политики партии по отношению к крестьянству—это отчетливое представление о соотношениях между различными классовыми слоями современной деревни.

Различать середняка от кулака, не смешивать середняка с кулаком—в этом Ильич видел залог правильности нашей по-

литики. Мало того. Ильич клеймил последними словами тех, кто валил в одну кучу середняка с кулаком.

В принятой VIII с'ездом партии и составленной Ильичем лично резолюции написано: «Смешивать средних крестьян с кулачеством, распространять на них в той или иной степени меры, направленные против кулачества, значит нарушать самым грубым образом не только все декреты советской власти и всю ее политику, но и все основные принципы коммунизма, указывающие на соглашение пролетариата со средним крестьянством, в период решительной борьбы пролетариата за свержение буржуазии, как на одно из условий безболезненного перехода к устранению всякой эксплоатации». (Ленин, т. XVI стр. 158).

Итак, Ленин обвинял тех, кто зачислял середняка в кулаки, в нарушении «всех основных принципов коммунизма». Как же поступали те, кто недавно довольно прозрачно намекали на «кулацкий уклон» руководящего органа партии?

Они на глазах у всех проделали нехитрый статистический трюк, который дал им возможность преувеличить расслоение деревни и превратить значительную часть среднего крестьянства в кулаки. Охваченные необ'ятным испугом авторы этого превращения начинали во весь дух вопить «караул» перед кулацкой опасностью, а после подобных статистических и психологических манипуляций они предложили партии по сути дела, выстроиться фронтом и против той части деревни, с которой мы можем и должны действовать рука об руку.

Так печально обстоит дело с теоретическими положениями оппозиции.

Но и практические предложения оппозиции нисколько не лучше. Они страдают тем же фатальным недостатком. Их проведение в жизнь поставило бы нас очень быстро перед разрывом рабоче-крестьянского союза.

Основных практических мероприятий, которые вышли из оппозиционного стана перед партийным с'ездом, имеется два.

Первое предложение сводится к организации в деревне делегатских собраний середняцкой молодежи, вокруг комсомола.

Современная крестьянская молодежь вырастает в условиях революции. Эта молодежь не имеет возможности сравнить теперешних порядков с теми, которые были при царизме. Эта молодежь не имеет опыта революционной борьбы. С одной стороны, эта молодежь может оказаться ценнейшим человеческим материалом в деле строительства социализма, если мы сумеем по соответствующим каналам направить ее бурлящую активность. С другой стороны, эта молодежь своей активностью может принести громадный вред пролетарской диктатуре, если мы не сумеем сорганизовать середняцкий молодняк вокруг рабочего класса.

Способствует ли лозунг делегатских собраний выгодной для пролетариата реализации активности подрастающего середнячества? Не только не способствует, но стоит с такой реализацией в непримиримом противоречии.

Организация делегатских собраний середняцкой молодежи неминуемо ведет к обособлению беспартийной молодежи от комсомола, который является проводником пролетарской политики в деревне. Обособление будет означать выпадение руля руководства из рук комсомола. Если пролетарское руководство потерпит крах среди молодежи, то неизбежно на смену «появится» буржуазное руководство. Делегатские собрания сделаются центром притяжения кулацких элементов, а также антисоветски настроенных элементов интеллигенции. Так, из недр этих собраний может постепенно выкристаллизоваться «Крестьянский Союз», направленный против пролетариата.

Второе предложение оппозиции состояло в том, чтобы расширить ряды партии так, чтобы иметь в них не менее 90% рабочих от станка. К каким словесным вывертам ни прибегали авторы этого предложения, им не удалось снять с себя обвинение в попытке наводнить партию политически незрелой и пролетарски невыдержанной массой. Разбухание партии, наличие в ее рядах громадного количества полупролетарского сырья ослабит партийное единство, сделает партию особенно доступной для непролетарских влияний. Все это, в свою очередь, могло бы повести к падению дисциплины внутри партии. А чем угрожает колебание дисциплины в рядах партии об этом Ильич недвусмысленно заявил в «Детской болезни».

«Кто хоть сколько-нибудь ослабляет,—писал он, железную дисциплину в партии пролетариата (особенно во время его диктатуры), тот фактически помогает буржуазии против пролетариата».

Партия может проводить политику рабоче-крестьянского блока, опираясь на стальную спайку своих рядов, на политическую сознательность своих членов.

Нечего говорить о том, что и от спайки и от сознательности в партии осталось бы очень и очень мало, если бы партия приняла «оппозиционный» рецепт регулирования своего социального состава.

Угроза нашему руководству крестьянством при недостаточной политической сознательности партийной массы отмечена Лениным. Вот выдержка из письма Ленина Молотову от 24/III—22 г., оглашенного на XIV партс'езде. «С другой стороны, так же несомненно,—писал Ильич,—что партия наша теперь является менее политически воспитанной в общем и среднем (если взять уровень громадного большинства ее членов), чем необходимо для действительно пролетарского руководства в такой трудный момент, особенно при громадном преобладании крестьянства, которое быстро просыпается к самостоятельной классовой политике».

Мы видим, что все вопросы, выдвинутые последней дискуссией, увязываются в проблему рабоче-крестьянского блока. Во всех этих вопросах и по линии теоретических формулировок, и по линии практических предложений оппозиция заняла сугубо-опасные антиленинские позиции. Логика всех оппозиционных «заскоков» «растет» в одном направлении, в направлении к срыву рабоче-крестьянского союза. Рабоче-крестьянский блок находит себе экономическое выражение в союзе государственной социалистической промышленности с кооперацией. Именно в таком союзе, как известно, заключается ленинский план строительства социализма. Ликвидация рабоче-крестьянского блока в переходную эпоху есть ликвидация ленинского плана строительства социализма, есть фактическое отречение от ленинизма.

М. Шефлер.

Перспективы развития системы сельско-хозяйственного кредита.

Народное хозяйство СССР вступает в новую фазу своего развития.

Последние три-четыре года, т.-е. первые годы проведения новой экономической политики, характеризуются чрезвычайно бурным течением восстановительного процесса.

Восстанавливался транспорт, восстанавливалась промышленность, начала развертываться внутренняя и отчасти внешняя торговля, подходит к довоенному уровню сельское хозяйство.

Каковы теперь тенденции сельского хозяйства? Во-первых, наше сельское хозяйство имеет, несомненно, тенденции к быстрому росту. Это доказывают цифры роста его в последние 2—3 года.

Сельское хозяйство после пережитой особенно сильной разрухи в 1920 и 1921 годах, когда посевная площадь упала до 70% от довоенного уровня, а сбор хлебов составлял только 40%,—начинает подниматься сначала довольно медленным темпом, а затем темп укрепления сельского хозяйства начинает ускоряться.

Посевная площадь уже к 1925 году дошла до 90% от площади 1913 года, численность скота точно так же составляет 90%, а сбор хлебов определяется цифрой около 80% (отставание в % отношении сбора хлебов от роста посевной площади, несмотря на выше-средний урожай, об'ясняется качественным ухудшением обработки земли, посевного материала и т. п.).

Общая продукция сельского хозяйства составляет в 1924—25 году сумму около 8.200 миллионов рублей против 10.700 миллионов рублей в среднем до войны, т.-е. около 77%.

Динамика постепенного выхода сельского хозяйства из кризиса, почти дошедшего до катастрофы в 1921 и 1922 г.г., видна из следующих данных:

Отрасли сельск. хозяйства.	1913 г.	1921 г.	1922 г.	1923 г.	1924 г.	1925 г.
I. Посевная площадь в милл. дес.	105,8	86,2	74,4	87,3	94,0	97,0
В процент. к 1913 г.	100	83	70	84	90	92
» » к пред. году . . .	—	—	86	101	109	103
II. Сбор зерновых хлебов в милл. пудов	5.690	2.253	3.585	3 475	3.165	4.500
В процент. к 1913 г.	100	40	63	61	54	80
» » к пред. году	—	—	160	97	91	150
Численность скота всего (в переводе на крупный) в милл. голов	67 1	52,0	48,0	49,0	56.9	60,0
В процент. к 1913 г.	100	78	72	73	83	90
» » к пред. году	—	—	92	102	114	10

Рост, несомненно, довольно быстрый, и этот рост потребовал от сельского хозяйства еще большего напряжения, чем рост промышленности, чем укрепление транспорта и других отраслей народного хозяйства.

Сравнивая рост промышленности и рост сельского хозяйства, необходимо учесть совершенно различную природу этих отраслей хозяйства.

Промышленность концентрирована на нескольких тысячах предприятий с двумя миллионами рабочих, а сельское хозяйство распылено среди двадцати двух миллионов крестьянских дворов и ведется свыше, чем пятьюдесятью миллионами трудящихся. Следовательно, если концентрированной промышленности, имеющей хотя и частично разрушенный, но все же значительный основной капитал в виде более или менее совершенных средств производства, было трудно вылезать из оврага послевоенной разрухи, то сельскому хозяйству, никогда и не имевшему хороших средств производства, растерявшему их за время войны и революции, вылезать пришлось на неимоверной затрате мускульного труда.

Таким образом, если промышленность еще имеет некоторые, хотя и очень небольшие, резервы неиспользованных основных капиталов в виде некоторых находящихся в консервации, не открытых пока фабрик и заводов, в виде неиспользованных еще кое-где станков и оборудования,—то сельское хозяйство в этом году, несомненно, использовало все свои ресурсы, все средства производства, и дальнейший рост и развитие сельского хозяйства будет находиться в прямой зависимости от пополнения основных капиталов и восстановления оборотных средств крестьянского хозяйства.

Отсюда основной вывод таков: для дальнейшего роста сельского хозяйства, для дальнейшего его развития, без которого невозможно ни поднять нашу внешнюю торговлю, ни создать внутреннего рынка для промышленной продукции, ни укрепить наше финансовое хозяйство,—нужно пополнение основных капиталов крестьянского хозяйства, нужно предоставление ему для этой цели долгосрочных кредитов, и вместе с тем, нужно восстановление у крестьянства оборотных средств путем предоставления ему для этой цели краткосрочных кредитов.

С другой стороны, наше сельское хозяйство стремится к улучшению, к переходу к более совершенным методам ведения хозяйства.

Громадный спрос в настоящее время на тракторы в Украине, на С. Кавказе, в Поволжье, в Сибири, который мы сейчас наблюдаем, является лучшим доказательством стремления крестьянства к механизации сельского хозяйства.

Громадный спрос на семена трав, семена клевера, который мы наблюдаем в Центр.-Пром. районе и в районах Северном и С.-Западном, является доказательством стремления к переходу на многопольные севообороты, которое мы наблюдаем в приговорах сходов.

Следовательно, сельское хозяйство действительно стремится перейти на более совершенные способы ведения хозяйства.

Вместе с тем, сельское хозяйство идет по пути развития товарности. Если мы обратимся опять-таки к цифрам, рисующим рост товарности сельского хозяйства, то мы увидим следующее.

Строение дохода от сельского хозяйства в довоенное время выражалась в следующих соотношениях между отдельными культурами сельского хозяйства: от зерновых культур 45% дохода, от технических и интенсивных культур—12,7%, от огородничества, садоводства и виноградарства—11,4%, от животноводства—30,7%.

В 1924—25 году, мы имели следующее соотношение доходности тех же отраслей сельского хозяйства: зерновые культуры 38% вместо 45%, технические и интенсивные культуры 13,4% вместо 12,7%, огородничество, садоводство и виноградарство 12,9% вместо 11,4% и, наконец, животноводство 35,3% вместо 30,7%, т.-е. падение доходности от зерновых культур и одновременное поднятие доходности от технических и интенсивных культур: от огородничества, садоводства и виноградарства и от животноводства

Это показывает, что по своей структуре сельское хозяйство переходит к более интенсивным отраслям с.-х. производства, и в то же время это показывает, что растет товарность сельского хозяйства.

Конечно, по сравнению с довоенным развитием, товарность нашего сельского хозяйства еще недостаточна. Она в настоящее время составляет, примерно, около 50% довоенного уровня. В среднем 1911—15 году стоимость товарной массы с.-х. продукции составляла 4 миллиарда рублей, а в настоящее время она составляет 2,25 миллиарда рублей, т.-е. всего около 50% довоенного уровня.

Все это дает основание ждать, что роль основного фактора, от которого зависит под'ем всего народного хозяйства и улучшение финансового хозяйства, сельское хозяйство сможет выполнить, если мы его сможем обеспечить достаточным приливом основного капитала и оборотных средств.

В этом и заключается коренная и основная задача системы с.-х. кредита.

В то же время система с.-х. кредита, являясь источником для увеличения и расширения основного капитала сельского хозяйства, источником для создания оборотных средств в сельском хозяйстве, должна явиться тем рычагом, посредством которого государство должно оказать влияние на тенденции развития с.-х. производства.

Совершенно ясно, что сельское хозяйство сыграет свою роль в отношении под'ема всего народного хозяйства и в отношении укрепления наших финансов только тогда, когда оно будет стремиться к товарности, когда оно будет переходить на более совершенные способы ведения хозяйства, когда оно действительно будет улучшаться именно в нужном направлении, в направлении развития экспортной продукции и в направлении интенсификации.

Для того, чтобы это было так, несомненно, государство должно иметь возможность, оказывая кредит, влиять на тенденции развития с.-х. производства. Именно, в этом отношении система сельхозкредита может сыграть громадную роль в качестве регулятора направления развития с.-х. производства.

В то же время для Союза ССР далеко не безразлично по какому руслу пойдет развитие производительных сил сельского

хозяйства—по руслу ли, ведущему к социалистическому хозяйству, или по руслу частно-капиталистического хозяйства.

В этом направлении точно так же система с.-х. кредита в СССР может сыграть громадную роль, т. к. ее работа ориентируется на кооперирование крестьянства, и между системой с.-х. кредита и с.-х. и кредитной кооперацией в СССР уже установлена в этом вопросе непосредственная, органическая, тесная связь.

Система с.-х. кредита в СССР построена на началах государственно-кооперативных.

В этом основная отличительная черта системы с.-х. кредита и в этом заключается возможность для рабоче-крестьянского Союза ССР посредством системы с.-х. кредита, направлять крестьянское хозяйство по пути коллективизации, а следовательно по пути, ведущему к организации социалистического хозяйства.

Какова же сейчас система сельхозкредита и насколько она может выполнить эти чрезвычайно важные задачи, которые перед ней стоят, в связи с задачей восстановления, развития и укрепления нашего народного хозяйства?

Динамика развития системы с.-х. кредита характеризуется тем же чрезвычайно быстрым ростом, таким же темпом роста, каким растет и сельское хозяйство СССР.

Состояние системы с.-х. кредита и перспективы дальнейшего ее развития характеризуются нижеприводимыми данными.

Вся система в настоящее время состоит из руководящего центра—Центрального Сельско-Хозяйственного банка СССР, 6 республиканских с.-х. банков в союзных республиках, 62 обществ с.-х. кредита, называемых также местными с.-х. банками, и 134 их местных отделений и агентств,—и опирается на низовую сеть, состоящую в настоящее время из 10.000 первичных кредитных и с.-х. кредитных товариществ.

Рост числа первичных товариществ, входящих в низовую сеть системы, с.-х. кредита, по СССР таков:

На 1 октября 1924 г.	На 1 января 1925 г.	На 1 апреля 1925 г.	На 1 июня 1925 г.	На 1 октября 1925 г.
5.353	6.444	7.221	7.940	10.000

Еще недавно мне пришлось указывать, что к 1 октября 1925 г. следует ожидать несколько меньшего числа низовых товариществ, а именно 9.000, но темп роста первичной сети оказался быстрее ожидаемого.

Рост числа членов кооперативов еще интенсивнее и выражается следующими данными:

Число кооперативов и их членов.	На 1 октяб. 1924 г.	На 1 янв. 1925 г.	На 1 апр. 1925 г.	На 1 июня 1925 г.	На 1 окт. 1925 г. (предполо-жит.).
Число кооператив. давших сведения	4.092	4 399	7.212	7.940	около 10.000
Число в них членов . . .	873.676	1.112.527	2.282.433	2.664.663	4.000.000

Таким образом, нам казалось бы самым правильным, если система с.-х. кредита, не увлекаясь числом кооперативов, обратила бы главное свое внимание на укрепление низовой сети и на привлечение в нее возможно большего числа членов.

Перспективы роста низовой сети таковы, что к 1 октября 1926 г. можно ожидать расширения сети до 12.000 первичных кооперативов, с 7,2 миллионами членов.

Интенсивность роста низовой сети особенно выявляется числом членов на один кооператив, которое росло в среднем таким образом:

На 1 октября 1924 г.	На 1 января 1925 г.	На 1 апреля 1925 г.	На 1 июня 1925 г.	На 1 октября 1925 г. (предполож.)
213	253	316	335	400

Этим темпом почти предопределяется и перспектива расширения числа членов на 1 товарищество до 600 крестьянских хозяйств, что представляется вполне вероятным и отвечает довоенным цифрам (610 членов в среднем на 1 кред. т-во к концу 1913).

Таким образом, направляя свое внимание именно на качественное улучшение низовой сети, на расширение числа кооперативных крестьянских хозяйств на одно товарищество, система с.-х. кредита к концу 1925—26 г. могла бы завершить эту важнейшую работу укрепления существующей сети.

Для этой цели необходимо прежде всего добиться перехода всей низовой сети к уставам и к структуре сельско-хозяйственных кредитных товариществ с посредническими функциями.

Отказ от потребительской торговли, отказ от торговли за свой счет и переход к товаро-комиссионным операциям, гарантия направления кредитных средств только на кредитные операции—таково существо этой реорганизации установленной XIV партконференцией.

А. И. Рыков, в своей речи, сказанной на XIV партконференции, характеризует эту задачу следующими словами:

«Внизу, в деревне, создается единый сельско-хозяйственный кредитный кооператив, обслуживающий и кредитные и снабженческо-посреднические нужды кооперативного населения. В деревне не должно быть никакой специальной организации по кредиту и особой по посреднически-снабженческой с.-х. работе. Однако, создание единой сельско-хозяйственно-кредитной кооперации в деревне должно сопровождаться целым рядом дополнительных мер, которые гарантировали бы целесообразность и правильность ее работы. Главный вопрос заключается здесь в создании такой организации этого кредитного с.-х. кооператива, которая обеспечила бы возможность привлечения в кооператив вкладов, приток средств накопляющихся в крестьянском хозяйстве. Для достижения такого результата необходимо, чтобы кредитные средства, получаемые от вкладов со стороны населения, равно как и средства, данные государством на развитие сел.-хоз. кредита, были свободны от ответственности по каким-либо другим операциям. Снабженческо-сбытовые посреднические функции должны вестись таким кооперативом за счет специальных капиталов или за счет специальных кредитов, но ни в коем случае не за счет тех средств, которые обслуживают кредитную работу.

Эти гарантии необходимо установить для того, чтобы дать крестьянству полную уверенность в том, что кредитные средства обеспечены от каких-либо рисков.

Кроме этого, необходимо добиться, чтобы сельско-хозяйственная кооперация отказалась от торгашества, от торговли потребительскими товарами. Должно быть достигнуто и обеспечено полное разграничение функций между потребительской кооперацией и кооперацией сельско-хозяйственной. Должен быть разработан единый устав сельско-хозяйственного кредитного кооператива, который ляжет в основу первичных кооперативных об'единений, пришедших на смену существующим в настоящее время кредитным и общим сельско-хозяйственным организациям».

Извиняясь за длинную цитату, должен сказать, что она лучше всего передает смысл решений XIV партконференции о строительстве первичного с.-х. кредитного товарищества с посредническими функциями.

Приведем суммы сводных балансов низовой сети системы сельско-хозяйственного кредита, из которых видно, что низовая сеть за год укрепила уже свое финансовое положение.

На 1 октября 1924 г.	На 1 января 1925 г.	На 1 апреля 1925 г.	На 1 июня 1925 г.	На 1 октября 1925 г.
В миллионах рублей.				
85,9	119,9	156,5	197,7	240

Из этих данных вытекает возможность роста баланса низовой сети до 400 миллионов рублей к 1 октября 1926 г., и это вполне вытекает как из плановых предположений ЦСХБанка, так и из динамики балансов за истекший год.

По балансам, однако, в начале формирования низовой сети системы сел.-хоз. кредита товарные операции и операции по выдаче ссуд занимали одинаковое место (до 1 октября 1924 г. первое место занимали товарные операции), а именно: товарные операции составляли в сводном балансе на 1 октября 1924 г. 23,7% и операции по выдаче ссуд—24,8%.

В настоящее время положение значительно изменилось, % выданных ссуд к балансу повысился к 1 июля до 32,8, а % товарных операций понизился до 17,5.

Это доказывает несомненную тенденцию низовой сети направлять свое преимущественное внимание на кредитную деятельность.

Характерно при этом, что сумма ссуд в среднем на 1 члена кооператива изменилась сравнительно мало, а именно, она составляла:

На 1 октября 1924 г.	На 1 января 1925 г.	На 1 апреля 1925 г.	На 1 июня 1925 г.	На 1 октября 1925 г.
18,5	16,8	18,6	23,2	25,0

Это показывает, что при почти неизменной средней величине ссуд, кредитная деятельность товариществ охватила значительно большее число крестьянских хозяйств и что в дальнейшей деятельности в ближайшем году системе сел.-хоз. кредита следует точно так же, не расширяя среднего размера ссуд на 1 члена кооператива, расширить число кредитуемых хозяйств.

Значительно хуже обстоит дело со вкладными операциями.

Хотя в абсолютных числах и замечается рост суммы вкладов, но в балансе вклады занимают все время одно и то же последнее место, что видно из следующих данных:

	На 1 окт. 1924 г.	На 1 янв. 1925 г.	На 1 апр. 1925 г.	На 1 июня 1925 г.	На 1 окт. 1925 г.
Сумма	857 т. р.	1.417 т. р.	1.894 т. р.	2.276 т. р.	3.000 т. р.
% к балансу .	1,0	1,2	1,2	1,2	1,2

Такое медленное движение вкладов, конечно, об'ясняется и сравнительным недостатком в крестьянском хозяйстве свободных средств, и молодостью кредитной сети, и недоверием, которое пока существует у крестьянства к кооперации из-за действительно плохой часто постановки дела.

Наступающий год, год урожая, год роста сельского хозяйства, год значительного укрепления и улучшения кооперативной сети, несомненно, должен явиться переломным годом в отношении привлечения крестьянских вкладов.

В наступающем году мы должны требовать от всей системы сел.-хоз. кредита неустанного внимания к развитию вкладных операций.

Мы должны считать устойчивым впредь только то товарищество, в котором крестьянские вклады начинают играть заметную роль, и только то общество сель.-хоз. кредита, в районе которого товарищества заметно расширили привлечение крестьянских вкладов.

Переходя к итогам работы с.-х. банков и обществ сел.-хоз. кредита, приведем точно так же несколько цифр.

Сводный баланс всех обществ сел.-хоз кредита изменялся следующим образом:

На 1 октября 1924 г.	На 1 января 1925 г.	На 1 апреля 1925 г.	На 1 июня 1925 г.	На 1 октября 1925 г.
В миллионах рублей.				
82,5	120,0	161,3	199,0	240,0

Таким образом, динамика роста балансов обществ с.-х. кредита за этот год дает все основания полагать, что в наступающем году суммарный баланс всех обществ с.-х. кредита подойдет к четырем стам миллионов рублей.

Перспективы роста всей системы сел.-хоз. кредита таковы.

Если мы возьмем сводный баланс, не исключая из балансов взаимных расчетов звеньев системы сел.-хоз. кредита, то мы получим следующие цифры:

На 1 октября 1924 г.	На 1 января 1925 г.	На 1 апреля 1925 г.	На 1 июня 1925 г.	На 1 октября 1925 г. (предполож.)
В миллионах рублей.				
219,0	334,0	457,4	572,3	750,0

Эта сумма, во всяком случае, обязывает всю систему с.-х. кредита, имеющую общий баланс уже к началу текущего года в три четверти миллиарда рублей, к улучшению своего аппарата, к уточнению каждой своей операции, к укреплению каждого звена системы и к безусловному согласованию всей работы с общим планом по развитию крестьянского хозяйства.

Общая сумма всех средств, вложенных государством в дело с.-х. кредита, составляет около четверти миллиарда рублей, т.-е. почти вдвое больше, чем было направлено на производственное кредитование крестьянства государством до революции.

Однако, эти цифры далеко еще не соответствуют действительной потребности крестьянского хозяйства.

Разорение крестьянства во время войны, революции и в периоды засухи и неурожая настолько велики, что для восстановления крестьянского хозяйства и для его укрепления и развития требуются средства гораздо более значительные.

Если считать, что в Союзе ССР еще до 30% безлошадных, то только для обеспечения их рабочим скотом или тракторами требуется не менее полумиллиарда рублей.

Не меньшей суммой выражается потребность в чистосортных семенах и в племенном скоте.

Программа машиноснабжения на текущий год составлена в 125 миллионов рублей. Землеустройство и мелиорация требуют точно так же значительных сумм.

Если к этому прибавить потребности в кредите хозяйств, ведущих специальные отрасли (хлопководство, свекло-сахарное производство, льноводство, табаководство, маслоделие и т. д., и т. д.), потребность в кредитах, обеспечивающих нормальные условия сбыта с.-хоз. продукции, то общая сумма, потребная для удовлетворения основных нужд крестьянского хозяйства в кредите, перевалит за 2 миллиарда рублей.

Само собой разумеется, что до удовлетворения потребности сельского хозяйства в таких суммах еще далеко.

Задача, однако, состоит в том, чтобы по возможности ближе подойти к осуществлению кредитной помощи крестьянству на самые его реальные основные нужды.

Из каких, однако, источников возможно черпать средства для удовлетворения, хотя бы самых неотложных основных нужд?

Государство уже в общей сложности вложило около четверти миллиарда рублей и вложит, несомненно, в текущем году столько же.

Вклады самого крестьянства — таков второй источник средств. Этому источнику средств необходимо придавать особое значение.

Мы можем отметить, однако, анализируя более подробно цифры развития нашей системы с.-х. кредита, что наряду с ростом суммарных балансов низовой сети, происходящим, примерно, с той же самой интенсивностью по всей системе с.-х. кредита,—роста вкладов пока почти не наблюдается.

Во всяком случае вклады растут медленнее, чем балансы низовой сети.

Это не должно нас пугать, ибо это—результат тех же самых восстановительных процессов в крестьянском хозяйстве, которые явились следствием и задержки сбыта хлеба.

Конечно, отчасти это—следствие также слабости наших низов, следствие того, что их количественный рост обгоняет их качественный рост, что нет достаточного доверия к ним и что у крестьянства отсутствует сознание ответственности за рост своей низовой сети.

Но в основном отсутствие вкладов это—следствие тех восстановительных процессов, которые переживает наше крестьянское хозяйство и которые не позволяют ему помещать свои свободные средства иначе, чем в обмен на основной капитал, иначе, как в обмен на средства с.-х. производства.

Задача этого года—переломить этот процесс.

Если в прошлом году мы говорили, что надо создать возможность для вкладной операции, то в этом году мы должны переломить эту кривую, переломить этот процесс.

Своей работой, своим уменьем мы должны поднять доверие к низовой сети, мы должны найти отдельные методы технической помощи низовке и работой с низовкой суметь поднять вклады, поднять их значимость в балансе. Это самое главное, самое основное.

Выводы, которые можно сделать, очертив рост нашей системы с.-х. кредита, примерно следующие.

Рост системы с.-х. кредита идет вполне нормально.

Рост системы с.-х. кредита на будущий год должен поспевать за ростом сельского хозяйства, должен поспевать за ролью сельского хозяйства, все возрастающей пока в нашем внешнем торговом обороте и в развитии всего народного хозяйства в целом.

Вместе с тем, организационные и практические задачи нашей системы с.-х. кредита должны поспевать за всеми запросами нашей деревни, в частности за запросами по расширению товарности с.-х. производства, по улучшению системы ведения хозяйства, по переходу к усовершенствованным методам с.-х. производства, по переходу к многопольному севообороту, к более сложным машинам и т. д.

Вместе с тем необходимо на этот год углубить свое внимание по отношению к запросам крестьянства и оживить связь обществ с.-х. кредита с низовой сетью, сделать ее наиболее гибкой, простой, живой, доступной, для того, чтобы провести ту четкую линию, которую наметил первый с'езд по с.-х. кредиту и постановила XIV партконференция.

Задачи системы с.-х. кредита в основном следующие:

1) создание крепкой низовки;

2) укрепление связи с низовой сетью;

3) укрепление связи низовой сети с крестьянством;

4) перенесение центра тяжести в низовой сети к обслуживанию бедняцких и середняцких слоев деревни;

5) организация действительной помощи низовой сети—не циркуляры, не приказы, а именно помощь;

6) наблюдение за правильным направлением кредита на производственные нужды крестьянского хозяйства;

7) усиление привлечения средств самого крестьянства;

8) расширение значения кооперативного строительства в деревне.

Система с.-х. кредита должна явиться мощным рычагом по регулированию процессов развития нашего крестьянского хозяйства—такова тенденция всей нашей партпостановки этого вопроса. Все развитие нашего рабоче-крестьянского государства подсказывает необходимость такой рычаг держать в своих руках и дать возможность системе с.-х. кредита направлять в правильное русло все процессы развития крестьянского хозяйства. Поэтому нет никаких сомнений, что ближайшие перспективы системы с.-х. кредита—это дальнейший ее рост, дальнейшее ее развитие и дальнейшее укрепление.

А. Мелькумов.

Революционная законность и наши задачи.

Развитие экономических сил Советского Союза, с одной стороны, способствует росту числа нарушений законности, особенно в деревне, а с другой—создает наиболее благоприятные условия для борьбы за законность. Если мы обратимся к массовым растратам и другим видам нарушения законности в городах, а также к «морю беззакония» в нашей деревне, то станет очевидным, что именно в связи с общим экономическим под'емом в городе и деревне, как отрицательное последствие, быстро растут беззаконные действия со стороны определенных социальных групп населения. Вместе с тем, этот под'ем создает соответствующую обстановку для внедрения революционной законности.

Поворот «лицом к деревне» вскрыл огромную массу беззаконных действий со стороны как отдельных лиц, так и наших низовых советских органов. Именно теперь, когда страна перешла к оживлению деятельности советов, к борьбе за поднятие культурного уровня широких, особенно крестьянских, масс, к изгнанию из наших органов всякого рода произвола и беззакония—вопрос о революционной законности становится важнейшей и злободневной проблемой, требующей от государства огромных сил, средств и энергии.

Многие из местных парторганизаций отмечают, что за последний год работа по проведению революционной законности, благодаря мобилизации партийно-общественного мнения и внимания трудящихся масс—дала определенные результаты. Наряду с этим имеются такие губернии и области, в которых положение еще поныне продолжает оставаться почти попрежнему без изменения.

Специфичность задач, которые поставлены перед нашей прокуратурой, еще с начала ее возникновения, выдвинула необходимость установления единого руководства работой прокуратуры и организации аппарата ее так, чтобы он был построен сверху донизу на принципах строжайшей централизации. Бесспорно, что принцип этот еще поныне продолжает оставаться незаменимым, ибо прокуратура со своей задачей может справляться лишь при условии сохранения независимости ее от местных влияний.

Помимо этого, практика и переживаемая обстановка выдвигают необходимость серьезной реорганизации органов прокуратуры. Эта реорганизация должна выражаться в создании всесоюзной прокуратуры, которая взяла бы на себя функции об'единенного руководства работой прокуратур союзных республик, что с точки зрения ревзаконности является существенно необходимым. Организация союзной прокуратуры, безусловно, позволит установить единство в осуществлении всех мероприятий по наблюдению за законностью во всесоюзном масштабе.

После апрельского пленума ЦК и XIV партконференции, безусловно, произошел значительный перелом во взаимоотношениях между парторганами и прокуратурой. Если до этого наблюдалось сплошное вмешательство парторганов в работу прокуратуры, то после указанных директив партии большинством организаций отмечается установление между ними тесной связи и деловых взаимоотношений. Иваново-Вознесенский, Ульяновский, Нижегородский и др. парткомы пишут, что «в борьбе за революционную законность, местные партийные и советские органы оказывают полное содействие» органам юстиции. Имеется ряд случаев, когда губкомы (Курский, Калужский, Ив.-Вознесенский и др.) даже за несвоевременное донесение уголовного дела до сведения следственных органов об'являют строгий выговор укому и т. д.

Наряду с этим имеются губернии, особенно нац. окраины, где во взаимоотношениях парторганов с прокуратурой и вообще судебными органами продолжают существовать ненормальности. Парткомы, попрежнему вмешиваются в разбор отдельных дел судебными и прокурорскими органами, берут на себя совершенно ненужные функции по непосредственному осуществлению рев. законности и т. д. В других же губерниях взаимоотношения нарушаются с совершенно иного конца. Здесь мы приведем три наиболее характерных случая, ярко рисующие ненормальные взаимоотношения парторганов с органами юстиции:

1. «Член партии за нанесение побоев и клевету на беспартийного был осужден на один месяц, а отбыл один день: под влиянием ответработников и укома, под предлогом предоставления возможности работать в укоме пом. прокурора и нач. исправдома отпускают его. В делах же отмечается, что он отбыл месячное наказание».

2. В мае месяце с. г. нач. уголрозыска убил двух крестьян-сектантов, одного при попытке бежать, другого, как он об'яснил потом, за сопротивление и буянство. По мнению милиции, убитые были сектантами-фанатиками, пришедшими освободить арестованных крестьян. И бюро губкома ограничивается тем, что отмечает «нетактичность поступка начальника». С этим постановлением соглашается прокуратура, ограничившись только об'яснением начальника милиции. И этим дело кончилось.

3. Одним из членов сельской ячейки был крещен новорожденный ребенок. Бюро волкома это дело поручило милиционеру для выяснения; последний допросил мать ребенка и других, заполнил на всех допрашиваемых, полагающуюся при этом анкету: сколько скота, когда родился, где родился и т. д. Следствие милиционер (как он пишет) произвел на основании 99-й статьи Угол.-Проц. Кодекса с предупреждением, что за ложные показания допрашиваемые будут привлечены к ответственности по 178-й статье Угол. Код. «Жена члена партии Карпова, на вопрос, что она еще может добавить—заявила, что если бы она знала, что можно ребенка крестить в вике, она согласилась бы, только, чтоб был окрещен ребенок». Вместо того, чтобы вызвать в волком члена партии и выяснить—дело о крещении ребенка передается в органы милиции для «специального дознания».

Кроме того, мы наблюдаем полнейшее непонимание некоторыми парторганами форм привлечения прокуратуры к общественно-политической деятельности. Так, например, выезжающему в

деревню прокурору поручается выступать с докладами по антирелигиозным вопросам, перед крестьянскими массами (Тула). Подобный метод общественно-политической работы безусловно следует осудить.

Во многих губерниях прокуроры привлечены в партийные органы в качестве их выборных членов. Около 50% общего числа губ. прокуроров и 24% числа уездных пом. прокуроров являются членами выборных парторганов. Кроме этого, почти всюду прокуроры регулярно принимают участие на заседаниях, как бюро парткомов, так и коллегий их основных отделов. Таким образом, наметившийся перелом в сторону установления тесной связи во взаимоотношениях парторганов с прокуратурой имеет уже в большинстве организаций определенные, конкретные достижения. Перед партией становится теперь, помимо продолжения работы по улучшению взаимоотношений, также принятие целого ряда мер по созданию авторитетной прокуратуры, могущей осуществить возлагаемые на нее задачи по проведению и закреплению революционной законности.

Переходя к практической работе прокуратуры, прежде всего, рассмотрим политработу ее. Текущий 1925 год, собственно, не внес особых существенных изменений в задачи прокуратуры по политработе, и она фактически попрежнему сводится к укреплению связи с массами рабочих и крестьян. Нужно сказать, что политработа прокуратуры, по сравнению с прошлым годом, значительно увеличилась, за что говорит рост числа выступлений прокуроров с докладами и в печати.

Весьма существенное значение в деле непосредственного общения прокуратуры с массами имеет привлечение и правильное использование института общественных обвинителей. Работа прокуратуры в этой области, особенно за текущий год, имеет некоторые достижения. Выступления общественных обвинителей растут, что видно из следующих данных:

В 1923 г. было . . . . 2.420 выст.
» 1924 г. » . . . . 8.499 »
» 1 полуг. 25 г. было . . . . 5.670 »

Общественные обвинители в своем большинстве рабочие от станка. Однако, следует отметить, что дело организации общественного обвинения далеко еще не закончено и имеет целый ряд дефектов.

Как отрицательный момент следует отметить, что организация общественного обвинения захватила пока лишь город; что касается деревни, то там она находится в зачаточном состоянии.

За истекший год центр тяжести в работе прокуратуры в деревне перенесен на обследование низовых органов власти и на выезды в деревню. Как положительное явление мы наблюдаем, что выезды в большинстве губерний постепенно принимают планомерный характер. Они обыкновенно по мере возможности приурочиваются к моментам расширенных заседаний риков и виков. Кроме этого, при выездах прокуроры производят обследования деятельности низовых сов. аппаратов.

Помимо этого, посещение деревни дает возможность прокурору на месте принимать и рассматривать непосредственно от крестьян всякого рода жалобы и заявления. Цифры приема и разбора заявлений от крестьян при приездах по отдельным губерниям растут, и выезды прокуроров в деревни постепенно привлекают к себе крестьянские массы.

Наша прокуратура принимает участие в организации юридической помощи деревне. В Череповецкой губ. в текущем году в сельских местностях организовано справочных столов—24 и юридических кружков—21; в Пензенской губ. в некоторых уездах, по инициативе прокуратуры, образованы справочные столы при избах-читальнях и юридические бюро—при нарсудах; в Орловской губ. во всех 66 волостях организованы юридические бюро и т. д.

Борьба прокуратуры с нарушением революционной законности местными властями непрерывно усиливается.

Как видно из приведенной ниже таблицы, за истекшее полугодие 1925 г. число опротестованных неправильных постановлений местных властей увеличилось на 47,3% по сравнению с предыдущим полугодием.

Период 1922—23 г.	1 полугод. 1924 года.	2 полугод. 1924 года.	1 полугод. 1925 года.
9.019	7.833	9.603	14.150

Увеличение числа протестов прокуратуры вызывается еще предоставлением низовым органам права издания обязательных постановлений, которые подчас противоречат общим законам союза.

Наряду с этим мы наблюдаем усиление борьбы с преступностью должностных лиц. Большинство сообщений с мест подтверждают рост числа дел о должностных преступлениях. По 33 губерниям и 2 областям к прокурорам за июль м-ц поступило 3.563 дела о растратах. В Тамбовской губ. число дел о растратах с 1/VII по 1/IX с. г. возросло на 63%; на 1 августа из 4.065, находившихся в производстве следственных дел—1.870, т.-е. 40% были дела о должностных преступлениях. В Ульяновской губ. во 2-м квартале число дел у следователей было 700—о растратах 220.957 руб. В Саратовской губ. за 8 мес. 1925 г. возбуждено 328 дел о должностных преступлениях и т. д. Указанный рост дел о должностных преступлениях, безусловно, доказывает не столько рост числа самих преступлений, сколько увеличение раскрытия их вообще. Надо сказать, что нормальным видом борьбы с должностными преступлениями являются судебные репрессии, но, к сожалению, эта мера в большинстве мест еще поныне продолжает страдать мягкостью воздействия. Кроме этого, не мало случаев, когда подготовка и разбор дела принимает слишком затяжной характер. В борьбе с должностными преступлениями, предстоит еще проделать огромную работу, как по дальнейшему усилению раскрытия их, так и по применению более суровых мер.

Если в губернских и уездных центрах в отношении проведения революционной законности наступил перелом, то далеко не та картина наблюдается на периферии: в волости и деревне.

Одним из виков при взимании сел.-хоз. налога в три рубля наложен штраф на одного крестьянина за неуплату одной копейки налога к первому сроку.

Сельская ячейка РЛКСМ решила повести антирелигиозную борьбу в своей деревне. На собрании ячейки и культпросвета

обсуждали вопрос о сельском священнике, при чем вынесли следующее постановление: «Настоящим доводится до вашего сведения, что в связи с вашим предложением о поступлении на должность священника, мы, ниже подписавшиеся, резко протестуем, так как война всем попам и приверженцам их и невежеству об'явлена. Ваша цель обмануть темные массы в пользу своего кармана». Это постановление за подписью секретаря ячейки РЛКСМ было вручено священнику. Вмешавшийся в это дело вик приостановил службу в церкви. Через некоторое время поп опять приступил к продолжению службы без «разрешения», за что нач. милиции оштрафовал его на 50 руб. Священник апеллировал через вик и уик, последний отменил это постановление, но вик, однако, не удовлетворившись этим командировал милиционера для составления описи имущества попа на предмет взыскания штрафа.

В одном из уездов член семьи возбудил ходатайство о разделе и выдаче его доли имущества. Дело это разбиралось 12 февраля 1924 г. в нарсуде, 6 апреля в губсуде, 22 июня в волземкомиссии, 16 июля в уземкомиссии, 17 августа опять в волземкомиссии, 6 сентября опять в уземкомиссии, 30 ноября в Архангельской губземкомиссии, 16 июля 1925 г. опять в уземкомиссии, 20 августа в Архангельской губземкомиссии и, наконец, 6 сентября в особой комиссии высшего контроля по земельным устройствам. Вот до чего доходит бюрократизм наших органов.

Если мы обратимся к рассмотрению отдельных опротестованных прокуратурой обязательных постановлений низовых совоорганов, то станет ясно, насколько мера согласования проектов обязательных постановлений виков и риков с прокуратурой является целесообразной мерой. Из наиболее характерных обязательных постановлений мы отметим:

1. Постановление Уваровского вика Томской губ. о воспрещении (в целях борьбы с хулиганством) гражданам ходить по улицам с 8 час. вечера до 6 час. утра.

2. Постановление одного из виков Ярославской губ. о воспрещении плавания уток в прудах в виду того, что оно сопряжено с загрязнением воды.

3. В целях борьбы с неграмотностью воспрещение посещения неграмотными вечеринок и выдачи им документов в виках и сельсоветах (Вологодская губ.).

4. «Из'ять налог с каждой коровы 4 коп., с женщины 4 коп., со снохи 8 коп., а свекрови от налога освобождаются, при чем сбор этот производится в принудительном порядке» (Саратовская губерния).

5. Постановление Кудринского Сельсовета «закрепить в дворах своих свиней и поросят впредь до окончания полевых работ и закрепление в надлежащем порядке изгороди, а также обрезать перья у крыльев домашних птиц—кур, уток, с таким расчетом, чтобы таковые не могли перелетать через огороды».

6. Случай, происходивший в Тарском уезде (Сибирь), где вынесено было постановление об обязанности церковно-служителей дезинфицировать посуду и др. принадлежности, при совершении причащения и др. обрядов.

7. Характерный случай привлечения к ответственности священника за разглашение сведений, полученных им на исповеди. В Ново-Николаевском уезде в одном селе священнику запретили

ходить с крестом и иконой более 8-ми час. в день. В другом селе сделали еще лучше: вызвали попа в сельсовет, для доклада о своей работе, при чем сельсовет работу попа признал неудовлетворительной.

Все приведенные примеры, безусловно, свидетельствуют о неграмотности и незнакомстве низовых органов власти с сущностью ревзаконности.

Основным тормозом в работе наших судебных органов по осуществлению революционной законности, является плохой качественный подбор работников низовых судебных органов и тяжелое материальное положение как аппарата суда, так и его работников. Число нарсудов и следственных участков очень ограничено. Нарсуд подчас чисто физически не в силах удовлетворить все запросы масс, в особенности деревни, так как один народный суд на 40—70 тысяч сельского населения, при радиусе в 80—100 верст обслуживать деревню не может. Выезды для разбора дел в сельских местностях почти не бывают, так как, помимо недостатков средств, суды не справляются с работой в тех 2—3 укрупненных волостях, которые входят в их районы. «Большое зло, мешающее нашим нарсудам, завоевать симпатии крестьян — это отдаленность нарсуда от деревни, вследствие которой крестьянам приходится итти за несколько десятков верст на суд»—так освещает положение Архангельская губ. партконференция.

Постоянное повышение числа поступающих дел над разрешаемыми создает непрерывный рост загруженности нарсудов делами, которые подчас лежат без всякого движения по 6 мес. и до 1 года. Надо сказать, что загрузка не всегда образуется исключительно вследствие плохой пропускной способности нарсудов. Напротив, несмотря на рост числа поступающих в нарсуды дел, число разрешенных дел в большинстве мест также возрастает. Данные НКЮ свидетельствуют о том, что «в 1923 г. в среднем на участок нарсуда разрешалось 693 дела, в 1924 г.—795 дел. Число оконченных уголовных дел в 1923 г. в отношении всех уголовных дел, бывших в производстве нарсудов составляло 85%, в 1924 г.—88%; по гражданским в 1923 г.—81%, и в 1924 г. 82%.

Не следует забывать, что, помимо непосредственной работы, нарсудьи еще втянуты в различные комиссии: земельные, налоговые, по делам несовершеннолетних, административные и т. д., а также несут обязанности по общественной работе: постановке показательных процессов, оказанию юридической помощи, популяризации советского права и пр.

Загруженность наших судей и следственного аппарата подчас вызывается также тем, что им приходится заниматься делами более мелкого характера, которые могли бы с успехом рассматриваться и разрешаться третейскими судами или единолично нарсудьями. Необходимо поставить вопрос об образовании третейских судов на предмет передачи им целого ряда дел более мелкого характера. Также нужно, чтобы дела, не имеющие большого и важного значения, по мере возможности рассматривались нарсудьями единолично в порядке об'езда деревень и сел без нарзаседателей.

Имеющиеся при губернских, областных и краевых судах дисциплинарные коллегии заняты рассмотрением дел о проступках и неправильных действиях судебных работников, имевших место

как при исполнении служебных обязанностей, так и вне их. Неполные данные по 24 губерниям свидетельствуют о том, что наибольшее количество дисциплинарных взысканий падает на низовой судебный аппарат, а именно на нарсудей и нарследователей—131 на общее число 1.521 челов. нарсудей и нарследователей, что составляет 8,6%, в то время, как из общего числа 218 работников губ. масштаба подвергались дисциплинарным взысканиям всего—3, т.-е. 1,4%.

Надо прямо сказать, что приближение аппарата коллегии защитников к сельским местностям, может быть, за редким исключением, не дало никаких результатов. Предпринятые меры по переброске части членов коллегии защитников поближе к деревне, почти повсюду не достигли цели.

Что касается вовлечения в работу по оказанию юридической помощи профессиональных и кооперативных организаций, то и здесь тоже мало положительных результатов, и здесь предстоит проделать еще огромную работу.

На местах шел и продолжает итти стихийный процесс образования всевозможных бюро, консультаций, ячеек и т. д. по оказанию юридической помощи населению. Все эти организации являются наиболее совершенными в данных условиях, и можно считать, что эти новые формы работы нарсуда по оказанию юридической помощи населению являются наиболее прочными формами. Задачей дня становится необходимость всемерного укрепления их и установления нормального и планомерного руководства их работой.

На национальных окраинах «постановления центра о революционной законности еще слабо проводятся в жизнь»—так оценивают некоторые организации и выезжавшие на места товарищи.

Существующие на нац. окраинах шариатские суды по мере организации нарсудов быстро теряют свой вес, и население Средней Азии, за исключением некоторых областей, перестает обращаться к шариатским судам. Лишь в Казакстане до сих пор продолжают пользоваться большим доверием населения суды аксакалов. Существование судей казия показало ряд незаконных действий с их стороны. Киробком отмечает «бездеятельность прокуратуры в отношении контроля над деятельностью казиев». Население подчас питает к аксакалам больше доверия, чем к нашим судам, и обращается к ним со многими бытовыми делами. Например, решением аксакала в Майкаринской вол. взыскано с бедняка, к которому бежала от жениха купленная девушка, два быка в пользу «пострадавшего»; или «аксакал Улептинской вол., Уральской губ. присудил бедняка, оскорбившего бая, к 25 ударам плетью» и т. д. Там же можно наблюдать случаи, когда население приходит к акасакалам с жалобами даже на неправильные решения нарсуда.

Многие нац. окраины за последнее время приняли ряд решений по поводу методов борьбы с беззаконными действиями казиев. Правительство Казакстана приняло проект о запрещении аксакалам производить судебное разбирательство; Якутский С'езд Советов постановил отменить калым; Всетуркменский С'езд Советов постановил отменить «брачное право на воду» и т. д.

Однако, все это не свидетельствует о реальных результатах осуществления революционной законности, ибо беззаконие в национальных деревнях процветает, и низового судебного аппарата фактически во многих нац. окраинах не существует. Из материалов Узбекистана видно, что «низового судебного аппарата почти не существует, и он не пользуется популярностью. В Кашко-Дарьинской области в некоторых местах парт'ячейки сами подрывают авторитет суда, освобождая из-под ареста заключенных без ведома прокуратуры и т. д.». На нац. окраинах нам предстоит еще огромная работа по закреплению рев. законности. Мы не забываем, что здесь дело с проведением ревзаконности усугубляется еще целым рядом влияний национальных, бытовых и племенных условий, которые очень часто являются тормозом в практическом осуществлении сов. строительства вообще. Однако, в практической работе все эти препятствия должны быть преодолены.

Если в отношении прокуратуры мы наблюдаем иногда не совсем серьезный подход со стороны местных органов к подбору работников, то в отношении подбора судебных работников дело на местах обстоит еще хуже. Можно установить массу случаев, когда в судебные органы посылаются работники, которых просто использовать негде. Об'ясняется это еще и тем, что тяжелое материальное положение судорганов отбивает охоту и желание у работников итти туда и заняться полезной, с точки зрения осуществления ревзаконности, работой.

Затем—вопрос о подготовке и переподготовке работников для судебных органов и прокуратуры. Здесь требуется, во-первых, улучшение материального положения и состава существующих юридических курсов, а также положительное разрешение вопроса о некотором расширении сети вузов по подготовке новых сил для органов юстиции. Местным партийным и советским органам нужно также изменить свою политику в отношении подбора работников суда. Надо посылать туда действительно полезных работников, умеющих, с точки зрения осуществления революционной законности, выполнять возлагаемые на судебные органы задачи. Кроме этого, при подборе судебных работников следует иметь в виду необходимость постепенного выдвижения из крестьян и из членов РЛКСМ товарищей, могущих быть полезными работниками для органов суда.

Успешность проведения и закрепления революционной законности, таким образом, зависит от разрешения следующих задач:

1. Качественный подбор работников аппарата прокуратуры и суда на местах.
2. Увеличение сети низовых судебных и прокурорских органов с целью приближения их к главному источнику: «морю беззакония» в деревне.
3. Улучшение материального положения судебных и прокурорских органов и их работников на местах.
4. Мобилизация общественного мнения вокруг вопросов ревзаконности и вовлечение широких рабочих и крестьянских масс в дело борьбы за законность.

Эти задачи должны стоять в центре внимания будущей работы наших как центральных, так и местных советских и партийных органов.

Г. Зайдель.

Идеология рабства и борьба с ней.

(«Дела и дни» современной германской с.-д.).

Когда в ноябре месяце 1925 года престарелая Клара Цеткин, вернувшаяся из Советского Союза, бросила с трибуны немецкого рейхстага огненные и гневные слова о предательской роли с.-д., толкающей германского Михеля в намыленную петлю т. н. «Локарнского пакта»,—прожженные дельцы из буржуазного и юнкерского лагеря, плотной стеной сгрудились вокруг этого живого воплощения коммунизма и с затаенным дыханием, с пылающим взором и сжатыми кулаками слушали подлинный голос немецкого рабочего класса. Социал-демократы не посмели ни одним возгласом прервать пылающую речь ветерана рабочей революции, и, когда господин Гильфердинг, который уже давно сменил доспехи лево-радикального забияки на клоунский наряд лакейского прихлебателя буржуазии, пытался в кулуарах бросить выражение порицания старой революционерке, которая, по его словам, получает субсидии у «чужого государства»,—даже его собственные собратья по партии зашикали и замахали на него.

В тот же день огромные, организованные массы немецких рабочих, прямо от станка,—с красными знаменами и плакатами, наполнили аллеи обширного Люстгартен и демонстрировали против Локарно, против правительства и, следовательно, против социал-демократических вождей, поддерживающих правительство и каждый день предающих интересы рабочего класса. Социал-демократическая печать со злобой отмечала, что демонстрация, в общем удалась, но не могла удержаться от очередной лжи, уменьшив количество собравшихся на демонстрацию рабочих в несколько раз... Прошли те времена, когда немецкая социал-демократия была пугалом в глазах не только немецкой, но и всемирной буржуазии. Ныне вожди с.-д. не могут без скрежета зубовного вспомнить об «экстремистских» устремлениях былых времен, о «путчистских» тенденциях коммунистов, о «бланкистской» тактике тех кругов рабочего класса, которые, освободившись от плена и инерции старого, загрязненного знамени, все растут и увеличиваются, группируясь под знаменем и лозунгами Коминтерна.

Диалектика исторического развития, однако, вещь очень и очень сложная: за социал-демократическими прожженными дельцами, за этими трубадурами послевоенного хищнического империализма идут еще большие массы рабочих,—и нужна столь же диалектическая тонкость политики и тактики, нужна вся мудрость исторического опыта авангарда рабочего класса, воплощенная в учении Маркса, Энгельса и Ленина, чтобы вы-

рвать из-под влияния вождей идущие за последними, отчасти по инерции, отчасти по другим причинам, пролетарские массы. Быстро меняется лик послевоенной Европы, каждый день приносит что-нибудь новое, «стабилизация» конца 1925 года вовсе не похожа на «стабилизацию» середины того же года. Социал-демократический Карфаген должен быть разрушен. В этом — историческая задача нашего поколения, правильное разрешение которой одно только может вывести трудящиеся массы всего мира из хаоса послевоенного Бедлама.

I.

С сокрушенным сердцем сообщает «Социалистический Вестник» (№ 21) господина Дана об «относительных успехах немецких коммунистов на последних выборах (Баден, Берлин)». Конечно, одновременно с этим он хитроумно «доказывает» (если можно назвать «доказательством» бессмысленный набор трескучих фраз), что так называемый «новый курс» германской компартии по существу, означает... что бы вы думали?.. ну не что же иное, как «нежизнеспособность» компартии, «отказ от всего, что составляло до сих пор сущность коммунизма» и пр. и пр., а в общем и целом, победу господ Данов и tutti quanti.

Разберем конкретно, действительно ли имела успех германская компартия на выборах (мы имеем в виду не только выборы в Берлине, но и недавно закончившиеся выборы в провинциальные и окружные самоуправления), чем об'ясняется этот успех и каковы дальнейшие перспективы компартии в борьбе за влияние на массы. На последних выборах в берлинское городское самоуправление социал-демократы выставили лозунг: «51% всех голосов с.-д.», т.-е. с.-д. большинство в городской думе. Главным об'ектом нападения была, конечно, компартия, но эта тактика велась весьма хитро, нападение производилось не открыто, а в замаскированном виде. Учитывая настроения с.-д. рабочих, которые, безусловно, в огромном большинстве за Советский Союз и левеют под влиянием растущей нужды и безработицы,—с.-д. весь гнев свой обращали против п р а в ы х партий, особенно, против «дейтш-националe», спекулируя на республиканских чувствах рабочих, которым, мол, угрожает эта монархическая и юнкерская партия. Свою борьбу за Локарно вожди старались сделать выигрышной, напирая на «м и р», который будто бы несет этот «пакт», и указывая, что «худой мир лучше доброй ссоры»; при чем, они категорически принуждены были отмежевываться от «каутскианских» выводов, по поводу «красного империализма», угрожающего европейской цивилизации. Они выпускали в качестве агитаторов своих «левых», которые под покровом революционных фраз всяческими способами преподносили своим слушателям самую реакционную сущность.

Сделав очередной лицемерно-гневный выпад против коалиции с буржуазными партиями и, особенно, против «дейтш-националe» и этим увлекши слушателей, и сорвавши аплодисменты, такой «левый» оратор, как бы нечаянно прибавлял, что этим зловредным «дейтш-национале» помогают их «друзья слева», которые тоже против Локарно и тем самым, мол, служат реакции. Одним словом, борьба против компартии затушевывалась

всемерно, психологическими трюками старались усыпить бдительность рабочего... И, несмотря на все это, коммунисты удвоили количество своих мандатов и в процентном отношении «оказались в числе наименее пострадавших от роста абсентеизма», как дипломатически признают и сами меньшевики. Социал-демократы потеряли значительное количество голосов; в чисто пролетарских районах, как Ведииг, Нью-Кельн, Лихтенберг и др., коммунисты идут почти наряду с социал-демократами, уступая им только в мелкобуржуазных районах, где с.-д. имели успех не за счет рабочих голосов, а за счет попутчиков. Конечно, в общем и целом, с.-д. являются еще самой сильной партией в городском самоуправлении Берлина: из 780 депутатов 261 (больше $1/3$) принадлежат к с.-д., за ними идут «дейтш-национале», которые имели успех, между прочим, в крестьянских предместьях—181, на третьем месте идут коммунисты, собравшие около миллиона голосов и завоевавшие 147 мандатов.

Что победа коммунистов не является случайной, а есть закономерное явление, доказывают недавно закончившиеся выборы в провинции. При огромном абсентеизме избирателей, который выражался в 50—60%, а в некоторых округах достигал и большей цифры, коммунисты не только сохранили свои голоса, полученные на выборах 26 апреля и 7 декабря 1925 года, но во многих местах перешагнули цифры 7 декабря (день президентских выборов). Надо принять во внимание, что во время выборов 26 апреля и 7 декабря абсентеизм избирателей равнялся всего 15—20% и, следовательно, в общем коммунисты, несомненно, вышли с успехом из выборов в то время, как с.-д. и остальные буржуазные партии, в общем, потеряли от 30 до 40% своих прежних голосов. Это значит, что значительное число рабочих, избиравшее раньше социал-демократов, убедившись в бесплодности, вредности или реакционности их политики, либо отошло в сторону и воздержалось, либо прямо голосовало за коммунистов[1]). Это, в общем, означает несомненный успех коммунистов, свидетельствующий о начавшемся приливе симпатий рабочих масс к революционной тактике и политике Коминтерна.

Каковы причины этого успеха? Во-первых, как мы уже указывали, возросшие симпатии широчайших рабочих масс к Советскому Союзу; во-вторых, ухудшение положения рабочего класса в Германии, в связи с обнаруживающимися последствиями демократической политики и идеологии; в-третьих, сказывающееся банкротство социал-демократической политики и идеологии; в-четвертых, «новый курс» немецкой компартии. Эти основные причины, в общем и целом, и являются залогом начавшегося успешного влияния коммунизма в Германии на широкие пролетарские массы.

---

[1]) Даем для примера табличку голосования в провинции Бранденбург.

	Нынешние выборы.	Выборы 7 декабря.	Выборы 26 апреля.	% уменьш. по сравн. с 7 декабря.	
Коммунисты . . .	74.987	94.090	65.845	20	+ 7% срав. с 26/IV.
Соц.-демократы. .	296.089	427.[illegible]35	—	30	
Дейтш-национале.	260.8[illegible]3	563.272	—	53	
Демократы . . .	32.647	78.080	—	62	и т. д.

Таким образом, при общем абсентеизме, минимум в 50%, коммунисты получили меньше голосов, чем на выборах 7 декабря, всего на 20%, т.-е. в общем относительно увеличили свои голоса в то время, как с.-д. потеряли значительно больше, а буржуазные партии потерпели сильнейшее поражение.

II.

Пребывание немецкой делегации в Советском Союзе имело и еще будет иметь огромные последствия. Как ни травили и ни травят еще членов делегации, тем не менее факты сильнее отравленных ложью и клеветой на нашу революцию буржуазных и социал-демократических газет. Надо сказать, что до последнего времени буржуазная печать, как это ни странно, гораздо более об'ективно оценивала положение вещей в Советском Союзе, чем социал-демократический «Форвертс». То обстоятельство, что «Форвертс» с некоторого времени стал гораздо осторожнее говорить о советской власти и ее достижениях, также является одним из лучших признаков полевения рабочих масс в Германии. Середняк-рабочий не приемлет лжи на Советский Союз и русского рабочего: он послал свою, собственную, из профсоюзных деятелей и социал-демократических рабочих составленную делегацию, и, когда его собственные товарищи приехали и передали ему с фактами и цифрами в руках обо всем том, что они собственноручно ощупывали, что они видели и слышали,—стена недоверия была разрушена, карта социал-демократических вождей была бита, и «Форвертс» принужден был переменить свой тон.

Конечно, двурушничество все еще продолжает служить важнейшим орудием в деле обмана масс. Во время последних прений в рейхстаге о Локарнском «пакте» социал-демократические вожаки работали на два фронта. Вначале они, в качестве «генералреднера» выставили фактического выразителя мнения большинства нынешнего партийного «форштанда» (ЦК), махрового реакционера, Вельса. Сей почтенный муж, имеющий тоже некоторые заслуги в полицейском деле (он был комендантом гор. Берлина в эпоху революционных событий, и немало потрудился в деле расстреливания коммунистических рабочих), защищая Локарнский «пакт», не находил в нем ничего плохого; по его словам, ни один пункт этого договора не направлен против Советского Союза; наоборот, он означает безусловный шаг вперед в деле установления всеобщего мира. С Советским же Союзом,—заявил Вельс,—Германия никогда не пойдет вместе.

Это недвусмысленное заявление, видимо, произвело столь неприятное впечатление на с.-д. рабочих, что мужи из с.-д. Ц. К. испугались. Еще до начала прений левая социал-демократическая пресса очень неодобрительно отзывалась о Локарно. Хемницкая «Volksstimme» писала, что ответственность за «пакт», которую берет на себя соц.-дем. партия, весьма велика, а чем этот «пакт» кончится—неизвестно: «с подобной тактикой,—писала газета,—мы не можем согласиться и мы уверены, что Вильгельм Либкнехт всплеснул бы руками, если бы он жил и был свидетелем совершающегося». Ей вторила «Leipziger Volkszeitung», которая называла тактику официальных вождей

партии «политическим харакири». А «Dresdener Volkszeitung» заявляла, что политика поддержки кабинета Лютера и безоговорочного голосования за «пакт», несомненно направленный против Советского Союза, приведет только к тому, что «после того, как мавр сделает свое дело, его просто вытолкнут взашей... и будут продолжать совместно с «дейтш-националє» реакционную внутреннюю политику».

Конечно, левая с.-д. пресса, по старому обычаю всех «левых» с.-д.,—левых на словах, реакционных на деле,—не могла договорить до конца, не смела решительно потребовать голосовать против «пакта»... ибо, по существу, эти «левые» выполняют роль отдушины для правых реакционеров; когда атмосфера слишком накаливается и рабочий начинает задыхаться в реакционном смраде, «левые» осторожненько приподнимают крышку и прыскают... пульверизатором революционных фраз. Во всяком случае, оппозиция против поведения ЦК по отношению к Советскому Союзу была сильна среди с.-д. и до прений в рейхстаге. Речь Вельса и его полицейски грубые заявления усилили оппозиционные настроения: тогда при следующих чтениях «пакта» с.-д. фракция рейхстага выпустила «левых» ораторов—известного «дипломатического» гаера, Брейтшейда, который в свое время делал «высокую политику» в дипломатических передних, и Ландсберга, выступивших с совершенно противоположными Вельсовским заявлениями: «Мы радуемся тем вкладам,—патетически провозгласил Ландсберг,—которые освобожденная Россия несет в историю человечества, неужели же мы дадим себя вовлечь в военный союз против такой страны?» Одновременно, этот опытный демагог не отказал себе в удовольствии намекнуть, что Советский Союз не лишен агрессивных намерений: «Никто не говорит,—благочестиго заявил наш «левый»,—о нападениях, если сам не предполагает совершить таковых».

Коммунистический депутат Шнеллер немедленно разоблачил эту тактику «лисьего хвоста и волчьей пасти», показав, что подобные заявления делают не менее благочестивые лорды из консервативного английского кабинета и что, по существу, эти выступления с.-д. свидетельствуют, в лучшем случае, о растерянности социал-демократии, не умеющей свести концов с концами, а не о ее добрых настроениях по отношению к русской революции. Нет никакого сомнения, что Брейтшейды и Ландсберги заговорили по-новому под давлением изменившегося настроения рабочих масс. Надо хоть раз побывать на рабочем собрании, видеть, как загораются глаза у рабочего при упоминании о Советском Союзе, как бешено аплодируют каждому хорошему сообщению о стране диктатуры пролетариата, как недоверчиво относятся к нападкам на новую Россию,—чтобы понять, какое огромное, гигантское значение имеет и, повторяем, будет иметь в деле революционизирования рабочих масс Германии и, само собой разумеется, всего Запада—правда о Советском Союзе.

III.

Правда о Советском Союзе—лучшее революционное оружие в деле завоевания рабочих масс компартией, ибо как ни велики наши недостатки (несмотря, или, вернее, на ряду с нашими

достижениями),—положение нашего рабочего не в пример лучше немецкого рабочего.

Через полтора года после принятия т. н. «плана Дауэса» Германия не только не вышла из хозяйственного тупика, но, несмотря на казавшееся вначале оживление и стабилизацию, ныне стоит накануне надвигающегося кризиса. Когда социал-демократия, вкупе с буржуазно-монархическим большинством рейхстага, принимала «план Дауэса», — она, не отставая от своих буржуазных собратий, кричала о необходимости оздоровления, «рационализирования» германского народного хозяйства и одновременно выдвинула лозунг «хозяйственной демократии», как «конечную цель» социал-демократических устремлений. Именно, под знаком «хозяйственной демократии» проходил последний бреславльский с'езд профсоюзов, один из реакционнейших с'ездов, какой имел в последние десятилетия немецкий рабочий класс; тот же дух «нового завета» бюрократических пророков и законодателей царил на Гейдельбергском с'езде германской с.-д., который, как известно, принял новую программу. Что же вышло из упомянутого нами «рационализирования», и как выглядит «хозяйственная демократия» в свете современности?

«Рационализирование» принесло ухудшение положения в промышленности и грозит полной распродажей индустриальной Германии американскому капиталу. А «хозяйственная демократия» принесла с собой новые сотни тысяч безработных (в одном Берлине около 100.000 безработных), число которых с каждым днем возрастает. Undiasur et altera pars [1]): даем слово профсоюзному, социал-демократическому «теоретику» Бруно Рауекеру. В последнем номере журнала «Die Arbeit», органа Всегерманского Профессионального Союза, издаваемого небезызвестным Лейпартом, Рауекер в статье «Значение рационализирования» [2]) подводит некоторые небезынтересные итоги. «Нас занимает,—пишет он,— прежде всего вопрос о том, как разрешена важнейшая задача современности — «хозяйственное рационализирование» Германии, оздоровление немецкого хозяйства от паразитического существования...» Целью этого «рационализирования» и оздоровления являлась, по словам автора статьи, борьба против роста цен и вздувания их картелями и другими об'единениями, известный контроль государственного банка над распределением кредитов и очищение хозяйства Германии вообще от «инфляционной» ржавчины, т.-е. от дутых предприятий, не имеющих под собою твердой, экономически-технической базы и возникших в целях спекуляции и легкой наживы. Цифры, приводимые Рауекером, говорят об увеличении, а не об уменьшении этой «инфляционной ржавчины». «По статистике Берлинского Торгового Регистра в 1913 году в Берлине было 31.600 торговых предприятий, в 1919—39.500, в 1921 г.—48.600, в 1924 г.—60.000 г. Это обозначает увеличение круглым счетом на 90% в течение 11 лет. Подобного рода статистику опубликовал также город Любек. Согласно этой статистике население Любека увеличилась с 1914 года на 7,5%, в то время, как зарегистрированные личные торговые фирмы увеличились на 45%». Автор правильно констатирует,

[1]) Пусть будет услышана и другая часть.

[2]) Bruno Rauecker, «Die Bedeutung der Rationalisierung»,—в журнале «Die Arbeit, Zeitschrift für Gewerkschaftspolitik und Wirtschaftskunde. Herausgeber Th. Leipart. 11 Heft, November 1925.

что увеличение количества личных торговых фирм при относительно гораздо меньшем приросте населения указывает на «несоответствие между спросом и предложением, каковое несоответствие немецкое хозяйство вынести долго не может». Но увеличение торговых фирм относится также и к области акционированного капитала: «количество акционерных обществ увеличилось на 139%, акц. о-в с ограниченной ответственностью на 245%. В течение 1914 года на одну зарегистрированную фирму приходилось 103 жителя, в начале же 1925 год только 68 жителей».

Количество паразитических предприятий не только не уменьшается, но, наоборот, увеличивается, в связи с чем так называемое «оздоровление» промышленности пока привело к учащению банкротств, об'явлению множества предприятий неплатежеспособными и к подрыву общей хозяйственной и кредитной системы. В то время, как число банкротств в решающие месяцы инфляции, примерно, летом и осенью 1923 года, стояло близко к нулю—в августе 1923 года оно равнялось 13, в ноябре—8, в первую половину 1924 г. (к июлю) число банкротств достигло апогея—1125, опустившись к концу этого года наполовину. Первая половина 1925 года опять дала легкое повышение количества банкротств, достигши в январе—796, в марте—776, в апреле—687, в мае—807, в июне—766, в июле—797, в августе—751, поднявшись в сентябре до 914». От себя прибавим, что количество банкротств в октябре и ноябре отнюдь не уменьшилось, а, наоборот, увеличилось, захвативши все отрасли промышленности и перебросившись также на сельское хозяйство. Если сравнить процентное отношение банкротств в Германии «Дауэсовского» периода с довоенным, то, по словам автора, окажется такое соотношение в области торговли (каковая больше всего из'едена «инфляционной ржавчиной»): 53% сейчас против 37% довоенных.

Какова причина этой болезни, мы здесь полностью судить не беремся. Является ли нынешний кризис кризисом производства или только кризисом кредита, как доказывал недавно демократический профессор Бонн на страницах «Берлинер Тагеблатт»—этот вопрос может быть решен тщательным изучением динамики экономического процесса Германии. Несомненно только одно, что об «оздоровлении» германского хозяйства сейчас не может быть и речи, что тяжести «плана Дауэса» уже сейчас очень остро сказываются на всем организме германского народного хозяйства и что в первую очередь это чувствуют, конечно, рабочие массы. Инфляционный период помог крупным промышленным и биржевым акулам нажиться в достаточной степени, но одновременно с этим он тяжелейшим образом подорвал общее благосостояние страны: он выкачал все сбережения у мелкой буржуазии и малосостоятельной части крестьянства, не считая рабочих, у которых, в большинстве, сбережений больших не было (хотя некоторую роль в жизни германского рабочего до войны сбережения играли), он обессилил физическую мощь трудящейся части населения, что отражается также на хозяйстве, а нынешняя тяжесть даже уменьшенных репарационных платежей и содержание паразитически сосущих народное тело, свергнутых с тронов, но продолжающих владеть огромными богатствами и получающих крупное содержание, прежних больших и маленьких Вильгельмов [1],—все это вместе взятое сделало Германию одной из самых бедных стран мира, довело до минимума покупательную способность внутреннего рынка и тем самым не устранило, а увеличило «несоответствие между спросом и предложением».

IV.

Выше мы упоминали о том, что некоторые симптомы кризиса ощущаются также в сельском хозяйстве. Когда в августе текущего года германский рейхстаг провел в пользу крупных аграриев закон о введении покровительственных пошлин на хлеб и пр. продукты с.-х., главный виновник этого нового каторжного налога на трудящиеся массы—партия крупных аграриев, «дейтш-национале»—торжественно провозглашала, что правительство примет все меры к тому, чтобы на внутреннем рынке цены на предметы первой необходимости не поднимались. Тщетно вопили германские коммунисты против этой новой петли: при благосклонном попустительстве социал-демократической фракции, коммунистические депутаты лишались слова, исключались на десятки заседаний, грубо полицейскими приемами буквально были вынесены из зала парламента. Парламентский кретинизм торжествовал победу. И тем не менее, несмотря на принятый закон в пользу крупных аграриев, нельзя сказать, что в сельском хозяйстве Германии все обстоит благополучно.

Недавно крахнул отделившийся от «Всегерманского союза сельских хозяев», организации крупных аграриев, т. н. «Концерн союза сельско-хозяйственных товариществ» (Konzern der Landbundgenossenschaften); несмотря на значительное повышение цен на с.-х. продукты, концерн этот в начале ноября прекратил платежи и оказался в положении банкрота. Орган крупных аграриев, «Deutsche Tageszeitung» писала обрадованно, что «Всегерманский союз сельских хозяев» ничего общего не имеет с крахнувшим концерном, но тут же с сокрушением прибавляла, что кредитная нужда у юнкеров не уменьшается, а, наоборот, увеличивается. Чтобы заплатить к 30 ноября причитающуюся 1/3 ссуды, которую дал рентный банк аграриям, треть, выражающуюся в сумме 190 миллионов марок,—необходимо было прибегнуть к следующей операции: взять большую часть полученной в Соед. Шт. С. А. ссуды для рентного банка,—приблизительно, около 25 миллионов долларов,—и заплатать, таким образом, дыру. Одна из газет меланхолически заметила, что, в общем, никакого кредитного облегчения нет, и что «постановления плана Дауэса ведут к еще большей задолженности немецкого хозяйства». Получается, поистине, тришкин кафтан!

К затруднениям, описанным выше, прибавляются еще затруднения в области мукомольной промышленности. «В аграрном капитале,—писала «Роте Фане» от 21 ноября 1925 г.,—наблюдается то же явление, что и в промышленном: поднятие цен на хлеб так же, как и повышение цен на промышленные товары, не облегчает кредитной нужды, а ухудшает

---

[1]) В данный момент как раз решается вопрос о выплате прусским правительством Вильгельму, бывшему германскому императору, огромной суммы денег, приблизительно 50.000 марок ежемесячной пенсии, начиная с 1 января 1924 г., не считая земельных и лесных богатств, дворцов и пр., которые ему возвращаются.

ее. Оно делает таможенные пошлины недействительными и ставит немецкий капитал на мировом рынке в худшее положение по сравнению с иностранным. Кредитный кризис, как следствие товарной стабилизации, сменяется кредитным кризисом, как следствием рационализирования». В связи же с кредитной нуждой вокруг кредитного вопроса поднимается бешеная пляска. Юнкера пришли к выводу что необходимо требовать государственной субсидии для аграриев, а также удлинения сроков кредитов. Последнее обстоятельство вызывает затруднения у крупных промышленных капиталистов, поставляющих товары аграрному капиталу—и тем самым увеличивает денежные затруднения. Союзу крупных промышленников и крупных аграриев, воплощением которого являлось до сих пор существующее правительство Лютера, угрожает серьезная трещина. Отчасти этим об'ясняется выход «дейтш-национале» из правительства и их оппозиция против Локарно. Но и крупный, торговый немецкий капитал недоволен домогательствами юнкеров. Ганзейский союз, центральное об'единение крупного торгового капитала, категорически высказывается против государственных кредитов крупным аграриям. Так вокруг вопроса о кредитах, т.-е. вокруг вопроса о дележе выкачиваемых путем налогового пресса последних остатков сбережений из населения—идет бешеная борьба, грозящая крупными осложнениями внутри буржуазного блока.

Борьба эта угрожает также отколом от «дейтш-национале» и буржуазного блока вообще, ремесленников, среднего и мелкого крестьянства, до сих пор крепко державшегося за свою собственность. Дело в том, что та часть крестьянства, которая вследствие незначительности своего состояния не может регулярно уплачивать паевых взносов в товариществах, фактически исключается из участия в реальном кредите. По сообщению «Франкфуртской Газеты» такое положение наблюдается, особенно, в юго-западных земледельческих округах Германии и вызывает недовольство среди крестьянства. Последние выборы в окружные муниципалитеты показали, что этот процесс уже сказывается: абсентеизм особенно силен в сельских местностях, и партиями, больше всех пострадавшими на последних выборах, являются «дейтш-национале», демократы и «центр», которые вели за собою значительные круги крестьянства.

V.

Мы не задаемся целью дать исчерпывающий анализ экономическому положению Германии: сложные процессы, происходящие сейчас в германском хозяйстве, требуют, повторяем, особо тщательного собирания материалов и критической, осторожной их проработки. Мы хотим только проиллюстрировать еще процесс распродажи германского производственного аппарата американскому капиталу. Этот процесс неуклонно и неудержимо развивается: видимой причиной как будто является та же бешеная пляска промышленного капитала вокруг кредитов, но, несомненно, что основания этого процесса лежат гораздо глубже и заключаются, в общем, в технической отсталости разрушенного войной и инфляцией немецкого производственного аппарата, по сравнению с американским—с одной стороны, а, с другой стороны, отчасти имеются и политиче-

кие причины—в общем повышении классовой активности немецкого и мирового пролетариата после революции, в революционизирующем примере Советского Союза, существование которого мешает проводить «рационализирование» немецкого производства так, как это нужно было бы для того, чтобы конкурировать с Соединенными Штатами.

Каковы бы, однако, ни были причины неудержимого разбазаривания производственного аппарата Германии,—процесс этот идет и в последнее время принял особо интенсивные формы. Нет никакого сомнения, что «план Дауэса», в сущности, есть план колонизирования Германии американским капиталом, по преимуществу. «Колонизационная ссуда», по сообщению «Роте Фане», обходится стране ежегодно в 190 миллионов марок [1]) одними процентами. Но этого мало. Кредитов не хватает ни аграрному капиталу, как мы видели, ни промышленному капиталу. В лихорадочной погоне за этой «синей птицей» золотого дождя кредитов солиднейшие предприятия ищут возможности пристегнуться к американскому компаньону. Идет усиленный процесс трестирования, имеющий всегда своей конечной целью отдаться под защиту американского капитала.

Недавно в печати нашумела история с переходом крупнейшего концерна Гише (Giesche), владеющего важнейшими горными разработками, в частности цинковыми рудниками—в руки знаменитого концерна Гарримана. Дело шло о кредите в 50 миллионов долларов, которые концерн Гише получает от компании Гарримана, за что уступает последнему значительную часть акций и цинковые рудники, лежащие в польской части Верхней Силезии. Передача этих рудников в руки американского капитала, в общем, угрожает всей обрабатывающей промышленности Германии, т. к. Гарриман, конечно, вовсе не заинтересован в оставлении добываемых им богатств на территории Германии. Даже «Форвертс» заволновался и стал вопить о необходимости запретить эту сделку, т. к. Америка хочет превратить Германию в свою сырьевую базу. Прусский ландтаг принял какие-то меры против этой сделки, но что из этого выйдет—неизвестно. Ведь, пикантнее всего, что фирма Гише принадлежит к одному из столпов «дейтш-национале», которые вопят об измене левых партий (о коммунистах и говорить не приходится) отечеству, а так как «дейтш-национале», хотя и временно вышла из правительства, по существу имеет огромное влияние на правительство,—то эта пикантная история кончится, конечно, в их пользу.

Можно констатировать уже почти совершившийся переход крупнейших пароходных обществ Германии: «Северо-Германского

---

[1]) Приводим здесь любопытные данные, сообщаемые «Роте Фане» (27 ноября 1925 года).

«С 1 октября 1924 года по октябрь 1925 года кредит Германии достигает 1.895 миллионов марок. Из них ссуда в долларах обществ-прав. организациям составляет 1.310 мил. мар., ссуда в долларах частным организациям—532 мил. марок. ссуда в марках общ.-прав. организациям 0,7 мил. марок, частным о-вам—11 мил. мар. В швейцарских франках ссуды публ. прав.—1,2 мил. мар., частн. о-вам 24,5 мил. мар. В Голландских гульденах—частным—7,7 мил. мар. В фунтах—8 мил. марок. Т. к. процент разбойничий—не меньше 10%, то ежегодные проценты на эту «колонизационную ссуду» обходятся Германии около 190 мил. марок».

Обращаю внимание читателей на подавляющий процент в общей сумме, который составляют американские доллары. Поистине, Германия уже неоплатный должник американскому дядюшке.

Ллойда» в Бремене, акц. об-ва «Гамбург—Бремен—Африка линия» и др. под эгиду американского капитала. Переживающая ныне жесточайший кризис автомобильная промышленность Германии тоже мечтает о переходе под крылышко заокеанских денежных мешков, под видом трестирования. Разразившееся банкротство ряда автомобильных фирм и кризис сбыта привел и к сильному сокращению этой отрасли промышленности и к угрозе обречь около полумиллиона немецких рабочих на безработицу или, в лучшем случае, на эпидемическое сокращение рабочих часов, т.-е. на полубезработицу.

Даже кино-промышленность Германии переходит мало по малу в руки американских капиталистов. Одна из крупнейших кино-фирм Германии, UFA, имеющая 135 театров с 150.000 платных мест, очутилась в безвыходном положении: она должна Немецкому банку 18 миллионов марок, т.-е. больше 8% всего банковского капитала. Грозило банкротство. Выход был найден: фирма «Universal Pictures Corporation» в Нью-Йорке дала UFA ссуду в 15 миллионов марок по 8% и, тем самым, прибрала к рукам эту крупнейшую немецкую кино-фирму. Рабочая пресса сообщает, что означенная нью-йорская фирма имеет целью прекратить немецкое производство кино-фильм и уже теперь начинает наводнять немецкий кино-рынок американскими фильмами.

Можно было бы умножить приводимые примеры во много раз. Но и этого достаточно, чтобы судить о том, как быстро немецкая промышленность разбазаривается под эгидой «плана Дауэса», как неуклонно катится Германия в руки американского капитала.

VI.

Упомянутый уже нами «демократический» профессор Бонн писал в «Берлинер Тагеблатт» от 8 ноября 1925 года: «Уже третий раз стоит немецкий капитализм перед угрозой кризиса». Первый кризис, по мнению почтенного профессора, происходил немедленно после войны, во время «наступления большевизма»: этот кризис был пережит «благодаря сопротивлению организованной части немецкого пролетариата», т.-е. социал-демократия и профессиональная бюрократия спасли немецкий капитализм от смертельного удара. Ценное признание, которое следует запомнить. Второй кризис, который Бонн называет «большевизмом индустриальных магнатов» (Industriherren-Bolschewismus), наступил в период инфляции и состоял в том, что «отдельные индустриально-капиталистические группы» завладели всем богатством страны. Но когда наступила стабилизация,—меланхолически заявляет Бонн,—то оказалось, что большая часть грабежей была бесплодна, Германия обеднела капиталами, а те, которые полагали, что они присвоили себе капиталы других, владели этими капиталами только в своих книгах». Теперь Германия стоит перед угрозой третьего кризиса, который не менее опасен, чем первые два. Он отчасти связан с общемировой послевоенной экономической ситуацией: «Автоматическая отдушина, которая регулировала капитализм всего мира до войны, вывоз капитала для создания новых покупателей больше не функционирует». Европа обеднела, Америка сделалась капиталистическим поставщиком всего мира. Притом еще, «во время войны и инфляции капитализм расширил свой технический аппарат до последних пределов в то время, как потребители уменьшились». В прежние времена кризис время от времени потрясал хозяйственный организм, он приводил все же к понижению цен и к новой технической перестройке промышленности, т.-е. к движению вперед. Капитализм же сегодняшнего дня не двигается вперед, «если он и думает о понижении цен, то только за счет понижения заработной платы рабочего. Он забывает притом, что от дохода рабочего зависит благополучие его рынка. Одним словом, Бонн, который не прочь к своим чисто экономическим расчетам прибавить несколько благочестивых рассуждений в духе Кантовского «категорического императива», заключает со вздохом: капиталист сегодняшнего дня «отклоняет правило, что капитализм имеет не только право получать прибыль, но и обязанности нести жертвы» (курсив Бонна. *Г. З.*).

Мы не будем итти дальше, вслед за рассуждением почтенного профессора, который, в конце концов, приходит к выводу, что «в сущности, третий кризис, кризис кредита, может быть разрешен, конечно, опять-таки американским дядюшкой, патриотическим «самопожертвованием» индустриальных королей и некоторым «терпением» рабочего. Ибо «нести жертвы», по мнению демократов, вовсе не значит выкладывать из капиталистического кармана часть прибыли или совсем ее лишиться, а быть дальновиднее и не слишком раздражать рабочего. Поэтому Бонн высказывается против таможенной политики германского правительства и рекомендует борьбу за удешевление цен. Все это было бы весьма неплохо, если бы, если бы... мелкобуржуазные политики типа Бонна не плелись в хвосте у юнкеров и магнатов тяжелой индустрии, которая сейчас у власти в Германии и делает свое, сугубо классовое дело: дело выкачивания прибыли из трудящихся масс всяческими средствами и перекладывания тяжестей репараций на плечи рабочего.

Характерно, что социал-демократические вожди до последнего момента наличия или угрозы кризиса не признавали и рисовали перед своими избирателями довольно радужные картинки. Еще в начале ноября, когда безработица угрожающе стала расти, «Форвертс» весьма осторожно и завуалированно писал, что «затруднения в сбыте продолжаются», так же, как «нужда в капиталах и кредите». Они характеризовали положение как «выжидательное». И только под влиянием энергичной кампании компартии и криков о нужде в рабочих массах с.-д. принуждены были признать наличие кризиса. В номере от 29 ноября «Форверст» пишет: «Развитие рабочего рынка принимает постепенно такие формы, которые близки к кризису, нехватка капиталов, застой в предприятиях, скверные деловые перспективы, приостановки платежей,—все это приводит не только к выбрасыванию рабочих, но и служащих. Крупная безработица растет не только в металлургической и деревообделочной промышленности, но и в конфекционной. Даже в отелях сокращают служащих; на рынке появилось много сокращенных отельных работников и горничных». По вычислению того же «Форвертса» к 1 декабрю было: 91.935 безработных в одном Берлине (прирост за одну неделю на 10.000 человек); из них 62.117 мужчин и 29.818 женщин. Социальное обеспечение получают 31.790 мужчин и 8.837 женщин, т.-е. всего 40.663 человека, да на общественных работах занято 1.346 человек. Таким

образом, если даже признать, что получающие социальное обеспечение (в среднем от 8 до 10 марок в неделю) [1]) кое-как просуществуют до лучших времен (когда-то они будут!),—то все же до 60% безработных в Берлине обречены буквально на голодную смерть, если не будут приняты в самый кратчайший срок героические меры. Нужно ко всему этому прибавить, что подобные же известия о критическом положении в промышленности и, вместе с тем, и на рабочем рынке идут из разных концов Германии. Тот же «Форвертс» сообщает, что, например, «в Рейнской провинции сокращения в железоделательной и железообрабатывающей промышленности производят почти паническое впечатление».

Прибавьте к этой безработице растущую не по дням, а по часам дороговизну—и вы получите приблизительно верную картину о современном хозяйственном положении «рационализированной» Германии и о «достижениях» рабочего класса при торжественно провозглашенной с.-д. «теоретиками» эре «хозяйственной демократии». Некоторые факты говорят сами за себя. С 17 по 23 ноября торговый индекс поднялся с 121,0 до 122,7. Поднялись оптовые цены на хлеб, масло, хлопчатую бумагу и др. сырье. В общем, предметы аграрного производства вскочили за одну неделю на 2,4%. Еще ярче обстоит дело с розничными ценами: с августа по ноябрь месяц цены на предметы первой необходимости поднялись на 12,7% [2]).

Это—результаты таможенной политики правительства Лютера, проведенной не без участия социал-демократии, или, в лучшем случае, при ее попустительстве дикому разгрому протестовавшей коммунистической фракции, учиненному буржуазно-монархическим блоком германского рейхстага.

В общем, если исходить из данных, приводимых статистикой «германского ВЦСПС» (Allgemeiner Deutsch. Gewerkschaftsbund). квалифицированный рабочий получал 200—220 марок в месяц, что равнялось, примерно, к сентябрю 1924 г. 88,9% довоенной заработной платы. По вычислениям «Роте Фане» реальная заработная плата квалифицированного немецкого рабочего составляет сейчас всего 60% довоенной и за один год упала, вследствие растущей дороговизны, на 10%. Таким образом, налицо — общее понижение, прогрессирующее притом в последний год, уровня жизни рабочего класса. И не только рабочего, но и интеллигента. В этом смысле чрезвычайно показательно недавно состоявшееся собрание немецких художников, которые протестовали против покупки государством (Прус-

[1]) По данным, относящимся к февралю—марту 1925 года, рабочий, ниже 21 года получал еженедельно социальное обеспечение в размере от 3,25 до 5,25 марок, выше 21 года от 5,95 до 8,70 марок, женатый рабочий без детей—от 7,50 до 11,95 марок и женатый рабочий с двумя детьми—от 10,40 до 16,50 марок. В среднем на одного безработного получается от 8 до 10 марок еженедельно. На 32—40 марок в месяц в Германии можно теперь очень быстро умереть с голоду. (См. «Jahrbuch des Allgemeinen Deutschengewerkschaftsbundes». за 1924 год. Berlin 1925. Verlagsgesellschaft des Allgemeinen Deutschen Gewerkschaftsbundes).

[2]) По сообщению «Welt am Abend» за август—ноябрь 1925 года розничные цены поднялись: на мороженое мясо с 3 до 7%, свиное мясо—с 3 до 6%, ветчину—на 11,1%, колбасу—с 5 до 10%, яйца—на 11,5½%, маргарин—на 15%, поваренную соль—на 12,5% Падение цен, между прочим, произошло на предметы продовольствия, которые употребляются не рабочими, а состоятельными кругами, как, напр., дорогие сорта сыров и пр.

ский ландтаг) какой-то статуи древне-римской богини за миллион марок, в то время, как огромная часть художников терпит сильнейшую нужду. На собрании приводились новые случаи самоубийств художников, нищеты, царящей в их семьях; между прочим, отмечался тот факт, что около 450 ателье за последнее время перешло из рук художников в руки послевоенных «шиберов». Не лучше обстоит дело со служащими, в частности, напр., с почтовыми работниками, которые недавно выставили категорические требования повышения заработной платы, грозя забастовкой.

«План Дауэса», дополненный таможенными пошлинами в пользу аграриев—результат политики с.-д.—собирает обильную жатву.

(Окончание в следующем номере).

С. Тимов.

Гарантийный договор на Балканах.

Идея гарантийного договора на Балканах обязана своим происхождением той же причине, что и гарантийный договор на Западе: неуверенности стран-победительниц в возможности сохранения границ своих территорий. Автором же этой идеи является быв. министр иностранных дел Греции г. Рентис.

То обстоятельство, что именно Греция, а не какая-нибудь иная балканская держава, выступила с проектом договора—не случайно и заслуживает нашего внимания. Дело в том, что в настоящее время одной из самых могущественных стран на Балканах является, несомненно, Юго-Славия. В Малой Антанте она, наряду с Чехо-Словакией, играет первую роль. С Италией у нее более или менее урегулированные отношения. Францию она имеет за собою в вопросах внешней политики. После предательства Стефана Радича и вступления его партии на путь примирения и сотрудничества с монархией старой Сербии, укрепилось и внутреннее положение этой страны. Все это вместе взятое дает ей возможность вести активную политику по отношению к своим соседям.

Прежде всего это сказывается на поведении Юго-Славии в Албании. Известно, что правительство Ахмед-Зогу, свергнувшее в свое время правительство Фан-Ноли, установилось благодаря непосредственной помощи Юго-Славии. Уж это одно должно было повести к тесной зависимости албанского правительства от Белграда. Немедленно по установлении режима Ахмед-Зогу Албания уступила Юго-Славии некоторые пограничные местности (область Вермош и монастырь св. Наума, что на берегу озера Охрида), которые были признаны за Албанией даже великими державами. Цена-бег, министр внутренних дел Албании, сообщил недавно, что албанское правительство собирается закупить два тропеллера для охраны берегов страны. В то же время, оно разоружает население в целях избежания возможного восстания в будущем. Все эти меры диктуются из Белграда и проводятся в жизнь с денежной помощью последнего. Недавно в некоторых балканских газетах проскользнуло известие о том, что Юго-Славия потребовала от Албании вступления с нею в таможенный союз, что означает, если это правда, попытку со стороны юго-славской буржуазии окончательно закрепить свои позиции в Албании и поставить последнюю в вассальную зависимость от себя.

Когда в январе 1924 года Юго-Славия подписывала соглашение с Италией, в силу которого она отказывалась от всякого вмешательства в дела Фиуме и этим самым уступала фактически его Италии, то Юго-Славия поступила так не только под давлением внешних обстоятельств, но и в силу соображений внутренней политики. Фиумский порт был одной из тех экономических предпосылок, которые давали возможность развиваться хорватскому автономистскому движению. С уступкой Фиуме Италии хорватская буржуазия лишилась выхода в море, и возможность будущей экономической и политической независимости Хорватии подорвана. Надо думать, что эта политика сербской националистической буржуазии сыграла не последнюю роль в развитии предательского поведения вождей Хорватской республиканской партии.

Несмотря на то, что Юго-Славия имеет пока возможность беспрепятственно пользоваться фиумской гаванью, она предпочла бы этого не делать, потому что не хочет слишком ставить себя в зависимость от Италии. Салоникский порт на Эгейском море, который находится в греческих руках, представляет из себя больше выгод уже хотя бы потому, что Греция—слабое государство, и пользование ее услугами не может повести к таким последствиям, что пользование итальянскими портами. Юго-Славия усиленно обратила поэтому, с потерей для себя Фиуме, свои взоры на Салоники [1]).

Греция находилась в союзных отношениях с Юго-Славией с 1913 г. В прошлом году Юго-Славия денонсировала этот договор. Греция, у которой еще памятны недавние ее поражения в Малой Азии, опасается за свои границы, при чем эти свои опасения разделяет как в отношении национально-революционной Турции, так и в отношении реакционно-фашистской Болгарии. Она поэтому стремится возобновить оборонительный союз с Юго-Славией, которая на это готова пойти, но при условии полного удовлетворения ее требований. В сентябре 1924 г. между Грецией и Болгарией был заключен договор о взаимном покровительстве национальных меньшинств в этих странах. Юго-Славия усмотрела в этом акте признание со стороны Греции болгарского характера национальных славянских меньшинств в греческой Македонии и приняла его за вызов по своему адресу. Под давлением Юго-Славии, выразившимся в указанном денонсировании договора 1913 г., договор с Болгарией не был ратифицирован греческим парламентом, и болгары и по сей день горько жалуются на своего южного соседа. Зато этот благородный жест греческого правительства вызвал аплодисменты у Белграда, который готов был снизойти к Афинам и начать переговоры о возобновлении денонсированного договора на новых началах. Переговоры действительно были начаты, но то и дело то, прерывались, то, под давлением великих держав, возобновлялись. Во время этих переговоров выяснилось, что юго-славская буржуазия не лишена прекрасного империалистического аппетита, и хотя в результате войны она получила немало территорий, но ее ненасытная пасть чувствует себя в силах проглотить еще кое-какие «прирезки». Юго-славская делегация потребовала во время переговоров признания со стороны Греции сербского характера славянских меньшинств, населяющих Македонию, и интернационализации железнодорожной линии Гевгели—Салоники, соединяющей Юго-Славию с салоникским портом. Юго-Славия пользуется сейчас свободной зоной в Салониках, облегчающей сербский транзит через греческую территорию, но юго-славская буржуазия этим не удо-

[1]) Юго-Славия стремилась к этому порту, конечно, еще и раньше, но потеря Фиуме послужила лишним стимулом к ее экспансии к Эгейскому морю.

влетворяется и, пользуясь затруднительным положением греческого правительства, под видом интернационализации железнодорожной ветки, хочет на самом деле стать полным хозяином положения в Салоникском порту и на ведущих к нему подступах.

Салоники имеют несчастье находиться всего в 60 клм. от сербской границы, представляя важнейший стратегический пункт. Та из балканских стран, которая фактически им владеет, имеет возможность связываться через Эгейское море непосредственно с великими империалистическими державами и получать оттуда в случае, скажем, войны снаряжение независимо от того, в каком положении и в чьих руках будут находиться Дарданеллы. В последнюю империалистическую войну союзники, пользуясь Салониками, высадили там свой десант, и этим сумели обеспечить себе македонский фронт. Значение этого порта тем более велико, что он соединен железнодорожным путем с одной стороны с Малой Азией, с другой—с Зап. Европой. Уступая домогательствам сербов, греческие делегаты предлагали им установление такого жел.-дор. тарифа для сербских товаров, который был бы в 3 раза меньше тарифа на сербских дорогах для греческих товаров, так же, как проведение нового жел.-дор. пути для нужд юго-славского транзита, но юго-славская делегация выставила такие требования, на которые Греция ни в коем случае не может пойти.

Чего же домогаются сербы? Работы греко-юго-славской конференции происходили в таких условиях, которые не дают возможности точно знать, что там происходило, но зато юго-славская печать оказалась достаточно откровенной и разболтала небезинтересные вещи. «Трговински Гласник», сербский торгово-промышленный орган, писал 18 августа по поводу греко-сербских переговоров вот что: «Салоники являются естественным портом, необходимым для торгового транзита и экономической жизни Вардарского бассейна и главных балканских стран, связанных с ним. Нет никакой силы, никакой возможности изменить эту жизненную связь плодородной и богатой области Балканского полуострова с Салониками. Этим обстоятельством и определяется значение Салоник в бассейне Средиземного моря. Балканский хинтерланд не может существовать без Салоник так же, как Салоники не могут существовать без балканского хинтерланда. Такова реальная действительность, относительно значения которой должен отдать себе отчет всякий политик. Но эта реальность, которую мы имеем в виду во время переговоров с греками, рассматривается последними—как тенденция с нашей стороны оккупировать Салоники, как империалистический план, направленный к расширению нашей территории в ущерб нашему соседу». Такова оценка вещей со стороны газеты. Но, признается она дальше, «есть, однако, значительная часть правды в этой греческой концепции. Наше государство, в силу географических и других условий, должно иметь свободный выход в море через Салоники, лишенный каких бы то ни было препятствий с чьей бы то ни было стороны. Наше государство должно иметь этот выход, — это не амбиция, а жизненная необходимость, подобно тому, как мы нуждаемся в воздухе, в воде и пище для организма. Греческие государственные мужи должны это понять. И им тогда не будет трудно сделать вывод относительно своей позиции по отношению к нам. Единственно благоразумный вывод может

быть только следующий: «если королевство сербов, хорватов и словенцев должно иметь свободный выход через Салоники, если в его жизненных интересах—обеспечение торговых связей, то ясно, что его империалистические замыслы по отношению к Салоникам смогут быть устранены только в том случае, если с греческой стороны не будут поставлены никакие препятствия для торгового выхода юго-славского государства через этот порт». Довольно оригинальная постановка вопроса: если Греция хочет избегнуть результатов захватнических поползновений националистической буржуазии Юго-Славии, то она должна сейчас же и добровольно удовлетворить ее разгоревшиеся империалистические страсти. Но если у Греции не будет к этому склонности? Тогда слова внушения должны уступить место орудиям принуждения. «Неужели в Греции не найдется благоразумного человека, который бы понял, что наше государство предпочтет обеспечить себе выход через Салоники при помощи дружественного соглашения, а не добиваться этой уступки военным нападением? Непримиримая позиция греческих государственных мужей неизбежно вызывает эту угрозу по отношению к Салоникам. Мы должны иметь выход через Салоники. От греческого правительства зависит, чтобы эта необходимость стала пунктом дружбы и общности интересов, а не мотивом нашего расширения, в каковом случае греки не могут надеяться на благоприятный исход или какой-нибудь успех» [1]).

Вопрос слишком очевиден: если Греция не захочет отказаться от своего суверенитета и дать возможность Юго-Славии хозяйничать по своему усмотрению в Салониках и на жел.-дор. участке Гевгели—Салоники, то юго-славская буржуазия готова направить на нее свою армию и заставить подчиниться силою оружия. Греция поставлена под угрозу войны со стороны Юго-Славии.

Не чувствуя себя в силах одной противостоять домогательствам Юго-Славии, Греция и прибегла к идее гарантийного договора на Балканах. Основой этого договора должен служить нынешний территориальный, экономический и политический status quo. Таким путем Греция думает заинтересовать в салоникском вопросе все балканские державы, которые, как она надеется, не допустят осуществления юго-славских домогательств в отношении ее. Однако, из проекта будущего договора исключается Болгария. Фактически это означает капитуляцию Греции перед юго-славским империализмом. Между Грецией и Болгарией существует, конечно, антагонизм. Болгария, в силу Нейского договора, настаивает на защите нацменьшинств в Греции, а также требует предоставления и ей выхода через Эгейское море. Этот последний вопрос вспоминают теперь очень неохотно, но тем более энергично каждый раз его поднимает болгарское правительство. Греции было бы, конечно, не трудно урегулировать отношения с Болгарией, как с государством побежденным и не претендующим пока на слишком многое. Но она опасается гнева Белграда, заклятого врага Софии, и поэтому сразу же исключила из своего проекта Болгарию.

Как отнеслись к этой идее остальные балканские страны? Юго-Славия отнеслась к ней определенно отрицательно. Какой

[1]) Цитировано по «Ле-Мессажер д'Атен» от 28 августа 1925 г.

ей смысл допустить вмешательство третьей стороны в спор со своим южным соседом, когда она чувствует слабость противной стороны и уверена в своих собственных силах? Устами Нинчича, министра иностранных дел, она высказалась *против* гарантийного договора и за *союз* балканских стран. «Я лично думаю,—сказал он сотруднику белградской «Слободна Речь»,—что лучше будет заключить балканский союз, чем гарантийный договор, без поручительства и без санкций». По его мнению, балканский договор без Болгарии не имеет никакого смысла. Греко-юго-славские переговоры, надеется он, приведут к заключению союза. «Союз должен стать *предпосылкой* гарантийного договора» на Балканах, заявил Нинчич корреспонденту афинской «Емброс». Иными словами, Юго-Славия ничего не имеет против гарантийного договора, но при условии, что он будет заключен не на основе *нынешнего* территориального, экономического и политического status quo, а, по урегулировании греко-сербских отношений, на основе *нового* соотношения сил.

У *Румынии* идея Рентиса вызвала одновременно надежды и опасения. Салоники лежат на международном жел.-дор. пути, идущем в направлении на Запад через Ниш. От Ниша уходит жел.-дор. ветка к Дунаю (по юго-славской территории) до Паланки, против которой лежит румынский Турну-Северин, соединенный со страной железной дорогой. Если у Турну-Северина перебросить мост через Дунай, то Румыния этим самым соединяется при помощи этой жел.-дор. ветки с Салониками, через которые в случае войны с СССР и закрытия проливов, Румыния сможет снабжаться великими империалистическими державами. Между Румынией и Грецией уже происходят по этому поводу переговоры, но в какой именно стадии они находятся, еще трудно сказать.

То обстоятельство, что не исключена возможность полного торжества юго-славских домогательств в отношении Греции, сильно беспокоит Румынию. Наряду с Юго-Славией, она претендует на господствующее положение на Балканах. Но фактическое завладение Салониками и укрепление в Албании усилило бы Юго-Славию и ослабило Румынию. В одной бухарестской газете («Романия») мы нашли несколько времени тому назад одну корреспонденцию из Софии, поднимающую истерический вопль по поводу того, что Юго-Славия—по пути к осуществлению своей гегемонии на Балканах. «Вииторул», официоз румынского правительства, сообщил, что возобновление греко-сербского союза должно быть направлено против Турции, Болгарии и... Албании. Если принять во внимание, что эта последняя находится в вассальной зависимости от Юго-Славии, и никакой угрозы с ее стороны не может быть, то ясно, что речь идет просто о предоставлении Юго-Славии свободы действий в Албании. Румыния смотрит на подобное усиление Юго-Славии с большой тревогой. «Всякое изменение в отношениях Юго-Славии с другими балканскими странами, изменение, которое бы облегчило установление и укрепление чьей-нибудь гегемонии, не было бы в соответствии с нашей внешней политикой» («Романия» от 8 августа).

Что же намерена предпринять Румыния? Она отказалась, по сообщениям некоторых газет, обсуждать греческое предложение до того момента, пока Греция не урегулирует спорных вопросов с Юго-Славией, но в то же время вступила в *сепаратные* переговоры со своими соседями о заключении арбитражных договоров. На одном из заседаний сентябрьской сессии Лиги Наций *Дука*, румынский министр иностранных дел, заявил, что «в настоящий момент Румыния ведет переговоры с рядом стран, речь идет о заключении местных арбитражных договоров». По поводу румыно-болгарских отношений министр заявил корреспонденту «Прагер-Прессе», что «в настоящее время мы ведем переговоры с Болгарией с целью разрешения ряда вопросов, которые возникли в связи с применением мирного договора, и я уверен, что мы достигнем соглашения, которое удовлетворит обе стороны». И далее: «по пути к румыно-болгарской дружбе нет никаких препятствий». Оба эти заявления вызвали большую сенсацию и не меньшее возмущение в Белграде. Румыния ведет переговоры об арбитраже со своими соседями. Но кто такие эти соседи? Болгария и Венгрия! Следовательно, Румыния, будучи в союзных отношениях с Юго-Славией, без ведома последней, посмела вступить в переговоры с ее врагами. *Предательство!*—завопила вся белградская печать. И действительно, если Румынии удастся заключить договоры о ненападении со своими соседями, то это может послужить причиной радикального изменения политики по отношению к Юго-Славии.

Когда Рентис предлагал гарантийный договор, то он думал направить страны, заинтересованные в сохранении равновесия на Балканах, против Юго-Славии. Оказалось, однако, обратное: хотя они и опасаются изменения этого равновесия, но, в надежде и самим воспользоваться потом плодами этой «победы», заинтересованные страны *решили выдать Грецию на с'едение Юго-Славии*. В этом отношении представляется характерным тот факт, что на последней (майской) конференции Малой Антанты, как теперь оказывается, обсуждался вопрос о линии Гевгели—Салоники. Греция, узнав об этом, потом заявила официальный протест. Мало того, надеясь на благоприятный исход греко-сербских переговоров, страны Малой Антанты, т.-е. Юго-Славия, Румыния и Чехо-Словакия назначили даже специальную конференцию (на сентябрь, в Бухаресте), посвященную вопросу о транспорте. Следующая интересная телеграмма из Бухареста была по этому поводу опубликована газетой «Полития»: «Основой транспорта стран Малой Антанты, в особенности во время *войны* и главной линией по снабжению этих стран, является путь, который соединяет их с Салоникским портом. В надежде, что греко-сербский союзный договор будет подписан, после чего Сербия должна была представить на усмотрение Мал. Антанты соглашение о железных дорогах, соединяющих Грецию, была назначена конференция на первые дни сентября. Так как греко-сербский договор не был подписан, то транспортная конференция была отложена». Страны Малой Антанты, в числе их Чехо-Словакия, столь отдаленная от Греции, собирались, таким образом, поделить шкуру не убитого еще зверя.

Каковы шансы на действительное заключение гарантийного договора на Балканах? На наш взгляд, очень сомнительно, чтобы он увидел когда-нибудь свет. Для того, чтобы этот договор был подписан, придется преодолеть большие препятствия не только в области отношений между побежденными и странами-победительницами, но, прежде всего, в области отношений между последними. На противоречиях интересов, разделяющих Румынию и Юго-Славию, главные балканские страны, мы остановились

выше, теперь укажем на два привходящих обстоятельства, усложняющих положение: 1) на роль великих империалистических держав и 2) на значение польско-советского сближения.

Великие империалистические державы кровно заинтересованы в балканских делах. Англия нуждается в сильной Греции, которая, когда это понадобится, сможет быть направлена против революционной Турции. Поэтому она не допустит уступки Салоник Юго-Славии. Владея Салониками, Юго-Славия не могла бы позволить себе не строить собственного флота. Юго-славский флот, соединенный с итальянским, представлял бы серьезную угрозу английскому господству на Средиземном море и пути в Индию. Поэтому Салоники должны оставаться в руках Греции, ибо того требуют высшие интересы британской империи, у которой Греция только вассал. Но если это в интересах английского империализма, то это невыгодно в интересах Франции. И если нельзя преподнести Юго-Славии во владение салоникский порт, то можно завладеть подступами к нему—линией Гевгели—Салоники.

Так как Греция оказалась неуступчивой, то прибегли к следующему проекту урегулирования вопроса об этом железно-дорожном участке: последний должен быть передан в эксплоатацию смешанному обществу из греческого, сербского и французского капитала: грекам и сербам должно принадлежать по 40% акций, а французам—20%. Арбитрами в спорных вопросах должны быть французы. Перспектива господства французского капитала на линии Гевгели—Салоники не по душе, конечно, англичанам. Осуществится ли этот проект или нет, но пока что он должен повести к обострению англо-французских отношений на этом участке империалистического фронта.

Польско-советское сближение имеет то отношение к событиям на Балканах, что окончательно хоронит, думается нам, возможность вступления Польши в состав Мал. Антанты. Оно ставит под вопросительный знак все значение польско-румынского оборонительного союза, долженствующего гарантировать восточные границы Румынии.

Договор между Румынией и Польшей был подписан 3 марта 1921 года и гарантировал взаимную вооруженную помощь на случай нападения СССР на одну из договаривающихся сторон. Обе стороны обязались не заключать сепаратного мира и даже перемирия, по всем вопросам внешней политики (в отношении к СССР), они должны предварительно совещаться для того, чтобы выступать потом солидарно и не заключать договоров с третьей стороной без предварительного согласия союзника. Срок договора был установлен в пять лет, так что через пару месяцев истекает его сила. Одна бухарестская газета сообщила по этому поводу, что никто не думает о его денонсировании, и что договор будет, вероятно, возобновлен. Однако, у нас нет пока никаких оснований утверждать, что польско-румынский оборонительный союз действительно будет возобновлен. Наоборот, есть кое-какие основания предположить, что возобновление договора наталкивается на трудность. Польша, после наметившегося сближения с СССР, не так заинтересована в оборонительном союзе с Румынией, как прежде, после окончания польско-русской войны, когда этот договор был заключен. Мало того, при неурегулированности отношений между СССР и Румынией из-за бессарабского вопроса, польско-румынский союз принял бы неизбежно односторонний характер, выгодный Румынии, но ничего, кроме плохого, не сулящий Польше. Вот почему Румыния, сознавая это, пытается сейчас привлечь Польшу новыми приманками, с одной стороны, и урегулировать отношения с СССР, — с другой. В румынский парламент вносится сейчас законопроект о так называемых автономии портов и свободных зонах в них. Созданием специального режима в Констанце и Галаце предполагается облегчить транзитную торговлю Польши с Ближним Востоком. Польша давно добивалась этого мероприятия, но все неудачно, теперь же, видимо, бухарестское правительство сочло момент подходящим и вносит соответствующий законопроект. Удастся ли Румынии таким путем расположить к себе Польшу или нет—покажет ближайшее будущее, но пока что очевидно, что с делом возобновления польско-румынского оборонительного союза обстоит не так просто.

Поездка т. Чичерина по Западной Европе внесла сильное замешательство в ряды балканской правящей буржуазии. Успехи советской дипломатии заставляют последнюю серьезно призадуматься над судьбами отношений с СССР. Имеются сообщения о том, что Юго-Славия решила вступить на путь урегулирования взаимоотношений с СССР и пойти, в этом отношении, впереди других стран из Малой Антанты. В 20-х числах января, в Рагузе (на берегу Адриатического моря, Юго-Славия) должна состояться очередная конференция Малой Антанты. В связи с этим вновь всплыл на поверхность вопрос об отношении к СССР. Общеизвестно, что в этом отношении страны Малой Антанты не брали на себя никаких обязательств друг перед другом и каждая из них вольна поступать согласно своим интересам. Это обстоятельство дало повод некоторым газетам утверждать, что возможность включения русского вопроса в повестку дня рагузской конференции исключена. Однако, надо думать, что этот вопрос все же будет обсуждаться, поскольку внешнее укрепление СССР имеет важное значение для стран Малой Антанты.

Из всех балканских стран Румыния—самый заклятый враг Советского Союза. Тем более симптоматичное значение приобретает тот факт, что, когда румынский миниидел Дука выступал на предпоследней сессии Лиги Наций, то он то и дело напоминал, о румынском предложении, сделанном в 1922 г. советскому правительству о заключении договора, гарантирующего взаимное ненападение. Румынский министр заявил, что Румыния поддерживает это предложение и теперь. Если румынской буржуазии хватит мужества и разума вступить на путь действительного урегулирования отношений с СССР, то положение вещей значительно изменится, при чем не будет даже исключена возможность краха Малой Антанты.

Каковы перспективы для заключения гарантийного договора на Балканах? Нам думается, что говорить о его заключении еще очень преждевременно. По сообщению бухарестской печати, этот вопрос даже не будет обсуждаться на предстоящей конференции Малой Антанты. Об'ясняется это не только почти непреодолимым противоречием интересов, существующим между буржуазией балканских стран, но—в силу неопределенности положения,—выжидательной позицией правительств этих стран.

Польско-советское сближение, возможное окончательное урегулирование отношений между СССР и Францией, одной из «покровительниц» балканской буржуазии, намечающееся стремление со стороны белградского и бухарестского правительств к урегулированию своих отношений с Москвой,—все это вместе взятое вызовет, если действительно случится, такое радикальное изменение положения вещей на Балканском полуострове, которое неизбежно повлечет новую перегруппировку сил, новые договоры на совершенно новых началах. Пока же Балканы представляют заколдованный круг, в котором солидарность и противоречие интересов, внешняя верность и тайная измена союзам и предательство переплетаются друг с другом.

КРИТИКА и БИБЛИОГРАФИЯ.

Переворот в ленинизме, совершаемый тов. Зиновьевым[1]).

(По поводу книги «Ленинизм»).

Эта статья написана в результате коллективной проработки книги т. Зиновьева «Ленинизм» в группе слушателей курсов марксизма при Комакадемии.

Сначала мы ставили себе задачу выявить и разобрать то ошибочное, что, на наш взгляд, содержится в книге т. Зиновьева, с тем, чтобы, не вдаваясь в полемику, облегчить другим партийным товарищам, главным образом, сотоварищам по учебе, возможность проработки затронутых вопросов и чтения широко распространенной книги т. Зиновьева.

При проработке этой книги мы убедились, что в ошибках т. Зиновьева проявляется определенная политическая тенденция, что отдельные ошибки являются отнюдь не случайными, а представляют собою связную цепь рассуждений, рассуждений ошибочных, но тем не менее претендующих на то, что может быть названо особой политической платформой.

То обстоятельство, что в полемике против ЦК нашей партии со стороны ряда ленинградских товарищей, и на конференциях и в печати книга т. Зиновьева послужила основным арсеналом для их аргументации, еще больше убеждает нас в том, что эта книга представляет собою попытку теоретического обоснования особой политической платформы.

Выступление т. Зиновьева на XIV парт'езде показало, что этот «арсенал» теоретического оружия для нападения на руководящий коллектив нашей партии далеко не случайно оказался в руках нападающих. Он был не только любезно предоставлен, но и предупредительно задуман для использования его новоявленной оппозицией.

Все это заставило нас, не изменяя в основном нашей работы, придать ей полемический характер.

Мы не исчерпали всех ошибок т. Зиновьева и разобрали только основные из них, но и этих ошибок вполне достаточно, чтобы доказать теоретическую негодность того оружия, которым замахнулась новоявленная оппозиция на ленинское единство партии.

* * *

За последнее десятилетие мы имеем три великих исторических полосы. Первая—от начала империалистической войны до Октябрьской революции 1917 года—ставила перед пролетариатом задачу революционного выхода из войны и захвата власти. Русский пролетариат выполнил эту задачу. Вторая—от Октября до нэпа—выдвигала задачу отстоять в

[1]) Печатаемая ниже статья прислана в редакцию до XIV парт'езда.

гражданской войне советскую власть и возможность строить социализм. Обе эти великие исторические полосы были чреваты кризисом мирового капитализма, обостренными противоречиями в империалистском лагере, революционным движением пролетариата в Германии, Австрии, Венгрии, Италии и других странах, а также национальным освободительным движением народов Востока. Но ни в одной стране, кроме России, пролетариату не удалось победить. Третью историческую полосу мы переживаем с начала нэпа и, повидимому, будем переживать еще продолжительное время. В СССР мы наблюдаем непреклонный рост элементов социалистического хозяйства, на Западе—временную стабилизацию капитализма и в то же время укрепление иностранных компартий, рост симпатий международного пролетариата к СССР, новый под'ем движения народов Востока (Китай, Марокко, Сирия и т. п.).

Перед нашей партией стоят в этой третьей полосе две центральные задачи: одна—внутри: строить социализм, вторая—во-вне: поддержка Коминтерна в его работе по большевизации компартий и завоеванию рабочих всех стран на сторону коммунизма; всяческая поддержка национально-освободительного движения народов Востока.

В решении задач нашего внутреннего строительства и подготовки мировой революции руководящей нитью служит нам ленинское учение.

Мы имеем несколько попыток изложить основные взгляды ленинизма. Одной из последних таких попыток является книга т. Зиновьева, названная им «Ленинизм». Особый ее характер заключается в том, что т. Зиновьев пытается изложить взгляды т. Ленина под углом зрения ряда «жгучих проблем», «от правильного решения которых в значительной мере зависят судьбы международного рабочего движения»; т. Зиновьев подчеркивает в предисловии, что дело идет не только о жгучих, но и спорных проблемах.

Претендовать на более или менее полное изложение взглядов т. Ленина книга не может; на это указывает и сам т. Зиновьев, и мы с ним вполне согласны.

Какие же злободневные вопросы выдвинул т. Зиновьев? Мы не касаемся первых глав, содержащих, в общем и целом, правильное изложение взглядов т. Ленина, заостренное против народничества и троцкизма. Актуальные жгучие вопросы следующие:

1. Диктатура пролетарита и классовая борьба.
2. Характер и сущность нэпа.
3. Путь к социализму и вопрос о кооперации.
4. Вопрос о победе социализма в одной стране.

По нашему мнению, т. Зиновьев не только неверно излагает подлинные взгляды т. Ленина по этим вопросам, но, трактуя их, допускает ряд теоретических и политических ошибок, расходясь с общепартийной линией в данный период.

Прежде чем перейти к разбору взглядов т. Зиновьева и сопоставлению их с действительной позицией т. Ленина, мы остановимся на самом характере изложения у т. Зиновьева.

В предисловии оговорено то, что автор будет приводить «обширные тексты» из сочинений тов. Ленина. Действительно, текстов приведено очень много, но, к сожалению, часто не соблюдены примитивные правила, которые нужно пред'являть к т.т., особенно, когда дело идет об изложении взглядов т. Ленина.

Во-первых, часто не соблюдается историческая последовательность в изложении взглядов т. Ленина.

Во-вторых, часто не приводятся те тексты, которые дали бы более правильное и всестороннее освещение взглядов т. Ленина.

В-третьих,—что особенно печально—некоторые тексты оборваны на важнейших местах, из некоторых текстов выпущены места, меняющие самый смысл их.

Самая большая трудность, однако, заключается в том, что нагромождение цитат «из разных эпох и времен» не дает возможности установить правильность утверждений т. Зиновьева, сделанных на основании этих цитат.

Этот способ цитирования является производным от того, что у самого т. Зиновьева противоречивые взгляды.

В ряде мест у тов. Зиновьева встречаются выводы, которые ни в какой мере между собой не согласованы.

Поэтому мы считаем необходимым держаться золотого правила, на которое указывает и т. Зиновьев.

«Читайте и перечитывайте по нескольку раз, изучайте и еще раз изучайте тов. Ленина по первоисточнику!».

1. Диктатура пролетариата и формы классовой борьбы при нэпе.

В X главе своей книги тов. Зиновьев, говоря о том, что «пролетарская диктатура дает возможность не только сплотить весь рабочий класс... но й дает возможность все более и более прочного завоевания на сторону рабочего класса непролетарских трудящихся масс»,—приводит следующие цитаты из Ленина:

«Крестьянство, как и всякая мелкая буржуазия вообще, занимает и при диктатуре пролетариата среднее, промежуточное положение: с одной стороны, это—довольно значительная (а в отсталой России громадная) масса трудящихся, соединяемая общим интересом трудящихся освободиться от помещика и капиталиста; с другой стороны, это—обособленные мелкие хозяева, собственники и торговцы. Такое экономическое положение неизбежно вызывает колебания между пролетариатом и буржуазией. А при обостренной борьбе между этими последними, при невероятно крутой ломке всех общественных отношений, при наибольшей привычке к старому, рутинному, неизменяемому со стороны именно крестьян, и мелких буржуа вообще, естественно, что мы неизбежно будем наблюдать среди них переходы от одной стороны к другой, колебания, повороты, неуверенность и т. д.».

И отсюда Ленин делает вывод:

«По отношению к этому классу—или к этим общественным элементам—задача пролетариата состоит в руководстве, в борьбе за влияние на него. Вести за собой колеблющихся, неустойчивых—вот что должен делать пролетариат». (Курсив *Г. З.*) [1]).

Из этих цитат тов. Зиновьев, при помощи другой цитаты из Ленина, на стр. 205, в свою очередь делает следующий вывод: «Вести за собой колеблющихся, неустойчивых» пролетариат может... потому, что «сила пролетариата в любой капиталистической стране несравненно больше, чем доля пролетариата в общей сумме населения» [2]).

«А сила пролетариата в советской стране—стране, где первый критический период диктатуры победоносно завершен,—в такой стране сила пролетариата во много, много раз больше, чем доля пролетариата в общей сумме населения,—в особенности, если партия пролетариата в этой стране твердо стоит на почве ленинизма, т.-е. если она, между прочим, не заблуждается и насчет того, что колебания со стороны крестьянства

[1]) Н. Ленин, Собр. соч. т., XIV, стр. 354—355.
[2]) Н. Ленин, Собр. соч., т. XVI, стр. 458.

неизбежны и во второй, «мирный» период диктатуры, если не заменяет трезвый ленинский классовый анализ розовой «внеклассовой» водичкой, если она помнит, что классовая борьба продолжается и при диктатуре пролетариата, что капитализм и буржуазия растут из мелкого производства, «ежедневно, ежечасно», если она способна умело осуществлять диктатуру пролетариата, т.-е., между прочим, во-время менять формы проведения диктатуры при полном сохранении социальной сущности ее» (Зиновьев, «Ленинизм», стр. 205—206).

Разберем теперь те условия, которые действительно дают пролетариату возможность вести за собой колеблющееся крестьянство и посмотрим, что у т. Зиновьева в этом отношении верно и что не верно.

Что «сила пролетариата в любой капиталистической стране несравненно больше, чем доля пролетариата в общей сумме населения» и что это является одним из условий, обеспечивающих пролетариату его руководство над крестьянством, это верно.

Что в нашей стране, при диктатуре пролетариата, сила пролетариата во много раз больше его доли в общей сумме населения, это тоже верно.

Верно и то, что одним из основных условий руководства является правильная ленинская политика партии, то, чтобы партия твердо стояла на почве ленинизма.

Что же не верно у т. Зиновьева?

Не верно то, что при анализе условий, обеспечивающих пролетариату возможность вести за собой крестьянство, в деле социалистического переустройства нашей страны, т. Зиновьевым упущен один из основных моментов. Т. Зиновьев совершенно упускает из анализа второе об'ективное условие, заключающееся в том, что крестьянство—это не только «обособленные мелкие хозяева, собственники и торговцы», а и «довольно значительная (а в отсталой России громадная) масса трудящихся, соединяемая общим интересом трудящихся освободиться от помещика и капиталиста» (Ленин, т. XVI, стр. 354).

Вот этого-то второго необходимого условия, указанного в приводимых т. Зиновьевым цитатах т. Ленина, не замечает, или не хочет принять в расчет т. Зиновьев.

Он видит в крестьянстве только торговцев, только спекулянтов, только кулаков и не замечает основной массы трудящихся, «соединяемой общим интересом трудящихся освободиться от помещика и капиталиста».

Не отсюда ли вытекают все дальнейшие ошибки т. Зиновьева?

Не отсюда ли проистекает непонимание т. Зиновьевым новых форм классовой борьбы в деревне при диктатуре пролетариата?

Не отсюда ли растут такие взгляды, что нэп—это отступление и только?

Не с этим ли связано непонимание ленинского кооперативного плана?

Не этим ли определяется неверие в победу социализма в нашей стране?

В дальнейшем изложении мы попытаемся доказать, что именно в этом отношении корень всех ошибок т. Зиновьева.

Перейдем теперь к следующему вопросу.

Выше мы видели, что одним из условий, обеспечивающих пролетарское руководство над крестьянством, т. Зиновьев, совершенно правильно, считает необходимость правильной ленинской политики партии. Правильно у т. Зиновьева и то, что без перечисленных им условий политика партии не была бы ленинской.

Но представляет ли перечисленное т. Зиновьевым всю сумму условий, при соблюдении которых «партия будет твердо стоять на почве ленинизма»?

Каждому ясно, что нет—не представляет.

Зачем же нужно т. Зиновьеву перечисление этих, и только этих, столь односторонних условий, при соблюдении которых «партия... твердо стоит на почве ленинизма»? Почему берутся только эти условия? А если, например, партия недостаточно чутко и внимательно будет следить за сохранением союза с середняком? Если она, «напуганная» или «раздраженная» ростом кулака, примет меры, затрудняющие рост сельского хозяйства в целом? Если партия не поймет необходимости и возможности некапиталистической эволюции крестьянства при диктатуре пролетариата? Разве при несоблюдении этих условий партия будет «твердо стоять на почве ленинизма»?

Эта односторонность в постановке вопроса тов. Зиновьевым тем более бросается в глаза, что он в дальнейшем изложении ни одним словом не обмолвился, что же по этому поводу думает партия. Заблуждается наша партия «насчет того, что колебания со стороны крестьянства неизбежны и во второй, «мирный» период диктатуры», или не заблуждается? Заменяет «трезвый ленинский классовый анализ розовой «внеклассовой» водичкой», или не заменяет? «Помнит, что классовая борьба продолжается и при диктатуре пролетариата», или не помнит? Способна она «во время менять формы... диктатуры при полном сохранении социальной сущности ее», или не способна?

На все эти, самим же тов. Зиновьевым поставленные, вопросы он не дает никакого ответа. Сослаться на то, что книга дает анализ основных положений ленинизма вне связи с практической политикой партии, тов. Зиновьев вряд ли захочет, так как тем самым был бы обесценен делаемый анализ, да и не сможет, так как и в предисловии и в основном тексте он неоднократно подчеркивает, что разбираемые им проблемы и выводы имеют «самое злободневное значение для нас и сейчас». (Стр. 207).

Еще большее подтверждение злободневности разбираемых тов. Зиновьевым проблем и делаемых им выводов получается при разборе им таких вопросов, как вопросы: об усилении советской демократии, об опасности «перерождения» диктатуры пролетариата, о новых формах классовой борьбы при диктатуре пролетариата и т. п. Тов. Зиновьев не разбирает конкретного осуществления диктатуры пролетариата в «форме союза между пролетариатом и непролетарскими слоями трудящихся» (стр. 207), но он особо подчеркивает, как имеющее злободневное значение, то, что «мысль Ленина заключается не в том, что нам нужен союз рабочего класса и крестьянства «вообще», а в том, что нам нужен такой союз рабочего класса и крестьянства, в котором (союзе) руководящая роль принадлежала бы рабочему классу» (стр. 207).

Говоря о необходимости смягчения форм руководства крестьянством со стороны пролетариата, о лозунге оживления советов и революционной законности, он не говорит, в какой мере и как мы должны смягчать формы диктатуры, как внести оживление в советы, чтобы это повело к упрочению диктатуры пролетариата, но он подчеркивает, что «осуществление «советской демократии» нужно суметь сделать так, чтобы ни на йоту не потрясти, не ослабить диктатуры пролетариата, не допустить даже малейшего «выскабливания» ее социального содержания». Он не дает анализа обстановки, в коей заложена возможность «перерождения» диктатуры пролетариата (как это

сделал, например, т. Бухарин в речи на московской губпартконференции), но он опять же подчеркивает, что «надо ясно видеть опасность «перерождения», заложенную в обстановке и противоборствовать этой опасности всеми подходящими средствами» (стр. 209—210).

Таким образом, хочет или не хочет этого тов. Зиновьев, у читателей его книги получается впечатление, что в партии по этим вопросам есть отход от позиции ленинизма и что такое положение дел в партии естественно заставляет тов. Зиновьева браться за перо, чтобы исправить «вывих».

Такое впечатление еще больше подкрепляется, когда тов. Зиновьев, говоря о двух опасностях, возможных для диктатуры пролетариата, как формы государственной власти, формулирует одну из них: «это — опасность непринятия своевременных мер против подтачивания пролетарской диктатуры мелкобуржуазной ржавчиной антипролетарских влияний на государственный аппарат, на экономику, даже на партию» (стр. 219, подчеркнуто нами). Заметим, что тов. Зиновьев говорит не об опасности подтачивания диктатуры пролетариата, самой по себе, а именно об опасности «непринятия своевременных мер против подтачивания пролетарской диктатуры» (подчеркнуто нами). Что это значит? Разве есть симптомы того, что такое подтачивание происходит, а партия не принимает необходимых мер против этого подтачивания? Но, ведь, если это подтачивание («ослабление», «разжижение», как выражается в других местах т. Зиновьев) пролетарской диктатуры происходит или грозит произойти, а партия необходимых мер не принимает, то ограничиваться только указанием на эту опасность, и только в книге, нельзя. Необходимо, во-первых, основательно проанализировать, из каких источников эта опасность проистекает, во-вторых, наметить мероприятия, противоборствующие этой опасности, и, в-третьих, мобилизовать силы партии для борьбы с этой опасностью. Почему же т. Зиновьев ограничивается только констатированием этой опасности, а не делает дальнейших выводов? Повидимому, страшен сон, да милостив бог.

В главе XII, «Ленинизм и нэп. Классовая борьба при диктатуре пролетариата», тов. Зиновьев совсем явно снисходит на грешную землю современности и с видимым успехом продолжает бороться с... ветряными мельницами. Он приводит цитату из опубликованного в третьем ленинском сборнике наброска т. Ленина «Некоторые стороны вопроса о диктатуре пролетариата»: «Диктатура пролетариата есть продолжение классовой борьбы пролетариата в новых формах... В этом гвоздь, этого не понимают»,—тов. Зиновьев заключает: «Вот именно этого не понимают, увы, и доныне. Этого не понимают, в частности, те, кто в лето от Р. Х. 1925 с серьезным видом доказывают, что кулака в современной русской деревне нет и в помине, или те, кто доказывает, что «накопление» в деревне будет происходить чуть ли не путем непорочного зачатия и т. д.» (стр. 260).

Кто же эти «те», т. Зиновьев?

XIV всесоюзная конференция РКП в своей резолюции о кооперации говорит: «Рост производительных сил в условиях дальнейшего развития товарно-денежных отношений влечет за собой, однако, и новые трудности. Наряду с укреплением социалистических элементов хозяйства СССР происходит и будет происходить в то же время развитие частного капитала и, связанное с этим, частичное обострение конкуренции между социалистическими и капиталистическими элементами хозяйства, как в городе, так и в особенности, в деревне.

Начавшееся с переходом к новой экономической политике расслоение деревни найдет свое выражение в ближайшем будущем в дальнейшем увеличении и усилении на известное время новой крестьянской буржуазии, вырастающей из зажиточных слоев крестьянства, с одной стороны, и пролетаризации его бедняцких элементов,—с другой» (Резолюции XIV партконференции. ГИЗ, Москва, стр. 20).

Представитель ЦК партии на VI всесоюзной конференции комсомола—тов. Бухарин заявляет: «Нужно со всей резкостью подчеркнуть, что в ближайшее время классовая борьба в деревне будет обостряться... По разным линиям будет итти эта борьба... Само собой понятно, что, если где-нибудь будут попытки насильственных действий против нас кулаков, мы будем их душить». («Правда», 19 июня 1925 года).

«Большевик» в статье тов. Бухарина «О нэпе и наших задачах», №№ 9—10, пишет: «Развитие будет итти в противоречивых формах. Крестьянство у нас неоднородно. Классовая борьба в деревне сразу не отомрет. Этого никто не будет отрицать. Думать это было бы бессмысленной маниловщиной. Наоборот, в ближайшее время она будет расти».

Резолюция пленума ЦК по докладу тов. Молотова о работе среди бедноты констатирует:

«2. Точно так же, как развитие нашей экономики вообще, в условиях нэпа, проходит в противоречивых формах и в борьбе различных хозяйственных систем (частный капитал и государственное хозяйство, индивидуальные и коллективные формы хозяйства), так и в области сельско-хозяйственного производства, в частности, совершенно неизбежен одновременный рост и капиталистических элементов (кулацкие земледельческие хозяйства, торговцы и т. д., неизбежно выделяющиеся из более зажиточных слоев крестьянства), и элементов, развивающихся в сторону социализма (коллективные хозяйства, кооперация и т. д.). Такие противоречивые тенденции неизбежно должны наблюдаться даже внутри самой кооперации, и вопрос окончательно решит лишь борьба этих тенденций».

Никакой оппозиции этим решениям и такой трактовке вопросов в партийном общественном мнении не замечалось. Где же это тов. Зиновьев нашел «тех», кто в лето 1925-е «прячет в карман руководящую роль пролетариата, замалчивает диктатуру пролетариата... кто глубокомысленно намекает на то, что капитализма у нас уже нет, или почти нет, что кулака нет, что наша политика одинаково полезна и кулаку и бедняку (стр. 272)? «Тех», кто самодовольно замазывает классовую борьбу в деревне (стр. 281), «тех», кто «сознательно или бессознательно ревизует ленинизм» (стр. 272)? «Тех», кто не понимает, что «государство лишь—орудие пролетариата в его классовой борьбе», тех, «кто доказывает, что наше пролетарское государство может вести такую политику, которая одинаково будет удовлетворять и кулака, и бедняка» (стр. 260)? Тех, чье «непонимание», «самодовольство», «замазывание» и «доказывание» грозило бы реставрацией капитализма в нашей стране? (стр. 274. Подчеркнуто нами). Уж не в лице ли отныне всем известного тов. Богушевского, тов. Зиновьев узрел эту опасность? Право же из-за писаний таких «опасных» товарищей не стоило бы «огород городить».

И тут уместно будет поставить такие вопросы. А понимает ли сам тов. Зиновьев те новые формы классовой борьбы, которые заложены в новой нынешней стадии нэпа? Понимает ли тов. Зиновьев, что развязывание товарооборота, проводимое ныне партией, направлено к повышению национального дохода, а, следовательно, и к повышению дохода

и пролетарского государства; что повышение государственного дохода даст возможность пролетарской диктатуре оказывать не только политическую, организационную, а и материальную помощь бедноте и середняку; что налоговая политика пролетарского государства, его кредитная политика, кооперативная политика, политика цен и т. п., имеют целью взять больше у кулака и помочь бедноте и середняку? Понимает ли тов. Зиновьев, что именно в этом заключаются в основном новые формы классовой борьбы на данной стадии нэпа в эпоху диктатуры пролетариата? Всегда ли помнит тов. Зиновьев, что одним из основных моментов содержания классовой борьбы в данный период является борьба пролетарского государства, с одной стороны, и нэповской буржуазии и деревенского кулачества—с другой, за середняка, за то, чтобы перетянуть его на свою сторону, чтобы обеспечить пролетарскому государству поддержку широких масс среднего крестьянства и в деле социалистического строительства?

На все эти вопросы книга тов. Зиновьева положительного ответа не дает. Здесь нет даже попытки ответить на эти неизбежные вопросы, а все сводится к тому, чтобы создать у читателя чрезвычайно преувеличенную настороженность по поводу имеющего место роста кулачества, по поводу опасности «перерождения» диктатуры пролетариата, по поводу мнимого замазывания этих опасностей, мнимого «непринятия своевременных мер» и т. п. Тов. Зиновьев даже тов. Ленина пытается привлечь для того, чтобы «нагнать страху». Приводя цитаты из рукописи тов. Ленина, написанной в 1918 г. и опубликованной институтом Ленина в январе 1925 года, в которых тов. Ленин призывает рабочих к беспощадной войне против кулаков и указывает, что кулаков хотя и больше, чем помещиков и капиталистов, «но все же они представляют: меньшинство в народе... едва ли больше 2 миллионов»,—тов. Зиновьев восклицает: «двух миллионов! Это к сведению тех, кто утверждает, что кулаков у нас «почти» нет» (стр. 273). Конечно, те, кто утверждает, что у нас кулаков нет, или почти нет, очень жестоко ошибаются и подлежат осмеянию, как люди, не понимающие экономической действительности. Но право же, и тов. Зиновьев жестоко ошибается (и других вводит в ошибку), когда вслед за утверждением тов. Ленина, сделанным в 1918 году, он подчеркивает, что кулаков у нас 2 миллиона. Тов. Зиновьев, ведь это было в начале 1918 года! Разве можно при анализе социальных сил, ныне борющихся в нашей стране, опускать тот поистине великий процесс раскулачивания деревни, осереднячения деревни, который мы имели в первый период диктатуры пролетариата, особенно начиная с 1918 года, с проведения политики комбедов? Ведь это значит совершенно не понять того, о чем Ленин говорил неоднократно. Ленин еще на VIII с'езде партии в речи о работе в деревне говорил следующее: «В октябре 1917 года мы брали власть вместе с крестьянством в целом. Это была революция буржуазная, поскольку классовая борьба в деревне еще не развернулась... Только летом 1918 года началась настоящая пролетарская революция в деревне. Если бы мы не сумели поднять эту революцию, работа наша была бы негодна. Первым этапом было взятие власти в городе, установление советской формы правления. Вторым этапом было то, что для всех социалистов является основным, без чего социалисты—не социалисты: выделение в деревне пролетарских и полупролетарских элементов, сплочение их городским пролетариатом для борьбы против буржуазии в деревне.

Этот этап в основном также закончен» (Н. Ленин, том XVI, стр. 143).

«Главное, что является первой и основной задачей пролетарской революции, мы сделали. Именно потому, что мы это сделали,—на очередь стала задача более сложная: отношение к среднему крестьянству» (там же, стр. 144).

В докладе о продналоге на собрании секретарей ячеек РКП гор. Москвы, 9 апреля 1921 года, тов. Ленин, разбирая вопрос о тех изменениях, которые произошли за время революции в крестьянском хозяйстве, говорит:

«В результате получилось, что преобладающим элементом в деревне явились середняки. Мы знаем это из статистики, а всякий живущий в деревне знает это из своих наблюдений. Меньше стало крайностей в сторону кулачества, меньше в сторону нищеты, и большинство населения стало приближаться к середняцкому. Если нам нужно поднять производительность нашего крестьянского хозяйства, то мы должны считаться, в первую очередь, с середняком. Коммунистической партии и пришлось сообразно с этим строить свою политику». (Н. Ленин, том XVIII, ч. 1, стр. 196).

Конечно, с введением нэпа «раскулаченный» кулак начал вновь расти. Но неужели для тов. Зиновьева рост кулака был таким неожиданным, и так сильно на него подействовал, что он в своей растерянности, кроме кулака, ничего не видит? Он даже и решения XIV всесоюзной конференции РКП пытается толковать только, как уступки кулаку, уступки крестьянской верхушке, уступки «именно капиталистическим элементам» (см стр. 255). Что этими решениями воспользуются и кулаки—это бесспорно. Но, что конференция политику партии намечала, исходя, главным образом, из интересов развития бедняцких и середняцких хозяйств—это факт, разжеванный во всей партийной прессе, начиная с весны 1925 года, ибо в основном решения XIV конференции направлены именно в эту сторону. Этими решениями, намечающими дополнительные меры развития производительных сил страны, обеспечивается ускорение темпа кооперирования крестьянства, укрепляется союз пролетариата с крестьянством, подводится более широкая база крестьянского рынка под развертывающуюся социалистическую государственную промышленность. Именно в этом основное содержание решений XIV партконференции, а отнюдь не в уступках кулаку.

О нэпе и госкапитализме.

В XI и XII главах тов. Зиновьев делает попытку изложить взгляды тов. Ленина на нэп, государственный капитализм и социалистическое строительство. Эти главы занимают, пожалуй, центральное место в его книге и имеют, по нашему мнению, действительно злободневное значение.

Прежде всего, о той общей оценке, которую дает нэпу тов. Зиновьев. Он указывает пять «стратегических отступлений в истории большевизма».

Новая экономическая политика (нэп). «Это самое широко задуманное отступательное движение ленинизма (?). Это—самый крупный, самый ответственный, самый решающий стратегический маневр пролетарской партии. Это отступление, исторический смысл которого до сих пор далеко еще не всем ясен. Это отступление, имеющее кардинальное значение не только для судеб русской революции, но и для судеб революции международной. Без надлежащего понимания смысла и значения нэпа нельзя понять ленинизм, нельзя быть подлинным большевиком» (стр. 223). Итак, нэп—это «широко задуманное отступательное движение ленинизма».

Тов. Зиновьев останавливается на том, что это «отступательное движение ленинизма» необходимо, целесообразно, но останавливается только для того, чтобы еще раз повторить: «но необходимое отступление, целесообразное отступление, есть тоже отступление» (стр. 227).

Что тов. Зиновьеву на 5 году нэпа приходится доказывать, что нэп был необходим,—это совсем не случайно, потому что вся та характеристика, которую дает нэпу тов. Зиновьев, может вызвать сомнения в этом.

Что нэп отступление—и только, это неоднократно повторяет тов. Зиновьев. И это определение кажется нам неточным, неполным, неверным, односторонним, и отговорками насчет «необходимости», «рациональности» и проч. этого не сгладить.

Книга тов. Зиновьева написана не в 1921, а в 1925 году. В ней тов. Зиновьев вплотную подходит к вопросам текущего дня. Его определение относится также и к тому периоду, который мы сейчас переживаем. Сомнение в том, отступаем ли мы, наступаем или топчемся на месте, само собой напрашивается из определения тов. Зиновьева.

На той же странице, где тов. Зиновьев дает это определение нэпа, приведена цитата из речи тов. Ленина:

«Мы сейчас отступаем назад, но мы это делаем, чтобы сначала отступить, а потом разбежаться и сильнее прыгнуть вперед».

«Только под одним этим условием (курсив тов. Зиновьева) мы отступаем назад в проведении нашей новой экономической политики». Эту мысль тов. Ленина, даже «на глаз» нельзя совместить с тем, что пишет тов. Зиновьев. Тов. Ленин определял нэп не как отступление и только, а как отступление только для того, чтобы обеспечить более быстрое и уверенное продвижение вперед. «Только под одним этим условием». Нэп был отступлением в смысле необходимости изменения форм и методов нашего движения вперед; нэп был отступлением на известном отрезке времени, нэп стал наступлением после того, как условия для этого были созданы.

Ведь, если нэп отступление и только (а тов. Зиновьев продолжает, даже после приведенной им выше мысли тов. Ленина, так определять нэп), то совсем непонятен лозунг окончания отступления, данный т. Лениным на XI с'езде партии. А сейчас разве не переживаем мы полосу наступления в нэпе, разве не ставим мы себе задачу развивать это наступление дальше? Ответа на эти вопросы у тов. Зиновьева мы не находим.

То, что тов. Зиновьев видит в нэпе только отступление, тоже не случайно, ибо своеобразия перехода от военного периода к мирному, которому тов. Ленин уделял так много внимания, тов. Зиновьев, видно, не усвоил. Он видит только наступательное движение в годы военного коммунизма и отступление с введением нэпа. Поэтому тов. Зиновьев берет под свою «защиту» военный коммунизм.

«Проводя нэп, мы не просто уничтожили крайности военного коммунизма, нет, мы сделали не это, мы коренным образом, переменили свою хозяйственную политику. И отступили мы не от военного коммунизма к социализму, а к своеобразному «государственному капитализму» в пролетарском государстве».

Что мы сделали большой поворот в нашей политике—это правильно. Но вот как рисует самый переход тов. Ленин:

«Продналог—есть одна из форм перехода от своеобразного военного коммунизма, вынужденного крайней нуждой, разорением и войной к правильному социалистическому продуктообмену. А этот последний, в свою очередь, есть одна из форм перехода от социализма с особенностями, вызванными преобладанием мелкого крестьянства в населении, к коммунизму» (XVIII т., ч. 1, 214 стр.). Читателю нужно только сопоставить эти две цитаты, чтобы увидеть склонность тов. Зиновьева прикрашивать «военный коммунизм», только для того, чтобы еще более подчеркнуть отступательный характер нэпа. Еще одно подтверждение этого мы находим в следующем:

Ленин не раз указывал на громадные ошибки, сделанные нами в эпоху военного коммунизма. Но он не говорил, что «военный коммунизм» был сплошной ошибкой, а, наоборот, заявил, что он в целом был нашей «заслугой» и вытек из всей обстановки гражданской войны.

Какой «заслугой»? Что значит «вытек» из гражданской войны? Тов. Зиновьев забыл, однако, указать, что тов. Ленин говорил и о том, что надо знать меру этой «заслуги».

«Военный коммунизм» был вынужден войной и разорением. Он не был и не мог быть отвечающей хозяйственным задачам пролетариата, политикой. Он был временной мерой. Правильной политикой пролетариата, осуществляющего свою диктатуру, в мелкокрестьянской стране, является обмен хлеба на продукты промышленности, необходимые крестьянину» (XVIII т., ч. 1, 224 стр.).

Тов. Зиновьев, почему-то счел необходимым опереться на первую часть речи тов. Ленина и опустил, скрыл от читателя вторую. В книге, излагающей основы ленинизма, нужно было бы, по меньшей мере, излагать взгляды Ленина «более полно».

Мы приведем еще выдержки из речи тов. Ленина, прямо направленные против прикрашивания военного коммунизма.

В докладе на X с'езде партии, тов. Ленин возражал тов. Милютину, который указывал, что у нас во времена «военного коммунизма» существовала стройная система.

Та стройная система, которая создавалась, она диктовалась «потребностями, соображениями и условиями военными, а не экономическими». Тов. Ленин указывает дальше, что в условиях войны эта политика была правильной, но это не означало стройной системы. Это была мера, «вызванная условиями не экономическими, а предписанная нам в значительной мере условиями военными».

Тов. Ленин старался установить преемственность той политики, которую мы начали проводить в 1921 году, с политикой во время первой кратковременной передышки 1918 года. Тов. Ленин указывал, что продналог был уже введен законом в 1918 году. В своей брошюре «О продналоге», тов. Ленин устанавливал преемственность политики 1921 года с тем, что большевики писали в 1917 году до взятия власти, в 1918 году—после Бреста. А тов. Зиновьев ударение ставит на противопоставлении политики «военного коммунизма» и нэпа. Нужно бороться против недооценки героического периода «военного коммунизма», но вредным является прикрашивание его, особенно сейчас, когда вопрос о пережитках «военного коммунизма» имеет пока злободневное значение.

Необходимость подчеркнуть, что нэп является отступлением и только, тов. Зиновьев пытается оправдать тем, что кто-то, где-то развивает обратную мысль, или изображает нэп, как «путешествие по гладкому асфальту». Но, если бы даже такие утверждения имели место, это вовсе не значит, что надо впадать в другую крайность. Тем более, что «гладкий асфальт» и любители ходить по оному существуют лишь в напуганном воображении тов. Зиновьева.

Поразительно еще следующее. Тов. Зиновьев эту оценку нэпа, как отступления, как «политики пролетариата в крестьянской стране»,

дает в полном противоречии с программой Коминтерна. Тов. Зиновьев приводит следующую цитату:

«Революциям пролетариата, которые зреют во всех передовых странах мира,—говорит тов. Ленин,—не удастся решить свои задачи без того, чтобы соединить уменье беззаветно бороться и наступать с уменьем отступать в революционном порядке. Опыт второй полосы нашей борьбы, т.-е. опыт отступлений, тоже пригодится, вероятно, в будущем рабочим, по крайней мере некоторых стран, как, несомненно, пригодится рабочим всех стран наш опыт первой полосы революции, опыт беззаветно смелого наступления» (т. XVIII, ч. 2, стр. 70). От приведенной цитаты может остаться впечатление, что здесь тов. Ленин говорит о нэпе только как об отступлении. Но все дело в том, что тов. Зиновьев не закончил цитату, обрезал ее весьма и весьма «странным» образом на полуверсте. А непосредственно дальше следует: «Теперь мы постановили признать отступление законченным. Это значит по новому ставится вся задача нашей политики» (71 стр.).

Чему. рекомендовал тов. Ленин рабочим других стран учиться у нас,—так это уменью переходить от наступления к отступлению и обратно. С другой стороны, о значении нэпа, именно нэпа, для международного пролетариата мы имеем указания в программе Коминтерна, которая указывает, что многое из того, к чему мы перешли с введением нэпа, будет политикой пролетариата во многих странах сейчас же после взятия власти. О том, что национализация не должна распространяться на мелкую и среднюю собственность, «предоставленную частной инициативе», о сохранении капиталистических форм и методов управления и организации, о необходимости считаться с индивидуалистическим стимулом у крестьянства,—говорит программа Коминтерна. Что ж, выходит, что Коминтерн рекомендует сразу после захвата власти начать отступление?

Наибольшую актуальность имеет определение тов. Зиновьева с точки зрения текущих вопросов нашей партии. Отступаем ли мы или наступаем теперь? Единственно, к чему можно притти на основании книги тов. Зиновьева, так это к тому, что и сейчас нэп является отступлением. Нам кажется, что тов. Зиновьев мог найти более близкую к истине характеристику нэпа, обнимающую не один этап его. В той же речи, обрезанные и оборванные, т.-е. слегка фальшивые, цитаты из которой приводил тов. Зиновьев, дана тов. Лениным такая оценка, которая и для первых годов нэпа и для сегодняшнего дня дает нам лучшее представление о стратегии нэпа, обнимающей и отступление, и наступление.

«Весь гвоздь в том, чтобы двигаться теперь вперед несравненно более широкой, более мощной массой, не иначе, как вместе с крестьянством, доказывая ему делом, практикой, опытом, что мы учимся и научимся ему помогать, его вести вперед» (XVIII т., ч. 2, стр. 71).

Чтобы достигнуть смычки с широкой мощной массой, мы вынуждены были отступить назад. Но смысл нэпа в том и только в том, чтобы двигаться вместе с ней «вперед».

Зачем и для чего нужно тов. Зиновьеву заострять внимание на одной стороне нэпа,—станет нам ясно в дальнейшем.

Мы видели, что тов. Зиновьев в вопросе, от чего мы отступили, в вопросе о «военном коммунизме»,—имеет склонность прикрашивать последний.

Как же отвечает тов. Зиновьев на вопрос: к чему мы отступили? Мы приводили уже цитату, где тов. Зиновьев указывает, что мы отступили к «своеобразному» государственному капитализму» в пролетарском государстве». (226 стр.).

«Вот как определял он (т. Ленин) социально-экономическую сущность нэпа. Нэп—это государственный капитализм в пролетарском государстве» (224 стр.),—так пишет г. Зиновьев. Надо отметить, что мы не нашли нигде такой формулировки у т. Ленина. Тов. Ленин писал, что мы отступаем к государственному капитализму, но о том, что нэп, это—то же самое, что государственный капитализм, тов. Ленин сказать не мог по той простой причине, что это неграмотно. Нэп, это—если не сливать три буквы вместе и не придавать им на этом основании нового значения,—экономическая политика, а государственный капитализм, это—хозяйственная форма, хозяйственный уклад. Можно ли ставить между двумя понятиями знак равенства? Можно только либо по недосмотру, либо по неграмотности, либо весьма условно с определенными оговорками. Повторяем, что у тов. Ленина такого определения нет. Это, конечно, не означает, что между нэпом и госкапитализмом не существует никакого соответствия. Но вот это-то соответствие т. Зиновьев и понимает неправильно.

Тов. Ленин рассматривал госкапитализм, как ту ступень в развитии капитализма, которая наиболее близка к социализму, а в условиях пролетарской диктатуры—«на три четверти социализм». Мы должны строить социализм в стране с преобладанием мелкого крестьянства. Госкапитализм был бы более выгоден, потому что он является средством преодоления мелкобуржуазной стихии, а, именно, он облегчает государственный учет и контроль над разрозненными хозяйствами, а этот учет и контроль являются одним из основных условий перехода к социализму. Чистым видом его (госкапитализма) являются концессии. Вот почему такое громадное значение придавал им. т. Ленин.

С этой точки зрения нам выгодно было бы введение у нас госкапитализма. Госкапитализм—наш союзник в борьбе с мелкой стихией.

Но чей союзник, в какой мере мы вводим капитализм? Почему т. Ленин говорил, что развитие товарооборота в нашей стране нам уже не страшно? Здесь мы подходим к основной, самой глубокой ошибке тов. Зиновьева. Чтобы не оставалось никаких сомнений, о чем у т. Зиновьева идет речь, мы приведем вторую выдержку, наряду с первой, о том, что нэп, это—госкапитализм: «Наш госкапитализм приходится отличать, во-первых, от госкапитализма вообще (от госкапитализма буржуазных стран) и, во-вторых, от частно-хозяйственного капитализма. От первого наш госкапитализм отличается тем, что это—госкапитализм под контролем пролетарского государства, от второго он отличается тем, чем вообще госкапитализм отличается от частного капитализма» (246 стр.).

В табличке экономических укладов в нашей стране, приводимой тов. Лениным для доказательства того, что госкапитализм для нас выгоден, на пятом месте указан социализм. Здесь речь шла у т. Ленина не о политических факторах (пролетарское государство), а об экономических укладах. Нет никаких сомнений в том, что под социализмом Ленин подразумевал нашу госпромышленность. Для наибольшей ясности мы приводим ту цитату, где тов. Ленин сопоставляет концессии и госпромышленность: «Концессии нам не страшны, если мы отдадим концессионерам несколько заводов, сохраняя большинство за нами», и дальше: «Все, что можно сделать для улучшения крестьянского хозяйства, для развития местного аппарата, в то же время рассчитывая общегосударственное хозяйство так, чтобы крупная социалистическая промышленность восстанавливалась быстрее, чем до сих

пор,—все это при помощи концессий мы сделаем раньше, чем без концессий» (XVIII т., ч. 1, стр. 199). У т. Зиновьева мы нигде в книге не найдем того, чтобы он выделял госпромышленность, как элемент социалистический. И особенно после вышеприведенной цитаты не остается сомнений, что и нашу госпромышленность тов. Зиновьев включает в госкапитализм. А ведь речь идет о социально-экономической сущности, т.-е. классовой сущности нэпа,—об этом говорит тов. Зиновьев, когда определяет нэп, как госкапитализм. Значит, и наша промышленность (по т. Зиновьеву часть госкапитализма) отличается от обычного госкапитализма только тем, что «находится под контролем пролетарского государства», а от частного капитализма только более высокой ступенью развития. Обратного тов. Зиновьев нигде не оговаривает и оставляет место для всякого рода выводов, ведущих далеко, очень далеко, от ленинизма. Основной вывод, однако, таков, что и в нашей госпромышленности отношения те же, что и в госкапиталистических формах, т.-е. отношения эксплоатации; в госпромышленности отношение рабочих к ней не есть отношение рабочих к своей социалистической промышленности. Здесь все ставится на голову. И сколько бы тов. Зиновьев на многих страницах своей книги ни звал рабочих укреплять, строить промышленность, вряд ли ему с таким «введением» рабочих в политэкономию нашего хозяйства удастся чего-нибудь достигнуть.

Тов. Зиновьев чрезвычайно непоследователен, если из всего этого не делает того вывода, что необходимо коренное изменение отношения рабочих и нашей партии (если она хочет остаться подлинно-пролетарской партией) к госпромышленности и т. д.

Это—одна сторона рассуждений т. Зиновьева. Другая сторона заключается в следующем. Давая неверные определения классовой сущности нашей промышленности, подводя ее под понятие госкапитализма, т. Зиновьев превращает нэп из политики пролетариата, открывающей путь к социализму, в тактику «топтания на месте». Корень ошибки т. Зиновьева заключается в том, что он полон идеологии отступления, что действительного своеобразия нашего пути он не понимает, что он нэп рассматривает только под углом зрения 1921 года.

Мы обратимся к тому, что писал о госкапитализме т. Ленин впоследствии, в 1923 году. Это приводит и т. Зиновьев, но не так, как нужно. У т. Зиновьева приведена следующая часть цитаты:

«Всегда, когда я писал о новой экономической политике, я цитировал свою статью 1919 года о государственном капитализме. Это вызывало не раз сомнения некоторых молодых товарищей, направленные, главным образом, по адресу абстрактно-политическому.

Им казалось, что нельзя называть государственным капитализмом тот строй, при котором средства производства принадлежат рабочему классу, и этому рабочему классу принадлежит государственная власть».

Все это полностью приводит т. Зиновьев, а дальнейшая часть у него оборвана, и оборвана тенденциозно. Мы же приводим ее полностью:

«Однако, они не замечали, что у меня название «государственный капитализм» употреблялось, во-первых, для истрической связи нашей теперешней позиции с позицией в моей полемике против так называемых левых коммунистов, а также я уже тогда доказывал, что государственный капитализм был бы выше нашей современной экономики»—это т. Зиновьев приводит. А вот, что он совершенно опускает и опять скрывает от читателя: «Для меня,—пишет т. Ленин,—важно было установить преемственную связь обычного государственного капитализма с тем необычным государственным капитализмом, о котором я говорил, вводя читателя в новую экономическую политику. Во-вторых, для меня важна была практическая цель. А практическая цель новой экономической политики состояла в получении концессий; концессии уже, несомненно, были бы в наших условиях чистым типом государственного капитализма» (т. XVIII, ч. 2, стр. 142—143). Это написано после двух лет нэпа. Дает ли нам приведенная цитата что-нибудь новое для освещения вопроса о роли госкапитализма? Несомненно, дает, не меняя основных взглядов Ленина на нэп. Новое заключается не только в том, что в этой статье развит план т. Ленина о кооперации, как столбовой дороге к социализму.

«Если выделить концессии, которые, кстати сказать, не получили у нас сколько-нибудь значительного развития, то кооперация в наших условиях сплошь и рядом совершенно совпадает с социализмом», -продолжает дальше тов. Ленин.

Как представлял себе первоначально, при введении нэпа, т. Ленин роль госкапитализма в деле создания базы для социализма? Госпромышленность, плюс концессии, аренда и т. д.—выступают в борьбе с мелкобуржуазной стихией. А практика показала, что концессии, основной вид госкапитализма, «не получили» «сколько-нибудь значительного развития». Вместе, с тем, госпромышленность поднялась быстрей, чем мы предполагали. Мы подошли вплотную к регулированию рынка, обмена. Вот в этих условиях, благодаря нэпу, кооперация получила такое исключительное значение.

Правильно, что такую систему, когда концессии и другие формы в союзе с социалистической промышленностью ведут борьбу с мелкобуржуазной стихией, Ленин называл «своеобразным госкапитализмом». Правильно, что, в случае удачи концессионной политики, мы бы, благодаря ей, сильно продвинулись вперед. Но ведь у нас картина другая. Можно ли в 1925 году называть всю нашу систему госкапитализмом, подводя под нее решающий фактор нашей экономической жизни—социалистическую промышленность? Это не верно ни теоретически, ни практически, ни политически.

Своеобразие того пути, по которому мы сейчас идем, пропадает. Ибо если прав т. Зиновьев в том, что наша хозяйственная система—это госкапитализм, то как с ней увязать кооперацию, «совпадающую с социализмом»? Такой она является именно потому, что через кооперацию получается прямая увязка нашей социалистической промышленности с кооперированным крестьянским хозяйством.

Тов. Зиновьев этой формы нашего перехода к социализму с особенностями, вызванными в нем преобладанием мелкокрестьянского хозяйства, не понимает.

*

Большая часть главы о нэпе посвящена вопросу об опасности иллюзий в смысле переоценки социалистического роста нашей страны. Если эти иллюзии сами по себе и опасны, то брать их надо опять-таки в конкретной обстановке и борьбу с ними вести на основании реального учета наших достижений.

Тов. Зиновьев указывает, что кто-то, где-то (кто? где?) пытается представить дело так, будто у нас повсюду социализм.

«Разве даже в современных наших трестах, в их операциях, в их системе работы, в их окружении нет элементов капитализма? Разве рабочие, крестьяне, народ (!) не чувствуют (?) этого? Разве не почув-

ствуют (?) рабочие всей фальши, если мы будем преподносить им сладенькие фразы о том, что это и есть социализм?»—так спрашивает тов. Зиновьев. (254 стр.).

А если бы рабочие обратились к тов. Зиновьеву с вопросом: «Что же мы имеем в нашей стране?» На этот вопрос тов. Зиновьев отвечает буквально следующее:

«Мы должны решительно и определенно сказать рабочим и всей стране: то, что мы сейчас имеем в нэпе,—это есть своеобразный государственный капитализм с растущими элементами социализма (курсив т. Зиновьева), с растущими, но еще далеко не выросшими» (281 стр.).

Мы думаем, что после того, как тов. Зиновьев упрятал социалистическую госпромышленность в обширных складках госкапитализма; после того, как кооперация является чем-то, с чем сомкнуться она не имеет возможности, неудовлетворительность этого ответа, неясность его, неправильность его чрезвычайно ясны.

Но дальнейшие приемы борьбы т. Зиновьева против «иллюзий» еще более оригинальны. Если сначала «иллюзиям» противопоставляется «горькая правда», что у нас госкапитализм и только, то в дальнейшем т. Зиновьев развивает свое положение о том, что нэп является отступлением.

«А случилось так, что в 1925 году, в интересах развития производительных сил деревни, нам пришлось сделать еще дополнительные уступки даже крестьянской верхушке». «...Нельзя торжествовать мнимую победу некапиталистической эволюции в сельском хозяйстве как раз тогда, когда нам приходится делать еще дополнительные уступки именно капиталистическим элементам (курсив наш) сельского хозяйства». (255 стр.). Таким образом, получается, что решениями XIV партконференции партия пошла навстречу, сделала уступки именно кулаку, именно капиталистическим элементам деревни. Нужно же суметь так истолковать решения XIV конференции!

Это, и только это, усвоил и подчеркивает т. Зиновьев. Стоит только воспроизвести всю цепь рассуждений тов. Зиновьева, чтобы понять смысл этих выводов: нэп—отступление, мы имеем в нашей стране госкапитализм с невыросшими элементами социализма, мы идем на дальнейшие уступки кулаку. Как тут не удариться в панику, как не бить в набат?

Тов. Зиновьев забывает здесь сказать о том, что основным фактором, позволившим нам развивать нэп в деревне, является громадный рост промышленности, громадный рост основной социалистической базы в нашей стране.

Все это является лучшим подтверждением того, что т. Зиновьев далеко уходит от ленинизма и в теоретической области, и в вопросах конкретных шагов нашей партийной политики.

О кооперации.

Прежде, чем перейти к рассмотрению того, как отвечает т. Зиновьев на вопрос о победе социализма в одной стране, остановимся еще на вопросе о кооперации.

Основная ошибка т. Зиновьева в этом вопросе заключается в том, что он и до сего времени не понял того нового, что вносит в роль

кооперации упрочение диктатуры пролетариата, укрепление ее экономических командных высот.

По мнению т. Зиновьева, в статье тов. Ленина «О кооперации», написанной в 1923 году, сказано то же, «что сказано в «Продналоге» о кооперации, как виде государственного капитализма» (стр. 280). Таким образом, мы имеем явное непонимание того, что говорилось т. Лениным о кооперации применительно к данной исторической обстановке.

На самом деле, есть ли что-нибудь отличное, новое во взглядах т. Ленина на кооперацию в 1923 г. по сравнению с 1921 г.?

Что в 1921 г. т. Ленин действительно считал кооперацию одним из видов государственного капитализма, подчеркивая ее капиталистический характер,—это бесспорно. В брошюре «О продналоге» т. Ленин писал:

«Кооперация мелких товаро-производителей (о ней, а не о рабочей кооперации идет здесь речь, как о преобладающей, о типичной в мелкокрестьянской стране) неизбежно порождает мелкобуржуазные капиталистические отношения, содействует их развитию, выдвигает на первый план капиталистов, им дает наибольшую выгоду. Это не может быть иначе, раз есть налицо преобладание мелких хозяйчиков и возможность, а равно необходимость обмена. Свобода и права кооперации при данных условиях России означают свободу и права капитализму. Закрывать глаза на эту очевидную истину было бы глупостью и преступлением. Но «кооперативный» капитализм, в отличие от частнохозяйственного капитализма является при советской власти разновидностью государственного капитализма, и, в качестве такового, он нам выгоден и полезен сейчас в известной мере... Кооперативный капитализм похож на государственный в том отношении, что облегчает учет, контроль, надзор, договорные отношения между государством (советским в данном случае) и капиталистом» (том XVIII, часть 1, стр. 202).

Правда, уже в этой брошюре т. Ленин делает гениальный намек на социалистическую функцию кооперации в будущем:

«Кооперация, как форма торговли, выгоднее и полезнее, чем частная торговля, не только по указанным причинам, но и потому, что она облегчает об'единение, организацию миллионов населения, затем всего населения поголовно, а это обстоятельство, в свою очередь, есть гигантский плюс с точки зрения дальнейшего перехода от государственного капитализма к социализму» (том XVIII, ч. 1, стр. 20).

Но это был только гениальный намек.

В 1921 г. концессия не была и не могла быть основной организационной формой хозяйственного социалистического строительства в деревне. Удельный вес социалистической госпромышленности был крайне низок, органы госторговли и госкредита еще только создавались, командные высоты пролетарской диктатуры в экономике не были укреплены. И наоборот: значение частного хозяйства и в особенности мелкого крестьянского хозяйства, при развязывании рыночных отношений в связи с нэпом, на фоне упадка крупной промышленности, неимоверно возросло.

Поэтому вполне понятно, что центр тяжести оценки кооперации в 1921 г. состоял в признании ее, как одного из видов госкапитализма; капитализма, который «похож на государственный в том отношении, что (он) облегчает учет, контроль, договорные отношения» советского государства с об'единенными в кооперацию мелкими капиталистиками. Такая оценка кооперации соответствовала об'ективной действительности, не была ошибочной, была правильной.

В 1923 г. положение значительно изменилось. Политика концессий, в силу ряда условий, не получила большого практического значения. Наша государственная промышленность сильно окрепла и повысила свой удельный вес в общем народном хозяйстве. Мы имеем уже первые государственные сбережения (т. Ленин с радостью отмечал на IV конгрессе Коминтерна первый доход в 10 миллионов от прибылей госторговли). Созданные банки и система кредита уже охватили не только предприятия, госторговлю, но и кооперацию. А овладение этими командными высотами создает возможность некапиталистической эволюции сельского хозяйства.

Естественно, что кооперация, при таких условиях приобрела огромное значение, именно, как рычаг для вовлечения мелких крестьянских хозяйств в социалистическое строительство. Естественно, что при таких условиях, кооперация становится в полном смысле столбовой дорогой для перехода крестьянского хозяйства к социализму. Она становится, на ряду с электрификацией, при руководящей роли социалистической промышленности, основным стержнем социалистического строительства. Она ведет деревню к социализму именно потому, что развивается не изолированно, а будучи втянутой в общую систему советского хозяйства, где командная, решающая роль принадлежит социалистической геспромышленности. Вот почему в записках т. Ленина «О кооперации», написанных в 1923 г., говорится:

«Вот это обстоятельство у нас недостаточно учитывается, когда рассуждают о кооперации. Забывают, что кооперация получает у нас, благодаря особенности нашего государственного строя, совершенно исключительное значение. Если выделить особо концессии, которые, кстат исказать, не получили у нас сколько-нибудь значительного развития, то кооперация в наших условиях сплошь да рядом совершенно совпадает с социализмом». (Курсив наш).

«Поясню свою мысль. В чем состоит фантастичность планов старых кооператоров, начиная с Роберта Оуэна? В том, что они мечтали о мирном преобразовании социализмом современного общества без учета такого основного вопроса, как вопрос о классовой борьбе, о завоевании политической власти рабочим классом, о свержении господства класса эксплоататоров. И поэтому мы правы, находя в этом «кооперативном» социализме сплошь фантастику, нечто романтическое, даже пошлое в мечтаниях о том, как простым кооперированием населения можно превратить классовых врагов в классовых сотрудников и классовую войну, в классовый мир (так называемый гражданский мир).

«Несомненно, что с точки зрения основной задачи современности мы были правы, ибо без классовой борьбы за политическую власть в государстве, социализм не может быть осуществлен.

«Но посмотрите, как изменилось дело теперь (курсив наш), раз государственная власть уже в руках рабочего класса, раз политическая власть эксплоататоров свергнута и раз все средства производства (кроме тех, которые рабочее государство добровольно отдает на время и условно эксплоататорам в концессию) находятся в руках рабочего класса.

«Теперь мы в праве сказать, что простой рост кооперации для нас, тождественен (с указанным выше «небольшим» исключением) с ростом социализма, и вместе с этим мы вынуждены признать коренную перемену всей точки зрения нашей на социализм. Эта коренная перемена состоит в том, что раньше мы центр тяжести клали и должны были класть на политическую борьбу, революцию, завоевание власти и т. д. Теперь же центр тяжести меняется до того, что переносится на мирную организационную, «культурную работу» (Ленин, т. XVIII, ч. 2, стр. 133—134), (курсив наш).

Именно в этом и состоит то новое, что внес т. Ленин в оценку кооперации в 1923 году и чего до сих пор не понял тов. Зиновьев, продолжающий и теперь считать кооперацию госкапиталистической. Именно последним об'ясняется то обстоятельство, что т. Зиновьев не привел всей этой цитаты в своем «Ленинизме».

Считая кооперацию госкапиталистической т. Зиновьев хочет заняться вывариванием ее «в социалистическом котле» (стр. 329). Но мы вправе спросить: где же у вас, т. Зиновьев, этот самый социалистический котел? Ведь геспромышленность т. Зиновьев нигде в своей книге не признал социалистической! Какие же элементы нашего хозяйственного уклада т. Зиновьев считает социалистическими?

На эти вопросы в книге т. Зиновьева ответа нет.

Для того, чтобы избегнуть подозрения в непонимании или отрицании ленинского кооперативного плана т. Зиновьев вынужден не однократно цитировать статью «О кооперации» и признать, что в ней кое-что новое все-таки есть.

Но вся беда (или вина?) т. Зиновьева заключается в том, что он и в данном вопросе упускает главное. Оно состоит совсем не в том, чем его видит т. Зиновьев (см. стр. 278), а в том, чего он всячески избегает и из приводимых им цитат Ленина выбрасывает. Это главное заключается в изменении роли кооперации (а, следовательно, и наших взглядов на нее) при упрочении диктатуры пролетариата. Это главное состоит в том, что если идеи старых кооператоров о мирном построении социализма через кооперацию, без классовой борьбы и революции пролетариата, были «утопичными» и даже «пошлыми», то теперь в советских условиях, при диктатуре пролетариата, кооперативный строй становится строем социалистическим.

Конечно, в кооперации еще долго будет итти борьба двух тенденций: социалистической и капиталистической; будет продолжаться своеобразная классовая борьба.

Само собой разумеется, что партия в этой борьбе будет опираться на бедняка и середняка против кулака. Партия будет оказывать и политическую и организационную, и материальную поддержку для укрепления в кооперации позиций бедноты и середняков.

С другой стороны, совершенно ясно, что пока силы бедноты недостаточно организованы, пока среднее крестьянство не вырвано окончательно из-под влияния кулачества, последнее, в целом ряде местных кооперативов, будет захватывать руководство, осуществлять свое влияние, толкать кооперацию по пути капиталистического развития.

И, наконец, каждому, кто понимает, какое значение в развитии кооперации имеет система кредита, политика цен и т. п., должно быть ясно, что несмотря на наличие в коооперации кулачества, на его преобладающее местами влияние в ней, социалистическая тенденция уже начинает преобладать в кооперации и ее преобладание с каждым днем будет расти.

Повторяем: классовая борьба в кооперации (и не только в ней!) идет и будет итти. Но она идет и будет итти в новых формах, в формах до сих пор в других странах не имевших места.

И кто знает только, что классовая борьба идет, а конкретных форм этой борьбы не видит, тот, сколько бы он ни «божился» словами «пролетариат», «беднота», «классовая борьба» и т. п., ничего в этой классовой борьбе не понимает и никаких полезных в этом отношении советов дать партии не может.

Именно так обстоит дело с книгой т. Зиновьева.

Мы думаем, что только неверие в возможность, медленного, но непосредственного движения середняцкой массы крестьянства к социализму через кооперацию могло привести т. Зиновьева к отрицанию (искусно замаскированному) некапиталистической эволюции крестьянства при диктатуре пролетариата. Только непонимание того нового, что мы имеем в нашей стране, по сравнению с 1921 годом, могло привести т. Зиновьева к утверждению, что кооперация и в наших условиях является одним из видов госкапитализма.

Вопрос о победе социализма в одной стране.

Около 70 страниц написал по этому поводу т. Зиновьев, но прямого и ясного ответа на этот вопрос не дал. Надо иметь в виду, что книгу свою он писал, или, по крайней мере, заканчивал, после XIV парконференции, на которой этот вопрос обсуждался и на которой дан по сему поводу самый недвусмысленный ответ.

Центр тяжести в этом вопросе лежит в следующем: можем ли мы при нашей технико-экономической отсталости, в стране с преобладанием крестьянского населения, при задержке международной революции, без явной государственной поддержки пролетариата передовых экономических стран—строить и построить социализм? XIV парконференция ясно ответила на этот вопрос: да, можем.

Наша партия, совершая октябрьский переворот, конечно, связывала и связывает его с победой международной революции, но из этого отнюдь не следует, что при задержке в развитии последней, без непосредственной государственной помощи пролетариата передовых стран, мы погибнем и социализма не построим. «Есть все основания надеяться, что СССР и собственными силами при наличии той поддержки со стороны международного пролетариата, которая доказана уже 8-летним опытом, сможет и дальше успешно поднимать свое хозяйство, продолжая служить серьезнейшим фактором роста мировой революции и продолжая помогать рабочим других стран подготавливать свою пролетарскую революцию» (Рез. XIV конференции, стр. 41).

При правильной политике взаимоотношений рабочего класса с крестьянством, при неуклонном росте госпромышленности, кооперации, развитии электрификации, мы можем внутренними силами преодолеть технико-экономическую отсталость, мы можем достичь того уровня цивилизации, которого нам, по Ленину, не хватает, чтобы перейти к полному социалистическому обществу. Партия отчеканила этот ясный взгляд в дискуссии с троцкизмом. XIV парконференция, словами т. Ленина, ответила на все пошлые возражения меньшевиков на этот счет: «До бесконечия шаблонным является у них довод, который они выучили наизусть во время развития западно-европейской социал-демократии и который состоит в том, что мы не доросли до социализма, что у нас нет, как выражаются разные «ученые» господа из них, об'ективных предпосылок для социализма» (записки о Суханове).

Ленинизм в противоположность оппортунизму учит, что вследствие неравномерности экономического и политического развития разных стран «возможна победа социализма первоначально в немногих и даже в одной, отдельно взятой, капиталистической стране» (Ленин, т. XIII, стр. 133). XIV партконференция в духе с этим положением ленинизма сказала: «Вообще победа социализма (не в смысле окончательной победы) безусловно возможна в одной стране» (Резол. конф. стр. 43).

Что значит окончательная победа социализма? Это прежде всего означает победу социализма в мировом масштабе. Для строительства социализма в нашей стране это означает абсолютную гарантию от интервенции, гарантию от внешней капиталистической реставрации. XIV партконференция сказала в резолюции по докладу Коминтерна: «Единственной гарантией окончательной победы социализма, т.-е. гарантией от реставрации, является, следовательно, победоносная социалистическая революция в ряде стран».

Из этого отнюдь не вытекает, что невозможна постройка полного социалистического общества в такой отсталой стране, как Россия без «государственной помощи» (Троцкий) более развитых в технико-экономическом отношении стран» (Рез. конф. стр. 44). Победа пролетариата передовых (технико-эконом.) стран явится гарантией от интервенции и реставрации для СССР, а, с другой стороны, успешное развитие международной революции в значительной степени зависит от успехов строительства социализма в нашей стране. Об этом XIV конференция сказала:

«Из этого вытекает, что страна рабочей диктатуры, являющаяся основной базой мировой революции, должна рассматривать себя, как ее могущественный рычаг и подспорье; с другой стороны, господствующая в ней партия пролетариата должна прилагать все усилия к тому, чтобы строить социалистическое общество в уверенности, что это строительство может быть и наверняка будет победоносным, если удастся отстоять страну от всяких попыток реставрации. Другими словами, правильной политикой как в отношении к крестьянству внутри страны, так и в области международных отношений РКП должна преодолеть все затруднения, вытекающие из замедления темпа мировой революции» (стр. 45).

Т. Зиновьев в своей книге, несмотря на четкий и ясный ответ на эти вопросы в резолюции XIV партконференции, их запутывает и правильного ответа не дает. Больше того, он даже не дает правильной постановки вопроса, ибо все время подменяет вопрос о победе социализма в нашей стране вопросом об окончательной его победе.

На самом деле, как ставит и решает т. Зиновьев эти вопросы?

«Чтобы еще точнее уяснить себе, как стоит вопрос у нас в СССР в 1925 году, надо различать две вещи:

1) Обеспеченная возможность строить социализм—такая возможность строить социализм вполне, разумеется, может мыслиться и в рамках одной страны и 2) окончательное построение и упрочение социализма, т.-е. осуществление социалистического строя, социалистического общества, совершившийся переход ко второй, высшей стадии коммунизма. Возможна ли такая окончательная победа социализма в одной стране?» («Ленинизм», стр. 293). Хотя т. Зиновьев внешне как бы и разграничивает два вопроса: вопрос о победе социализма в одной стране и вопрос об окончательной победе, но по существу он уже самой постановкой вопроса их смешивает, а в дальнейшем и сливает в один вопрос. «И вот вопрос заключается в том, возможна ли такая полная и окончательная победа социализма в одной стране, находящейся в буржуазном окружении» (стр. 293), подчеркнуто нами). Само собой разумеется, что при такой постановке вопроса нельзя

дать правильного ответа. Вместо того, чтобы в соответствии с решниями нашей партии (XIV партконференции) признать возможной победу социализма в нашей стране, т. Зиновьев не дает определенного недвусмысленного ответа на этот вопрос.

Ясного отрицательного ответа на этот вопрос т. Зиновьев не дает, но именно такой, отрицательный ответ из его вопроса сам собою напрашивается. Чтобы скорее натолкнуть читателя на этот отрицательный ответ, т. Зиновьев построение социализма в одной стране тут же подменяет вопросом об окончательной его победе.

«Одно дело низвергнуть власть буржуазии и создать пролетарское правительство. Это сделать можно для начала и в одной стране. Другое дело обеспечить полную и окончательную победу социалистического строя. Последнее возможно только в результате победы пролетариата в ряде стран» («Ленинизм», стр. 302).

Как нужно понимать окончательную победу социализма в отношении нашей страны? В постановлении XIV партийной конференции вопрос об окончательной победе социализма рассматривается, как вопрос об абсолютной гарантии от капиталистической интервенции и реставрации в нашей стране, как вопрос победы международной пролетарской революции. В решениях XIV партконференции все эти вопросы получили и разграничение и увязку. В книге т. Зиновьева ни того, ни другого нет.

Для того, чтобы иметь ясную политическую линию в вопросах социалистического строительства нашей страны, для этого нужно иметь ясную перспективу и правильный, ленинский подход к разрешению этих вопросов. Партия имея эту перспективу, этот подход, будет уверенно строить социализм, а т. Зиновьев, не имея перспективы в этих вопросах, безбожно путает.

Партия понимает, что в обстановке замедлившегося развития мировой революции мы должны, продолжая держать курс на мировую революцию и всячески содействуя ее развитию, внутри страны разрешить задачи мирного хозяйственного и культурного строительства. Мы должны перестроить нашу промышленность на новой технической базе, электрифицировать всю страну, машинизировать сельское хозяйство, кооперировать все население, сделать его технически и политически грамотным, вовлечь его в органы управления государством и хозяйством страны. Это и значит построить социализм. Нужно понимать, что именно в этом состоит полная победа социализма в одной (т.-е. нашей) стране. Нельзя забывать, что это еще не окончательная победа, в том смысле, что у нас не будет гарантий от реставрации буржуазного строя извне, т.-е. путем интервенции. Но нужно понимать, что это будет именно полная победа социализма внутри нашей страны в том смысле, что хозяйственный уклад нашей страны будет социалистическим и это будет гарантией против «реставрации» внутренней.

Нужно помнить о том, что эта «мирная» работа, эта полная победа социализма в нашей стране будет чрезвычайно способствовать развитию мировой пролетарской революции.

Того, что современный период диктатуры пролетариата с точки зрения наших **внутренних** отношений является периодом «мирного» хозяйственного и культурного строительства социализма, т. Зиновьев не понимает и тянет партию назад. На стр. 301—302 в 5 пунктах он излагает то, чему, якобы, учит ленинизм. Во всех этих пяти пунктах т. Зиновьев приемлет в Ленине только то, что при неравномерности и скачкообразности развития капитализма, можно начать пролетарскую революцию в одной стране, но совершенно отбрасывает, не упоминает, что можно построить в этой стране социалистическое общество. Т. Зиновьев, в основном, намечает линию не строительства социализма, а линию «передышки»:

«Сколько лет может продержаться власть пролетариата в одной стране при отсутствии пролетарской революции в других странах? Сначала мы имели не совсем ясное представление на этот счет. Фактор время» мы начинаем учитывать только теперь» («Ленинизм», стр. 312).

«Мы выиграли решающее сражение в первой стране. Мы постараемся **переждать**, возьмем себе «передышку», пока подойдут другие наши армии» (314 стр. Курсив наш).

Только переждать, только продержаться, вот как он увязывает нашу революцию с революцией международной. Отсюда ясно следует, что тов. **Зиновьев не мыслит себе построение социализма в нашей стране без непосредственной помощи мирового пролетариата.**

Толкование нэпа только как отступление; нашего хозяйственного уклада—как государственно-капиталистического; отстаивание старых методов классовой борьбы; утеря из поля зрения середняка, как центральной фигуры нашего земледелия; непонимание возможности некапиталистической эволюции деревни при диктатуре пролетариата в нашей стране, находящейся в капиталистическом окружении,—все это увязывается в один клубок, в **систему** взглядов, но систему отнюдь не ленинскую. Исходя из этих взглядов т. Зиновьев основной задачей современного периода пролетарской диктатуры ставит построение мероприятий, обеспечивающих нашей партии возможность сохранения пролетарской диктатуры в период передышки, осуществления тактики лавирования и выжидания до победы мировой революции.

Эти взгляды на задачи современного периода пролетарской диктатуры т. Зиновьев пробует защитить (на стр. 312) ссылкой на статьи и речи т. Ленина, обосновывавшие необходимость брестского мира, как передышки для нашей советской страны. «Наша тактика определяется как «тактика лавирования, выжидания и отступления». Эти взгляды сам Ленин называл «теорией передышки» (стр. 312).

Неужели т. Зиновьеву не ясно, что тогда стоял вопрос о жизни или смерти пролетарской диктатуры, вопрос теперь снятый жизнью? Но и тогда (в 1918 г.) т. Ленин задачей «передышки» считал не только сохранение советской власти, но и призывал «итти вперед... не падая духом от поражений, собирать камень за камешком прочный фундамент социалистического общества, работать, не покладая рук, над созданием дисциплины и самодисциплины, над укреплением везде и всюду организованности, порядка, деловитости, стройного сотрудничества всенародных сил, общего учета и контроля за производством и распределением продуктов,—таков путь к созданию мощи военной и мощи социалистической» (т. XV, стр. 153—154). Итак из этих слов видно, что даже в 1918 г. в период неокрепшей пролетарской диктатуры т. Ленин считал возможным и обязательным для нашей партии приступить к строительству социализма. Тем более очевидной эта задача становится теперь.

Тов. Зиновьев указывает на два массива настроений (стр. 312—313). Один из них—с уклоном к национальной ограниченности, другой же здоровый революционный, умеющий связывать нашу революцию с революцией международной. Здесь тов. Зиновьев целиком расходится с резолюцией конференции.

Тов. Зиновьев ничего не говорит о том, что конференция указала на два следующих уклона: первый уклон к «пассивности», «отсутствие достаточного импульса к энергичной и систематической работе над построением социалистического общества в СССР, несмотря на замедленный темп международной революции», второй уклон—«национальной ограниченности», забвение наших международных обязанностей.

Тов. Зиновьев, обходя первый уклон, борется со вторым уклоном, борется настолько энергично, что, как видно, из боязни усилить этот уклон, он сам уклоняется от возможности победы социализма в нашей стране. И мы в результате имеем источник, питающий эти настроения неверия и пассивности.

Перспективы развития СССР и «равенство».

Очень показательным, на наш взгляд, для непонимания т. Зиновьевым перспектив нашего развития, является также его постановка вопроса о равенстве. На протяжении 10 страниц т. Зиновьев трижды возвращается к этому вопросу (стр. 210,215, 220). На стр. 215 он пишет: «Массы ценят, прежде всего, подлинную материальную возможность лучше, культурнее, сытнее, разумнее, здоровее жить, все больше вводить подлинное равенство. Мы вступаем теперь в ту полосу, когда эта возможность будет расти» (курсив наш). И как бы для того, чтобы не было сомнений, что это не «оговорка», на стр. 220 т. Зиновьев заключает: «Бороться не только словом, а делом за проведение в жизнь все большего и большего равенства,—вот в чем задача пролетарской диктатуры в СССР в современный период» (подчеркнуто нами).

Что наша партия ведет борьбу за подлинное материальное и культурное равенство, за коммунизм это каждому ясно. Что пролетариат является единственным классом, способным, в результате своей борьбы, обеспечить подлинное коммунистическое равенство, это тоже известно со времени Маркса и Энгельса. Поэтому пролетариат и стремится к захвату власти, чтобы через свою диктатуру, через уничтожение классов построить такое общество, в котором всей массе населения земного шара была бы обеспечена «возможность лучше, культурнее, сытнее, разумнее, здоровее жить», ввести подлинное социалистическое равенство.

О каком равенстве говорит т. Зиновьев?

Ведь, если ставить вопрос о подлинном равенстве, как в материальном, так и в культурном, и в политическом отношениях, о равенстве социалистическом, то ни в коем случае нельзя забывать того марксистского и ленинского положения, что «действительного фактического равенства не может быть, пока совершенно не уничтожена всякая возможность эксплоатации одного класса другим» (Ленин, т. XV. стр. 466, ГИЗ, 1924 г. Курсив наш). А мы великолепно знаем и т. Зиновьев неоднократно говорит об этом в своей книге, что и при диктатуре пролетариата классы остаются, классовая борьба продолжается и даже обостряется. Следовательно, и эксплоатация одного класса другим остается. Как же можно в современный период диктатуры пролетариата, когда, в интересах развития производительных сил и необходимого для успешного социалистического строительства усиления товарооборота, окончательно устраняются пережитки военного коммунизма в деревне и в известных пределах расширяется сфера эксплоатации кулачеством бедноты,—как можно в наших условиях, в условиях отсталости нашей страны, с одной стороны, и неизбежности неравенства даже внутри пролетариата для более успешного продвижения вперед, с другой, ставить очередной задачей проведение в жизнь социалистического равенства? Лозунг равенства, не может быть сейчас реальным лозунгом дня, а потому неизбежно является лозунгом демагогическим. Этот лозунг способен вызвать величайшую путаницу умов и угрожает срывом всего строительства периода пролетарской диктатуры.

Данный лозунг является неправильным и, с другой стороны: не верно, что широкие массы середняцкого крестьянства так сильно стремятся ввести подлинное равенство, ввести социализм (мы уже не говорим о кулацких слоях, которые «тоже хотят» «равенства», но равенства не социалистического, а равенства политических прав с рабочим классом). Такой взгляд является прикрашиванием действительности.

Пролетариат под руководством нашей партии ведет крестьянство к социализму не потому, что крестьянство жаждет подлинного равенства, не потому, что оно стремится к социализму, а потому, что всей системой экономических и политических отношений, созданных в нашей стране в результате пролетарской революции, крестьянство вне зависимости от его частно-хозяйственных интересов и стремлений втягивается в социалистическое строительство. Именно, на этом основан принятый партией план тов. Ленина об организации кооперативного строя.

* * *

Мы старались установить подлинные взгляды т. Ленина, привлечь из ленинского то, что может нам помочь правильно оценить окружающую нас обстановку, путь нашей партии и наши перспективы, сопоставив все это с ошибками тов. Зиновьева.

Общей их чертой является то, что как раз в тех вопросах, которые имеют актуальное, „жгучее" значение для партии, у тов. Зиновьева есть своя трактовка, в одних случаях очень неясная, в других прямо расходящаяся с т. Лениным и той политикой, которую партия проводит после смерти т. Ленина.

При чем, это—не отдельные ошибки по разным вопросам, а определенно политическая тенденция, складывающаяся в одно целое. Нам кажется, что основным звеном во всей цепи является непонимание перехода к нэпу, его сущности и нашего дальнейшего пути к социализму. Тов. Зиновьев живет настроениями 1921 года, от них исходит и дальше их не идет. И какую бы гору цитат ни громоздил т. Зиновьев в подтверждение своей точки зрения, установить какую-либо связь со взглядами Ленина он не сумел.

Непонимание перехода к нэпу, сущности нэпа приводит к тому, что и в важнейшем вопросе, не выдуманном вопросе, в котором рабочие обращаются к нашей партии, в вопросе о строительстве и победе социализма в одной стране, т. Зиновьев дает полууклончивые, полуотрицательные ответы.

Главную опасность т. Зиновьев видит не в недооценке нашего роста, не в неверии в победу социализма в нашей стране, а совершенно в другом—в переоценке социалистического роста. И это тоже очень характерно. Стоя на своей позиции, т. Зиновьев не может видеть основной главной опасности, состоящей в непонимании сущности нашей политики, в непонимании нашего пути, в неверии в нашу победу. Позиция, которую занимает тов. Зиновьев, заставляет его впадать в панику перед лицом неизбежных явлений реальной экономической действительности, которой он не понимает.

Эта позиция заставляет т. Зиновьева кричать о замазывании классовой борьбы перед лицом новых форм этой борьбы, не понятых им.

За спиной растущего кулака он не видит центральной фигуры нашего земледелия—середняка.

Эта позиция заставляет его содрогаться от мнимого непринятия мер против перерождения партии, против «подтачивания» диктатуры пролетариата мелкобуржуазной ржавчиной, перед лицом непонятого им лозунга оживления советов.

Она создает почву для теорий о «перерождении» руководящего штаба нашей партии перед лицом практической политики этого штаба, политики, основанной на правильном понимании генеральной линии нашего развития, линии, данной т. Лениным, но не понятой т. Зиновьевым.

В позиции т. Зиновьева ничего общего с тем, о чем писал, на что указывал, к чему призывал партию т. Ленин в своих предсмертных статьях, нет.

В той статье, в которой т. Ленин указывал на возможность победы социализма в нашей стране, возможность продержаться не на основе «крестьянской ограниченности», а на основе крепнущей и растущей индустрии, переделывающей крестьянское хозяйство, т. Ленин писал о единстве наших рядов, как одном из основных факторов нашей победы.

Книга т. Зиновьева является чем угодно, только не документом, способным укрепить это единство.

Противоречивая обстановка, в которой живет и борется наша партия, является источником для всякого рода колебаний. Эти колебания возможны не только со стороны крестьянства, они возможны и в среде рабочего класса, ряды которого пополняются сейчас благодаря росту, расширению и укреплению нашей социалистической промышленности. Такова живая диалектика нашего роста. Об опасности цеховых уклонов, в связи с ростом, наша партия говорила в последнее время не раз. И нам кажется, что та тенденция, которая видна в книге т. Зиновьева, способна увенчать именно такого рода настроения. От этого надо нашу партию и рабочий класс беречь. Партии нужно единство и в первую голову единство, но на действительно ленинской о с н о в е, на основе той политики, которую проводит наш ленинский ЦК.

Ефим Цейтлин.
Я. Никулихин.
Ф. Леонов.

Редакция: В. Астров. Н. Бухарин. Л. Каменев. А. Слепков. Е. Ярославский.

СОДЕРЖАНИЕ: